

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Федеральный исследовательский центр
Коми научный центр Уральского отделения
Российской академии наук»
Институт языка, литературы и истории Коми научного центра
Уральского отделения Российской академии наук

STUDIA JUVENALIA (SJ)

**Сборник статей молодых ученых
Института языка, литературы и истории
Коми научного центра УрО РАН**

Выпуск 4

Сыктывкар 2025

УДК 009(066)(470.13)
ББК 72.4 (2 Рос. Ком)
DOI 10.19110/978-5-89606-687-3

S90 STUDIA JUVENALIA (SJ): сборник статей молодых ученых Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН. Выпуск 4 / под ред. И. Л. Жеребцова. – Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2025. – 144 с.

Сборник включает тексты научных статей молодых ученых Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН. Рассмотрены актуальные вопросы изучения истории, культуры, языка и литературы народов Европейского Севера России. Издание ориентировано на историков, антропологов, этнографов, языковедов, фольклористов, литературоведов, культурологов, регионоведов, преподавателей, аспирантов, студентов, учащихся школ и широкого круга читателей, интересующихся историей и культурой родного края.

S90 STUDIA JUVENALIA (SJ): collection of papers by young scientists of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Issue 4 / Ed. I. L. Zherebtsov. – Syktyvkar: FRC Komi SC UB RAS, 2025. – 144 p.

The collection includes the texts of scientific papers by young scientists of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. The current issues of studying the history, culture, language and literature of the peoples of the European North of Russia are considered. The publication is aimed at historians, anthropologists, ethnographers, linguists, folklorists, literary critics, cultural scientists, regional scientists, teachers, graduate students, students, school students and a wide range of readers interested in the history and culture of their native land.

Редакционная коллегия:

И. Л. Жеребцов (председатель), И. О. Васкул (зам. председателя),
Е. А. Цыпанов (зам. председателя), О. А. Куратов (отв. секретарь),
В. В. Власова, Н. М. Игнатова, Н. В. Горинова, В. Н. Карманов, П. П. Котов,
Ю. А. Крашенинникова, Т. Л. Кузнецова, М. А. Мацук, А. Г. Мусанов, П. Ю. Павлов,
А. А. Попов, С. А. Сажина, М. В. Таскаев, Г. В. Федонёва, Ю. П. Шабаев

Рецензенты:

О. В. Золотарёв, д-р ист. наук, проф.
(Института истории и права ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»)
А. Н. Ракин, д-р филол. наук
(Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН)

ISBN 978-5-89606-687-3

© ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2025
© ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2025

ВВЕДЕНИЕ

Настоящий сборник научных статей содержит результирующие исследования молодых ученых Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (Институт), приурочен к 55-летию юбилею учреждения и является продолжением серии, начатой в 1980-х гг.

С момента основания Институт выступает в качестве центра, где готовят молодых квалифицированных специалистов. Его кадровая политика, нацеленная на сохранение устоявшихся научных традиций, позволила обеспечить преемственность кадров и непрерывность исследований, дифференцировать и актуализировать наиболее важные научные проблемы и активизировать их изучение.

Издание являет собой практическую реализацию первичных результатов изысканий аспирантов, усовершенствование навыков написания научных работ и их подготовки к публикации исследователей и молодых кандидатов наук.

Сборник включает статьи по актуальным вопросам современного развития исторической и филологической науки, они верифицируются с исследовательскими задачами, стоящими перед молодыми учеными, дают представления об основных направлениях и степени разработанности ряда фундаментальных проблем, изучаемых в академическом учреждении.

В материалах сборника представлены широкий спектр направленности научных исследований и заключений, авторы используют ранее неопубликованные источники, включая архивные, этнографические, лингвистические и фольклорные данные. Многие из этих материалов впервые вводятся в научный оборот. Структурно сборник состоит из трех разделов. Первый, посвященный проблемам археологии, отражает как результаты новых полевых экспедиций (см. статью Е. В. Попова о погребении на территории поселения Парчъяг I), так и анализ накопленного за последние десятилетия исследований материала (см. статьи И. Н. Макаровой о серебряной зооморфной пронизке, А. Л. Белицкой и С. А. Родова о памятниках стоянки Красная гора). В совместной статье Н. А. Волокитина и С. А. Родов анализируют феномен «экспедиционной повседневности» на примере археологических экспедиций.

Второй раздел включает вопросы отечественной истории и исторической демографии. Становлению и деятельности комсомольского движения в Коми автономной области в 1920-е гг. посвящено исследование В. Н. Каракчиева. Предметом изучения У. В. Лыткиной стали факторы и закономерности естественного движения населения Коми края в советский период на уровне городских советов республики и районов с преобладанием городского населения. О. А. Куратов анализирует один из современных теоретических подходов к изучению миграции населения – концепцию «мобильного перехода», которая расширяет и развивает теорию демографического перехода.

В третьем разделе сборника объединены статьи по фольклорной и филологической проблематике. На материале современной коми женской поэзии в статье А. В. Малевой раскрывается мифопоэтическая основа отдельных лирических переживаний, поэтических образов, средств художественной выразительности, принципов организации художественного мира. В исследовании П. А. Истоминой рассмотрены образы, сюжеты и основные мотивы рассказов о мужчинах и женщинах-колдунах на материалах современных полевых записей, зафиксированных от русского заводского населения. В статье О. Н. Баженовой раскрыты стилистические функции смешения кодов на материале коми художественных текстов.

Е. В. Попов

Погребение раннего железного века на поселении Парчъяг I (река Вычегда, Республика Коми)

В статье опубликованы материалы погребения, изученного на поселении Парчъяг I автором в 2023 г. (средняя Вычегда, Республика Коми). По инвентарю его можно отнести к гляденовской культурно-исторической общности (КИО) и датировать первой пол. I тыс. н. э. Изучение материалов погребения на поселении Парчъяг I расширяет наши представления о духовной культуре населения региона в раннем железном веке.

Ключевые слова: европейский Северо-Восток, Республика Коми, река Вычегда, археология, археологический памятник, погребение, ранний железный век, гляденовская культурно-историческая общность

E. V. Popov

Burial of the Early Iron Age on the Parchyag I settlement (Vycheгда river, Komi Republic)

The paper publishes materials from a burial studied on the Parchyag I settlement by the author in 2023 (middle Vycheгда river, Komi Republic). According to the inventory it can be attributed to the Glydenovo culture-historical community and date them to the first half of the I millennium AD. The study of burial materials at the Parchyag I settlement expands our understanding of the spiritual culture of the region's population in the Early Iron Age.

Keywords: European North-East of Russia; Komi Republic; Vycheгда river; archaeology; archaeological site; burial, Early Iron Age, Glydenovo culture-historical community

Погребения, датируемые ранним железным веком на территории европейского Северо-Востока (ЕСВ) – большая редкость. К данному периоду относятся памятники ананьинской и гляденовской КИО, расположенные в долине рек Вычегды и Печоры. Первый период (ананьинское время, VIII–III вв. до н. э.) представлен материалами одиночных погребений на поселениях Шойнаты II, Угдым III и Шиховском могильнике. Кроме того, на последнем выявлены погребения, относящиеся к обоим периодам раннего железного века. Второй период (гляденовское время, кон. III в. до н. э. – первая пол.

V в. н. э.) документирован материалами могильников Джуджыдъяг, Новый Бор и одиночного погребения (?) Якэ (захоронение на местонахождении Якэ 8) [Васкул, Ашихмина, 2021, с. 249, 265, 266; Васкул, 2021, с. 565, рис. 1].

Изученных раскопками погребальных комплексов раннего железного века в регионе тоже немного, и поэтому данных о них, в связи с малочисленностью погребений, недостаточно, чтобы дать целостную характеристику погребального обряда ананьинского и гляденовского времени. Каждый новый выявленный объект по-своему уникален и расширяет наши представления о духовной культуре населения рассматриваемого периода.

Цель данной публикации – ввод в научный оборот нового материала, полученного в ходе раскопок последних лет, который расширит наши представления о погребальной практике населения долины Вычегды в раннем железном веке. Задачи исследования: характеристика выявленного погребения и его этнокультурная атрибуция.

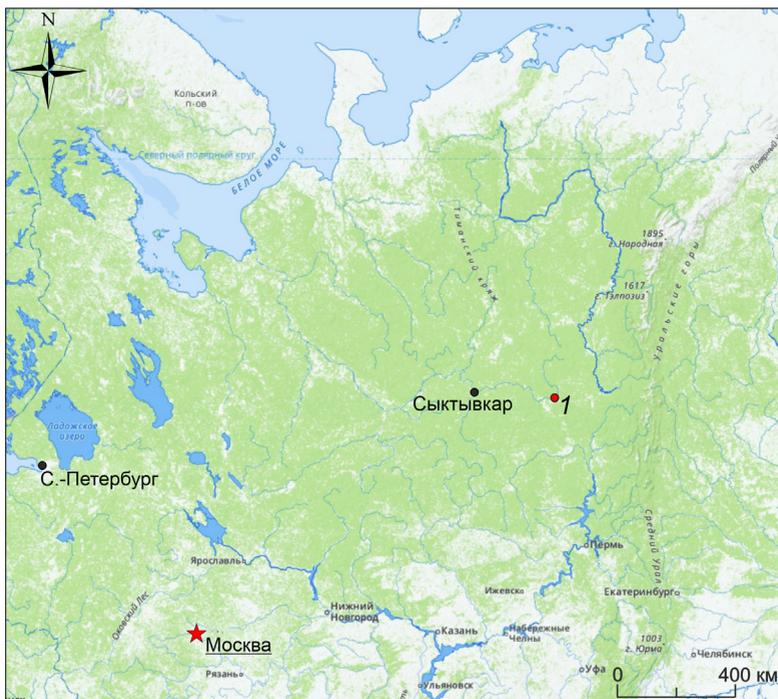

Рис. 1. Местоположение погребения на территории поселения Парчъяг I (1).

Описание контекста. Погребение было выявлено автором в 2023 г. в ходе раскопок разновременного и разнотипного памятника – поселения Парчъяг I, расположенного в Усть-Куломском районе Республики Коми (рис. 1).

Поселение Парчъяг I находится на левобережье р. Вычегды и левом берегу р. Парчью, в 2,9 км к ЮВ от с. Парч, 2,05 км к ЮВ от современного русла р. Вычегды, на восточной оконечности ур. Седвадъяг (рис. 2). Участок, на котором расположен памятник, представляет собой прикраевую часть надпойменной «боровая» террасы, прилегающей на востоке к долине р. Парчью, на севере – к древнему сегменту поймы р. Вычегды – остаткам ее палеоруслу (ныне участок с заболоченной поверхностью, покрытый смешанным лесом).

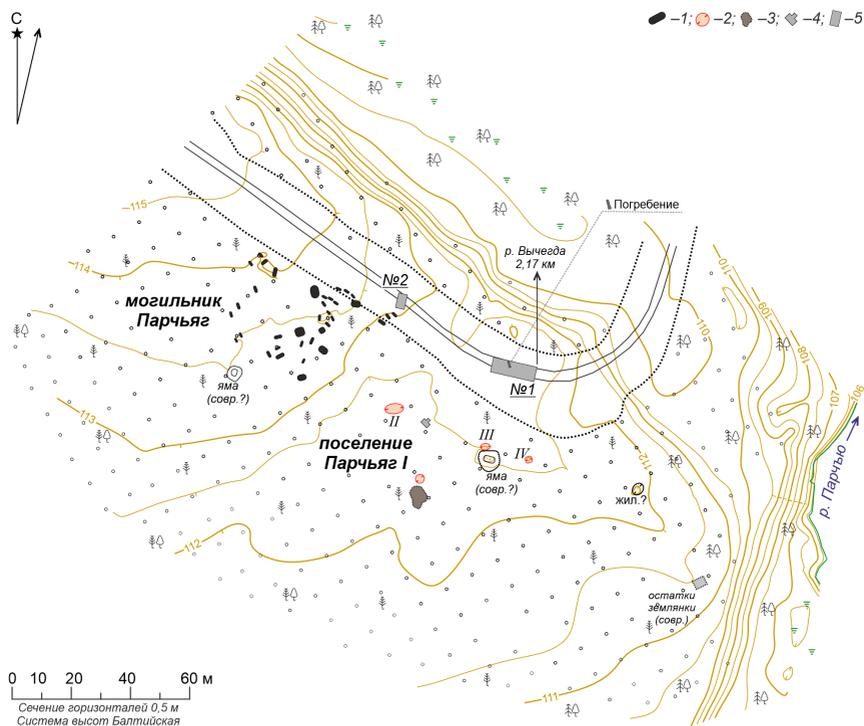

Рис. 2. Поселение Парчъяг I. Инструментальный ситуационный план.

Условные обозначения: 1 – погребение; 2 – остатки оплывшего котлована углубленной постройки и её порядковый номер; 3 – остатки очага в виде бугра на современной поверхности (поздний железный век, вторая пол. I тыс. н. э.); 4 – шурф 1988 г. Л. И. Ашихминой; 5 – раскоп 2023 г., его номер.

Памятник открыт Л. И. Ашихминой в 1988 г. Исследователем был собран подъемный материал на поверхности тропы и обнаружены четыре жилищные впадины. Шурфом площадью 7 кв. м охвачена одна из впадин, где изучены остатки наземного жилища раннего железного века (гляденовская КИО) [Ашихмина, 1989].

В 2023 г. автор провел спасательные раскопки на поселении Парчяг I [Попов, 2024]. В ходе спасательных мероприятий, раскопками изучены участки ОАН площадью 75 и 15 кв. м. В раскопе площадью 75 кв. м исследованы разновременные комплексы: остатки очага (чужьяёльская АК, IV – сер. III тыс. до н. э.), производственный комплекс по изготовлению кремневых скребков и бифасов (предварительно, рубеж эпох бронзы и железа или посл. четв. II – нач. I тыс. до н. э.), погребение гляденовской КИО (первая пол. I тыс. н. э.) и место обитания населения этого же времени.

Характеристика погребения. Обнаружено после снятия дорожного слоя на глубине 4–5 см от современной дневной поверхности. До проведения раскопок выраженного на поверхности объекта – впадины, соответствующей захоронению, не обнаружено.

Могильная яма имела подпрямоугольные очертания в плане с частично скругленными с северной стороны углами (рис. 3). Ориентирована по длинной оси СЗ – ЮВ. Размеры могильной ямы на первых уровнях фиксации составляли 2,19 x 0,54 м, глубина – около 0,3–0,39 м¹. Зафиксированные размеры у дна ямы – 1,85 x 0,54 м. Продольные стенки ямы пологие, дно – ровное. Заполнение погребения представляло собой неоднородный, серо-желтый песок, отличавшийся от естественных отложений современной почвы – подзола иллювиально-железистого.

Антропологические остатки, представленные плохо сохранившимися фрагментами нижних и верхних конечностей, шейных позвонков, челюсти, зубов, принадлежат женщине возрастом от 19 до 24 лет². Костяк располагался выгнуто на спине, головой на ЮВ (рис. 4).

Обращают на себя внимание следы двух параллельных друг другу полос светло-серого песка вдоль ЮВ и СЗ краев ямы, которые, пред-

¹ Разница глубины ямы представлена с учетом перепада высот. Истинная глубина ямы не определена из-за разрушения поверхности лесной дорогой.

² Определение половозрастных особенностей по костям индивида сделаны антропологом Вологодского государственного музея-заповедника (г. Вологда) Т. А. Пантелеевой, за что автор статьи выражает ей огромную благодарность.

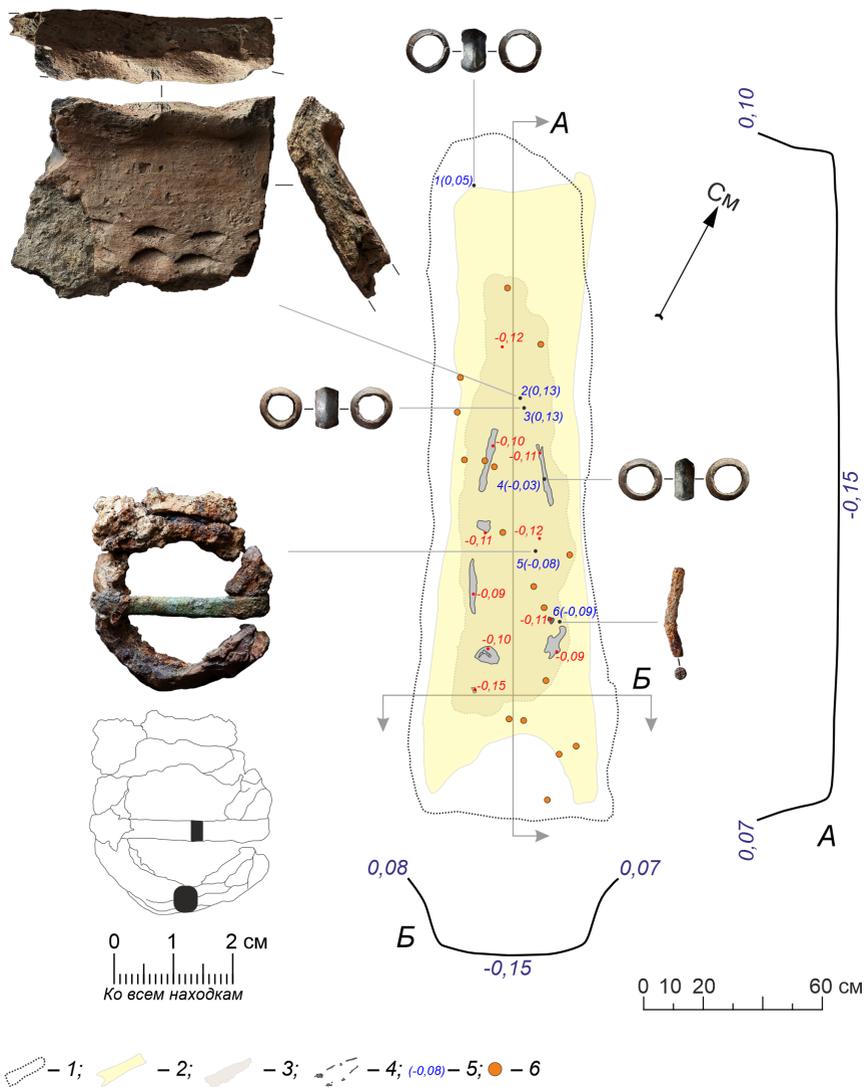

Рис. 3. План погребения с профилями (А, Б) и погребальным инвентарем. Условные обозначения: 1 – контуры погребения на уровне фиксации 0,11–0,06 м (здесь и далее глубина фиксации от условного «0»); 2 – контуры погребения на уровне фиксации -0,09 – -0,11 м; 3 – тлен (органические остатки); 4 – антропологические остатки; 5 – номер находки, глубина ее залегания; 6 – обломки керамики. Примечание: отметки глубин на профилях указаны от условного «0» на момент фиксации, когда очертания ямы стали более выразительными.

Рис. 4. Следы погребения с остатками костей и тлена.

положительно, могли представлять собой остатки несохранившейся погребальной конструкции, например, «носилок» (рис. 4).

Первые следы зафиксированы на уровне 15–20 см от дневной поверхности в ЮВ части ямы. Наиболее выраженные очертания они имели на уровне фиксации костяка (30–35 см от дневной поверхности).

Характеристика инвентаря и культурно-хронологическая атрибуция. Погребальный инвентарь включает обломок железного изделия, железную пряжку с бронзовым язычком, три кольцевидные бронзовые бусины и обломок керамической посуды (см. рис. 3). В заполнении могильной ямы также обнаружены кремневые изделия (преимущественно отходы кремнеобработки), которые могли попасть в нее из поврежденного культурного слоя поселения (более раннего времени) во время засыпки могильной ямы. Описание кремневого материала не является предметом данной статьи.

Согласно пространственному расположению находок на плане, найденные вещи лежали неравномерно: в заполнении и на дне ямы. Примечательно расположение бус в данном погребении. Они были зафиксированы в разных местах ямы: бусины № 1 и 3 могли попасть в погребение при его засыпке, а бусина № 4, возможно, размещалась на теле покойного. Все это указывает на факт особого ритуала при захоронении умершего.

По мнению Е. В. Голдиной, единичные бусы погребальных памятников Прикамья первой пол. I тыс. н. э. встречались в самых разных местах на дне могильных ям и, вероятно, являлись подарками умершему от участников погребальных церемоний [Голдина, 2017, с. 61]. Не исключено, что такой же обряд захоронения мог сопровождать погребение, изученное на поселении Парчъег I. Несмотря на малочисленность найденного в погребении погребального инвентаря, можно условно определить его этнокультурную атрибуцию.

Бусины (3 экз.) – цельнометаллические литые изделия из медесодержащего сплава, усеченно-биконической формы. По форме и размерам они идентичны: диаметр – 0,7–0,75 см, толщина – 0,32–0,42 см. Ближайшие аналогии бусам имеются в инвентаре поселения Пожегдин II, поселения-святилища Мыелдино (верхняя Вычегда) и датируются I–V вв. н. э. или вторым этапом джудждыгягской культуры гляденовской КИО [Васкул, 2021, с. 580, 584. рис. 8: 4]. Широко распространены бусы в качестве составных частей пронизей женского костюма на территории Вятско-Камского междуречья, на крупных, хорошо исследованных могильниках, датируемых первой пол. I тыс. н. э. Подобные изделия известны в инвентаре грунтовой части Тураевского I могильника (IV–V вв. н. э., мазунинская культура, финал пьяноборской КИО) на нижней Каме [Голдина, Бернц, 2010, табл. 25: 4; табл. 33: 3-1-5], Тарасовского могильника (I–V вв. н. э., тарасовская (чегандинская культура) пьяноборской КИО) на средней Каме [Голдина, 2003, табл. 74: 4; табл. 79: 2, 3, 4; табл. 154: 2; табл. 190: 1-10-21], Ошкинского могильника (I–III вв. н. э., пьяноборская КИО) в бассейне р. Вятки [Лещинская, 2014, табл. 19: 15, 16; табл. 82: 17; табл. 83: 18–24]. Бусины Тураевского I могильника близки биконической формой, однако их отличие в том, что они не цельнолитые, а изготовлены из граненой пластинки, свернутой в кольцо (края либо разомкнуты, либо соприкасаются) [Голдина, Бернц, 2010, с. 126]. Авторы публикации Тарасовского могильника отмечали распространенность этих

предметов на всем протяжении времени существования некрополя [Голдина и др., 2015, 43]. Более узкие хронологические рамки их бытования не установлены. Обломок железного изделия длиной 1,5 см и толщиной 0,2 см, возможно, является фрагментом сильно корродированной иглы. В виду плохой сохранности предмета установить культурную атрибуцию и ближайшие аналогии невозможно.

Пряжка, как и игла, сильно корродирована, имеет плохую сохранность. Реконструируется как рамчатая пряжка округлой формы с подвижным язычком. Она изготовлена из железного дрота овального сечения толщиной 0,6–0,8 см. Рамка имеет небольшое утолщение спереди. Язычок пряжки – прямой, не выходящий за край рамки, сделан из медесодержащего сплава. Щиток отсутствует. Аналогии пряжки можно найти в инвентарях памятников раннего железного века в Вятско-Камском междуречье – грунтовых могильников пьяноборской КИО, датируемых первой пол. I тыс. н. э. Похожие вещи известны в погребальном инвентаре упомянутых выше Тураевском I (грунтовая часть) [Голдина, Бернц, 2010, табл. 226: 6], Тарасовском [Голдина, 2003, табл. 214. Погр. 494: 1; табл. 256. Погр. 606: 3, 4; табл. 596. Погр. 1620: 3] и Ошкинском [Лещинская, 2014, табл. 11: 3] могильниках. Однако они полностью изготовлены из железа.

Коллекция керамики (28 экз.) представлена фрагментами стенок и венчиков лепных сосудов, выполненных из глины с добавлением минеральной примеси. Выделяются обломки одного сосуда, орнаментированного «ногтевыми насечками» в верхней части. Торец венчика оформлен пальцевыми защипами. Обломки орнаментированной керамической посуды сопоставимы с некоторыми сосудами поселений раннего железного века на р. Вычегде: на том же, вышеупомянутом, поселении-святилище Мыелдино [Васкул, Холопов, 2005, рис. 2: 20] и поселении Пожегдин II [Буров, 1965, рис. 10: 9]. Керамику, украшенную насечками и оформленную пальцевыми вдавлениями, исследователи включают в материалы гляденовской культуры, изученной в бассейне р. Вычегды.

Таким образом, материалы исследованного погребения на поселении Парчъяг I можно отнести к раннему железному веку гляденовской КИО. Наиболее вероятное время организации погребения – это первая пол. I тыс. н. э. Более узкие хронологические рамки материала на данном этапе работы определить трудно. Для этого необходимы дальнейшие исследования в Парчъягском археологическом микро-

районе. Раскопки на территории поселения Парчъг I позволят скорректировать выводы об этнокультурной принадлежности исследованного погребения.

Изученное погребение имеет несомненные сходства с могильниками раннего железного века в регионе, что проявляется в сходстве топографии (расположение мест захоронений по берегам рек и озер, на сухих надпойменных террасах), погребальной обрядности (организация захоронения в грунтовых неглубоких ямах прямоугольной формы, ориентированных по линии СЗ – ЮВ или СВ – ЮЗ), составе и расположении погребального инвентаря (расположение в засыпи и на дне могильной ямы) [Васкул, 2021, с. 596].

Обнаруженные в ходе раскопок материалы погребения дополняют знания и имеющиеся сведения о погребальной обрядности населения раннего железного века первой пол. I тыс. н. э. в бассейне Вычегды.

Литература

Ашихмина, Л. И. Исследования Вычегодско-Вятского отряда в бассейне средней Вычегды / Л. И. Ашихмина // Археологические открытия Урала и Поволжья. – Сыктывкар, 1989. – С. 3–5.

Буров, Г. М. Археологическая разведка 1963 г. в зоне затопления будущего Усть-Куломского водохранилища / Г. М. Буров // Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. – Сыктывкар, 1965. – Вып. III. – С. 139–159.

Васкул, И. О. Памятники гляденовской культурно-исторической области на территории Европейского Северо-Востока / И. О. Васкул // Археология Волго-Уралья. Т. 3. Ранний железный век / отв. ред. А. А. Чижевский. – Казань: Изд-во АН РТ, 2021. – С. 562–597.

Васкул, И. О. Памятники ананьинского времени на территории Европейского Северо-Востока / И. О. Васкул, Л. И. Ашихмина // Археология Волго-Уралья. Т. 3. Ранний железный век / отв. ред. А. А. Чижевский. – Казань: Изд-во АН РТ, 2021. – С. 242–287.

Голдина, Е. В. Использование бусин и бисера в женском костюме населения Среднего Прикамья в первой половине I тыс. н. э. (по материалам Тарасовского могильника) / Е. В. Голдина // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2017. – № 2 (45). – С. 56–61.

Голдина, Р. Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме / Р. Д. Голдина. – Ижевск, 2003. – Т. II: Иллюстрации. – 722 с.

Голдина, Р. Д. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть): материалы исследования Камско-Вятской археологической экспедиции / Р. Д. Голдина, В. А. Бернц.– Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. – Т. 17. – 499 с.

Голдина, Р. Д. Погребальный обряд Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме / Р. Д. Голдина, Т. Р. Сабиров, Т. М. Сабирова. – Казань, Ижевск, 2015. – Т. III. – 297 с.

Лещинская, Н. А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н. э.) / Н. А. Лещинская // Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. – Ижевск, 2014. – Т. 27. – 472 с.

Попов, Е. В. Научный отчет об археологических раскопках поселений Парчъяг I и Парчъяг II в Усть-Куломском районе Республики Коми в 2023 году (Открытый лист № 1537-2023 от 31.05.2023 г.) / Е. В. Попов // НА ИА РАН. – Сыктывкар, 2024.

Автор признателен А. Л. Белицкой за помощь в археологических раскопках погребения на поселении Парчъяг I в 2023 г., и консультации по теме исследования.

Раскопки 2023 г. финансировались за счет Управления Республики Коми по охране объектов культурного наследия.

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, по теме «Археологические источники: описание, систематизация и критический анализ (по материалам Европейского Северо-Востока России)» (№ 122040800169-1).

Информация об авторе:

Попов Евгений Валентинович – младший научный сотрудник сектора сохранения и популяризации археологического наследия отдела археологии Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, eyporovich@bk.ru.

И. Н. Макарова

**Серебряная зооморфная пронизка
из фондов Научного музея археологии
европейского Северо-Востока
ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН**

Статья посвящена идентификации и атрибуции коньковой пронизки из фондов Научного музея археологии европейского Северо-Востока ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Анализ физико-химического состава металла позволил определить, что предмет изготовлен из серебра с примесью меди. Аналогии артефакту найдены в материалах памятников таежного Приобья: Ямгортский клад, Зеленый Яр, Сайгатинский I и Сайгатинский IV могильники. На этом основании пронизка датирована IX–XII вв. Полученные результаты исследования позволяют атрибутировать ее, найти место среди древностей эпохи средневековья и включить коньковую пронизку из фондов музея в систему хранения Музейного фонда Российской Федерации.

Ключевые слова: коньковая пронизка, Ямгортский клад, таежное Приобье, Средневековье, физико-химическое определение металла

I. N. Makarova

**A silver zoomorphic pendant
from the collections of the Scientific Museum
of Archaeology of the European Northeast**

The article is devoted to the identification and attribution of the horse-shaped pendants from the funds of the Scientific Museum of Archaeology of the European Northeast. The purpose of this publication is to introduce into scientific circulation the silver pendant. The research was carried out with the integrated use of general scientific, universal methods, including such theoretical research methods as generalization, comparison, analysis and synthesis. An analysis was carried out to determine the physical-chemical composition of the metal, during which it turned out that the museum object consists almost entirely of silver with an admixture of copper. The search for analogies allowed us to correlate this thing with the materials of excavations of monuments of the Taiga Ob region: Yamgortsky treasure, Zeleny Yar, Saigatinsky I and Saigatinsky IV burial grounds. Based on the data of these closed complexes, the pendant is dated to the IX–XII centuries AD. The obtained results of the study allow us to include the ridge bead from the museum funds in the storage system of the Museum Fund of the Russian Federation.

Keywords: ridge pendant, horse-shaped pendant, Yamgortsky treasure, Taiga Ob region, the Middle Ages

Введение. В фондах Научного музея археологии европейского Северо-Востока (Музей) Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар) хранится более 560 тыс. предметов, большинство из которых были найдены в ходе планомерных археологических исследований сотрудниками Института. Экспедиции охватывали не только территорию Республики Коми, но и сопредельные регионы, а интереснейшие находки попадали в фонды Музея. Один из таких предметов был найден в 1983 г. Л. В. Мизиной, позднее ставшей первым заведующим Музея, в то время называвшегося археолого-этнографическим.

Печоро-Мезенский археологический отряд ИЯЛИ КФ АН СССР под руководством В. С. Стоколоса летом 1983 г. вел плановые полевые исследования в Вуктыльском районе Коми АССР, Ненецком автономном округе Архангельской области (р. Море-ю), в Усть-Цилемском районе Коми АССР и Ямало-Ненецком округе Тюменской области. В состав отряда входили штатные сотрудники Института, в том числе лаборант Л. В. Мизина, задачей которой была разведка по р. Полууй. Полевые работы проходили в рамках плановой темы исследования сектора археологии. Из экспедиции Л. В. Мизина привезла коньковую пронизку (рис. 1), которая характерна для древностей Ямала.

Рис. 1. Коньковая пронизка из фондов Научного музея археологии европейского Северо-Востока.

QR-код содержит ссылку для просмотра трехмерной модели на смартфоне или компьютере читателя.

К сожалению, находка не была паспортизирована, что осложняло ее атрибуцию. По устному сообщению Л. В. Мизиной пронизка, скорее всего, входила в состав Ямгортского клада, а сам предмет был найден в школьном музее дер. Ямгорт, который к тому времени был разобран и прекратил свою деятельность.

Цель данной публикации – введение в научный оборот одной из типичных, но тем не менее ярких и малоисследованных вещей – серебряной коньковой пронизки.

Описание и анализ предмета. Находка представляет собой полную объемную двустороннюю литую фигуру коня из белого металла размерами 7,0 x 5,2 x 1,7 см. Фигура расположена на горизонтальном основании, которое в своем продолжении уходит к морде животного, соединяя таким образом его полусогнутые передние ноги с головой.

Фигурка коня украшена поперечными полосками, имитирующими гриву, и рядом точек по бокам, на бедре орнамент листовидной формы с четырьмя дугами, на плече и локтевом суставе – подобие щитка с двумя полукругами внутри (один из них представляет собой кант из перлов, другой – непрерывную линию). Глаза каплевидной формы обведены рельефными валиками. Особенностью орнамента фигурки является подчеркивание элементов мускулатуры животного. На одной из сторон пронизки плечи, спина-живот и бедро залощены, скорее всего, из-за трения в процессе носки.

Следует обозначить, что пронизки – это определенный элемент украшения костюма, который был широко распространен в эпоху средневековья у финно-угорских народов [Крыласова, Данич, 2020, с. 50]. Пронизка представляет собой предмет, имеющий серию отверстий или выемок для продевания насквозь шнурков, нитей или кожаных ремней. Этот артефакт не только добавляет эстетическую ценность костюму, но и играет важную роль в конструировании или креплении одежды и аксессуаров. Пронизки часто имеют сложные формы и могут нести разнообразные орнаменты, что делает их важными элементами материальной культуры для изучения эстетических и художественных особенностей общества. Пронизки, оформленные в виде зооморфной фигуры, имеют стандартное композиционное решение: профиль животного или птицы, стоящих на основании, которое тянется от головы до хвоста.

Анализ физико-химического состава металла пронизки сделан в Институте геологии им. Н. П. Юшкина ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Для этого использовался сканирующий электронный микроскоп VEGA 3 LM с системой EDS-анализа AZtec производства Oxford Instruments, оснащенный энергодисперсионным спектрометром X-Max 50. Определено, что коньковая пронизка изготовлена из серебра с незначительной примесью меди (рис. 2, табл. 1). Впоследствии результат был проверен и подтвержден рентгенофлуоресцентным анализатором Bruker S1 (табл. 2)¹.

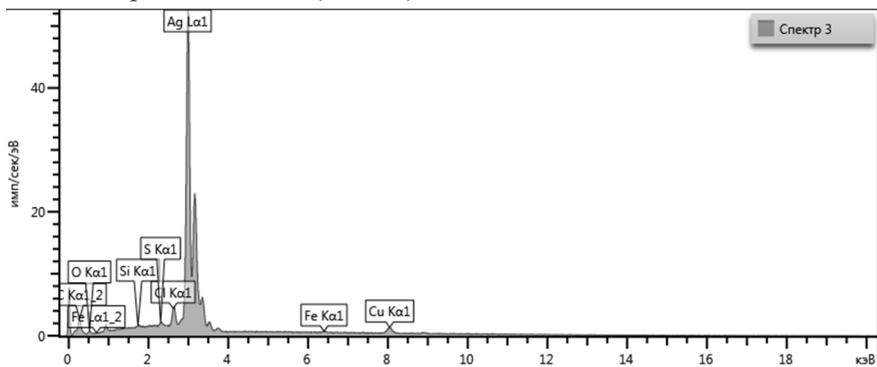

Рис. 2. Типичные энергодисперсионные спектры основных металлических фаз в составе коньковой пронизки.

Таблица 1

Результаты исследования химического состава металла зооморфной пронизки

Элемент	Тип линии	Условная концентрация	Отношение k	Вес, %	Сигма, вес, %	Название эталона	Предустановленный эталон
O	К серия	0,78	0,00262	2,41	0,22	sio2	нет
Si	К серия	0,09	0,00093	0,14	0,04	si	нет
S	К серия	0,31	0,00263	0,29	0,04	fes2	нет
Cl	К серия	0,97	0,00852	0,87	0,05	nacl	да
Fe	К серия	0,37	0,00372	0,38	0,08	ЧИСТЫЙ элемент	нет
Cu	К серия	3,88	0,03884	3,81	0,14	ЧИСТЫЙ элемент	нет
Ag	L серия	80,69	0,80695	82,88	0,35	ЧИСТЫЙ элемент	нет
Сумма				90,79			

¹ На образцах исследовалось две–четыре пробы, результаты усреднялись. Химическую и механическую чистки изделий не проводили.

Валовое содержание металлов в пронизке

Химический элемент	%	+/-
Fe	0,31	0,09
Cu	8,12	0,17
As	0,19	0,03
Ag	90,60	0,61
Pb	0,82	0,06

Атрибуция артефакта. Аналогии пронизке можно найти среди находок таежного Приобья. В Ямгортском кладе (с. Овгорт, Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО)) в 1980 г. были обнаружены три зооморфные пронизки. Они хранятся в фондах Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса имени И. С. Шемановского и представляют собой отлитые изделия в виде фигурок коней с полированной поверхностью, отлитые в одной двухсторонней объемной форме с сердечником [Федорова, 1996, с. 69]. Н. В. Федорова в каталоге «Сокровища Приобья» указывает, что вещи отлиты из бронзы, но при нахождении предметов с теми же номерами по КП (ГИК) на сайте Государственного каталога Музейного фонда РФ¹ основным материалом указано серебро. Помимо этого в Государственном каталоге в фондах того же музея найдены три аналогичные подвески из бронзы². Однотипный орнамент и общее место обнаружения позволяют предположить, что упомянутые коньковые пронизки изготовлены в одном месте и, возможно, даже отлиты в одной форме.

Кроме того, на Сайгатинских могильниках, на могильнике Зеленый Яр и Барсовский I (Барсовский Городок) немало зооморфных пронизок в виде коня, отлитых в двухсторонней форме с литником, имеющих разнообразные орнаменты. В частности, на Сайгатинском I могильнике (ХМАО) была найдена коньковая пронизка [Зыков и др., 1994, рис. 126, 140], выполненная в схожей технике литья в двухсторонней форме с сердечником, находящаяся на основании, соединяющем хвост и голову лошади, украшенная рядами точек и валиков. Коньковая пронизка, подобная рассматриваемой, найдена на Сайгатинском IV могильнике (ХМАО) [Зыков и др., 1994, рис. 125, 140]. Отмечу аналогичные совпадения по композиционному решению,

² Номера по Государственному каталогу МФ РФ 4615068, 4615072, 5073410.

³ Номера по Государственному каталогу МФ РФ 16088039, 16088023, 16088040.

размеру, орнаментации, элементам декора. Сравнивая указанные изделия с пронизкой, хранящейся в фондах Музея, обращает на себя внимание одинаковый размер, идентичный орнамент из равного количества перлов в кантах, форму глаз, ушей, наличие литников.

В 2013 г. при раскопках могильника Зеленый Яр в межмогильном пространстве была обнаружена уникальная находка – фигура конного всадника, отлитая в двусторонней объемной форме с сердечником из белой бронзы [Гусев и др., 2014, с. 92]. Найденное изделие представляет собой пронизку в виде всадника, сидящего верхом на коне, способ литья и композиционные особенности соответствуют находке из фондов Музея. Отмечу совпадения по форме ушей, глаз, художественному приему выражения мускулатуры животного, орнаментации в виде ряда точек и каплевидных накладок [Гусев, 2015, с. 27–28]. Исследователь датирует предмет IX–XI вв. н. э., ориентируясь на ранее найденные антропоморфные изделия с головой-трубочкой [Гусев и др., 2014, с. 92].

Для определения времени изготовления коньковой пронизки из фондов Музея использованы данные о выявленных аналогиях. Н. В. Федорова датирует коньковые пронизки, найденные в ЯНАО и на Сайгатинских могильниках IX–XII вв. н. э., опираясь на материалы западносибирских погребений эпохи средневековья [Федорова, 1996, с. 68]. Более узкой датировки – IX–XI вв. – придерживается исследователь А. В. Гордиенко [Гордиенко, 2019, с. 197].

Авторы каталога «Угорское наследие» указывают, что на территорию Зауралья в I тыс. н. э. продолжается завоз прикамских бронзовых вещей, вызывая волну подражания среди местного финно-угорского населения [Зыков и др., 1994, с. 39–40]. И, хотя к концу I тыс. н. э. образ коня становится ведущим в мелкой пластике для территории Прикамья [Липина, 2009, с. 98], для таежного Приобья он остается редким, получая повсеместное распространение лишь в начале II тыс. н. э. Семантика образа коня для обских угров выражалась в сходстве с животными-тотемами. Ханты считали, что некоторые духи с помощью коня спускались с неба и поднимались вверх [Плотников, 1987, с. 125–131].

Заключение. Зооморфные мотивы являются распространенным сюжетом для территории таежного Приобья в I и II тыс. н. э. Идеи, пришедшие из Прикамья, были переняты и полюбились местным ма-

стерам и потребителям, что вызвало серьезное увеличение количества изделий художественного металла в конце I тыс. н. э. Среди образов особое значение получает профильное изображение коня. У данной категории предметов однотипный орнамент (канты из перлов, каплевидные формы накладок, подчеркивание мускулатуры животного). Значительное число изделий с севера Западной Сибири свидетельствует о востребованности таких вещей, которые могли как отвечать эстетическим представлениям местного населения, так и отражать особенности их религиозно-духовных воззрений. Это также указывает на развитие металлообработки и культовой пластики у древнего населения таежного Приобья.

Проведенное исследование позволило атрибутировать коньковую пронизку из фондов Музея, а имеющиеся аналогии определяют время ее изготовления IX–XII вв. н. э. Это дает основание для включения сведений о предмете в систему хранения Музейного фонда РФ.

Впервые проведен спектральный анализ металла, из которого сделана коньковая пронизка. Это играет большое значение для восстановления технологии производства, правильного хранения и возможной реставрации предмета. В перспективе будет вероятным рассмотреть вопрос об источниках сырья и центрах производства данной категории вещей.

Литература

Гусев, А. В. Поминальные действия на могильниках у пос. Зеленый Яр / А. В. Гусев // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. – Салехард, 2015. – № 1 (86). – С. 25–30.

Гусев, А. В. Археологический комплекс Зеленый Яр: новые технологии полевых исследований / А. В. Гусев, Д. И. Ражев, С. М. Слепченко [и др.] // Уральский исторический вестник. – 2014. – № 2 (43). – С. 89–96.

Крыласова, Н. Б. Низки из металлических пронизок и бус в средневековом финно-угорском костюме Пермского Предуралья / Н. Б. Крыласова, А. В. Данич // Поволжская археология. – 2020. – № 4 (34). – С. 50–65.

Липина, Л. И. Сюжеты с образом коня в бронзолитейном искусстве Прикамья / Л. И. Липина // Труды КЭАА. – Пермь, 2009. – Вып. 6. – С. 98–108.

Плотников, Ю. А. «Клады» Приобья как исторический источник / Ю. А. Плотников // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск, 1987. – С. 120–135.

Средневековые Западной Сибири и Европы / А. В. Гордиенко. – М., 2019. – 221 с.

Угорское наследие / Ugrian heritage: древности Западной Сибири из собраний Уральского университета / А. П. Зыков [и др.]. – Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. – 159 с.

Федорова, Н. В. Три зооморфных подвески в виде фигурок коней / Н. В. Федорова // Сокровища Приобья. – СПб, 1996. – С. 68–69.

Работа выполнена в рамках темы НИР «Археологическое наследие европейского Северо-Востока: выявление, научное описание и систематизация» № ГР 122040800169-1.

Статья написана в рамках выполнения государственного задания по теме НИР «Археологические источники: описание, систематизация и критический анализ (по материалам Европейского Северо-Востока России)» (№ 122040800169-1).

Автор выражает благодарность за проведение спектрального анализа сотруднику Института геологии им. Н. П. Юшкина ФИЦ Коми НЦ УрО РАН Александру Сергеевичу Шуйскому и научному сотруднику Пермского федерального исследовательского центра РАН Юлии Александровне Подосёновой, а также ведущему научному сотруднику ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН Виктору Николаевичу Карманову за создание 3D-модели пронизки.

Информация об авторе:

Макарова Ирина Николаевна – заведующий сектором Научный музей археологии европейского Северо-Востока Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, ira130193@rambler.ru.

А. Л. Белицкая, С. А. Родов

Итоги изучения стоянки Красная гора вблизи города Сыктывкара

В статье собраны и систематизированы результаты более чем столетнего изучения одного из первых открытых на территории Республики Коми археологических микрорайонов, получившего в литературе название «стоянка Красная гора», расположенного на останце I надпойменной террасы при слиянии рек Сысолы и Вычегды. В ходе анализа накопленного материала и результатов полевых работ 1910–1990-х гг. установлено, что Красная гора – это комплекс разновременных памятников. Достоверно определяется три периода в истории его заселения: период раннего металла (III–II тыс. до н. э.), поздний железный век (VI–VIII вв.), средневековье (XI–XV вв.). Однако в связи со спорадичностью и бессистемностью исследований памятники, за исключением пунктов с материалом позднего железного века, не были локализованы как отдельные объекты археологического наследия, что затрудняет изучение истории освоения этого участка долины р. Сысолы. Попытка определения комплексов на территории останца была предпринята в 1994 г. Н. Н. Чесноковой, но исследования были ограничены только западным краем останца Красная гора.

В 2023 г. А. Л. Белицкой был проведен мониторинг современного состояния памятника археологии «Красногорская стоянка». Установлено, что в настоящее время вся поверхность террасы застроена жилыми домами и/или разрушена, выявленные пункты с находками археологических предметов утрачены. Исследовательский потенциал сохраняется только у юго-западного участка, занятого остатками бора, где находится выявленное Н. Н. Чесноковой поселение Красная гора-1.

На основании анализа материала, собранного на останце Красная гора, авторы статьи предлагают разделить комплексы и выделить четыре памятника: Усть-Сысольская стоянка эпохи бронзы, поселения Красная гора-1, -2 позднего железного века и могильник Шойнаяг эпохи средневековья.

Ключевые слова: г. Сыктывкар, р. Сысола, местечко Красная гора, стоянка, могильник, поселение, случайная находка, эпоха бронзы, поздний железный век, средневековье, археологический микрорайон

A. L. Belitskaya, S. A. Rodov

Results of research at the Krasnaya Gora site near Syktyvkar

This article overviews and systematizes the results of more than a century of study of one of the first archaeological microdistricts discovered on the territory

of the European Northeast, called in the literature «Krasnaya Gora site», located on a relict residual hill of the first supra-flood terrace at the confluence of the Sysola and Vychegda Rivers. In the course of analyzing the accumulated material and the results of fieldwork in 1910–1990s it was established that Krasnaya Gora is a complex of multi-temporal sites. At least three periods in the history of its settlement can be distinguished: the Early Metal Age (III–II millennia BC), the Late Iron Age (VI–VIII centuries), the Middle Ages (XI–XV centuries). However, due to the sporadicity and haphazardness of studies, the sites, with the exception of sites with Late Iron Age material, were not localized as separate cultural heritage sites, which makes it difficult to study the history of development of this section of the Sysola River valley. An attempt to identify complexes on the territory of the residual hill was made in 1994 by N.N. Chesnokova, but it concerned only the western edge of the Krasnaya Gora residual hill.

In 2023, A.L. Belitskaya monitored the current state of the Krasnogorskaya site. It was found that currently the entire terrace surface is built up with houses and/or destroyed, the identified points with finds of archaeological objects have been lost. Research potential is preserved only in the south-western part of the site, occupied by the remains of the pine forest, where the settlement Krasnaya Gora-1, identified by N.N. Chesnokova, is located.

On the basis of the analysis of the material collected on the Krasnaya Gora residual hill, the authors of the article propose to divide the complexes and identify four sites: the Ust-Sysolskaya site of the Bronze Age, the settlements Krasnaya Gora 1, -2 of the Late Iron Age and the burial ground Shoinayag of the Middle Ages.

Keywords: Syktyvkar city, Sysola river, Krasnaya Gora place, site, burial ground, settlement, accidental finding, Bronze Age, Late Iron Age, Middle Ages, archaeological microdistrict.

В Республике Коми известно небольшое количество археологических памятников, история исследования которых превышает столетие, поскольку планомерное профессиональное изучение региона начинается только с 1957 г. [Археология..., 1997, с. 15]. Один из них – стоянка Красная гора, расположенная в одноименном местечке в черте современного г. Сыктывкара (рис. 1). Если обратить внимание на имеющиеся материалы, можно заметить, что этим названием объединены разные культурно-хронологические комплексы вещей, найденные в ходе многолетних, но бессистемных изысканий по всему останцу I надпойменной террасы. Последнее обусловлено рядом причин. Среди них как объективные, связанные с неопределенностью площади памятника и отсутствием установленных границ территории ОАН, так и субъективные, связанные с методологическим уровнем подготовки исследователей, их целями и спорадичным характером работ.

Между тем Красная гора представляет собой интересный микрорайон разновременных и разнотипных памятников. Однако единственной работой, в которой предпринималась попытка осмысления ее материалов, остается публикация 1955 г. [Лашук, 1955]. За прошедшее время были накоплены новые данные, что требует пересмотра взглядов на стоянку Красная гора как историко-культурное явление и определения ее места среди древностей европейского Северо-Востока.

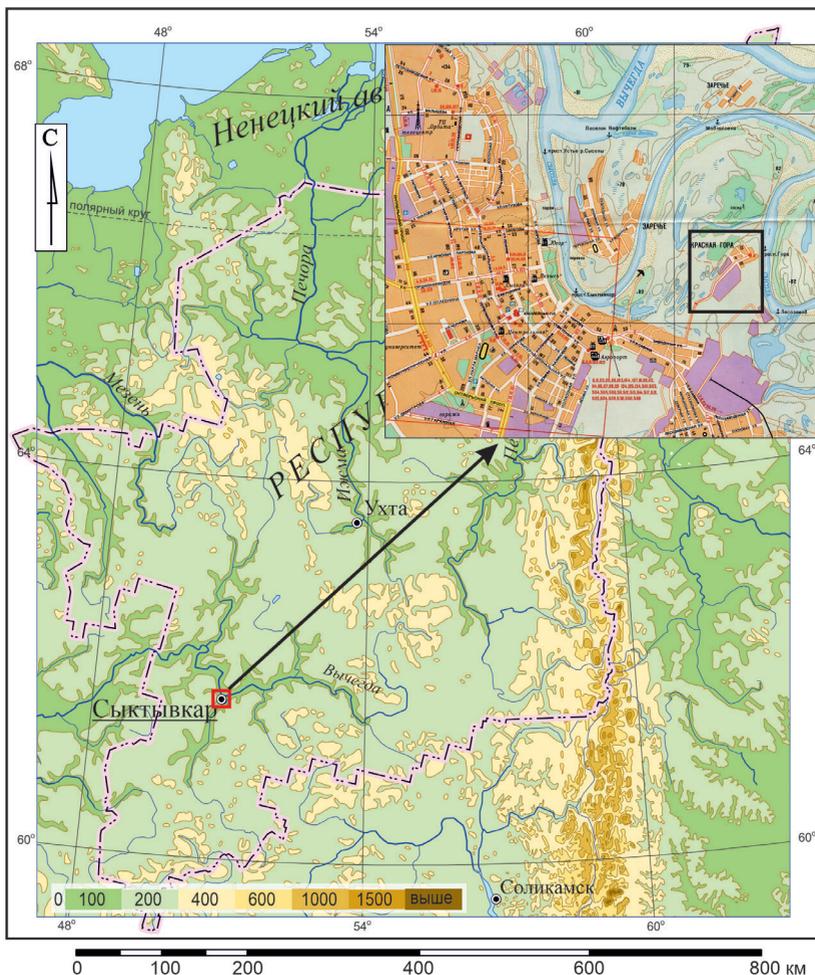

Рис. 1. Местонахождение останца Красная гора на территории г. Сыктывкара Республики Коми.

Цель настоящей публикации – обобщение и систематизация данных, полученных за все время изучения останца Красная гора для обособления его культурно-хронологических комплексов и попытка их интерпретации. Это трудоемко в силу скудности описаний результатов исследований, малочисленности и лаконичности картографических материалов, утраты коллекций 1910–1940 гг., а также субъективности взглядов ученых в отношении топографии и пообъектного состава ОАН. Также в связи с плохой сохранностью документации или ее отсутствием в публикациях возникают разночтения в описании находок. Официальное наименование ОАН в Едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации – Красногорская стоянка. Однако в научной литературе закрепилось название «стоянка Красная гора», используемое и в нашей статье.

В первых публикациях указывается, что до 1918 г. место находки археологических предметов на останце I надпойменной террасы левого берега р. Сысолы при ее впадении в р. Вычегду в окрестностях г. Усть-Сысольска (совр. Сыктывкар) именовалось «урочище Шойнаяг» [Збруева, 1947; Лашук, 1955], или искаженное – «Шлина-яг» [Руднев, 1922]. В 1918 г. оно было переименовано в «местечко Красная гора», по одной из версий, из-за цвета сосновых стволов, росших на поверхности террасы. Останец протяженностью около 0,7 км и шириной 0,3 км вытянут в направлении СВ-ЮЗ. Этот участок ландшафта с востока ограничен современным руслом Сысолы, с запада – ее палеоруслом, ныне залесенной поймой, хотя еще в конце 1950-х гг. здесь было заболачивающееся старичное озеро [Буров, 1960, с. 31, рис. 79].

Дата первой находки – кремневого наконечника, обнаруженной местным жителем А. А. Маеговым, не определена. Г. М. Буров указал примерное время его выявления – 1911–1913 гг. [Буров, 1967, с. 23], Л. П. Лашук – 1913 г. [Лашук, 1955, с. 72]. На момент обследования стоянки в 1919 г. геологом Д. Д. Рудневым наконечник уже был передан в фонды этнографического отдела музея в г. Усть-Сысольска. В инвентарном каталоге обозначен «кремневый наконечник стрелы из г. Усть-Сысольск», который внесен записью за 1923 г., инвентарный № 32. Относительно даты его поступления сведений нет, но соседние с ним записи датированы 1912 г., поэтому этот год можно считать наиболее вероятным.

Эта находка, положившая начало археологическому изучению памятника, не имеет ни топографической привязки, ни точного описа-

ния. В вышеуказанной инвентарной книге Национального музея Республики Коми (НМРК) и у Л. П. Лашука это «кремневый наконечник стрелы вытянуто-треугольной формы с прямым черешком» [Лашук, 1955, с. 72], в то время как Д. Д. Руднев, первым из ученых посетивший Красную гору, пишет о «превосходной сохранности кремневом наконечнике дротика темно-коричневого цвета, 10 см длиной и 1,5 см толщиной» [Руднев, 1922]. Не сохранилось точных сведений, но столь подробное описание указывает, что он видел его своими глазами. Если это верно, тогда вторая функциональная атрибуция корректнее.

Д. Д. Руднев побывал на Красной горе 14 сентября 1919 г. в ходе работы Печорской геологоразведочной экспедиции. Он составил первый глазомерный план останца (рис. 2), на котором ученый отметил участки, где им были сделаны находки: северо-восточный, обращенный к Сыsole, и противоположный ему, юго-западный, обращенный к городу.

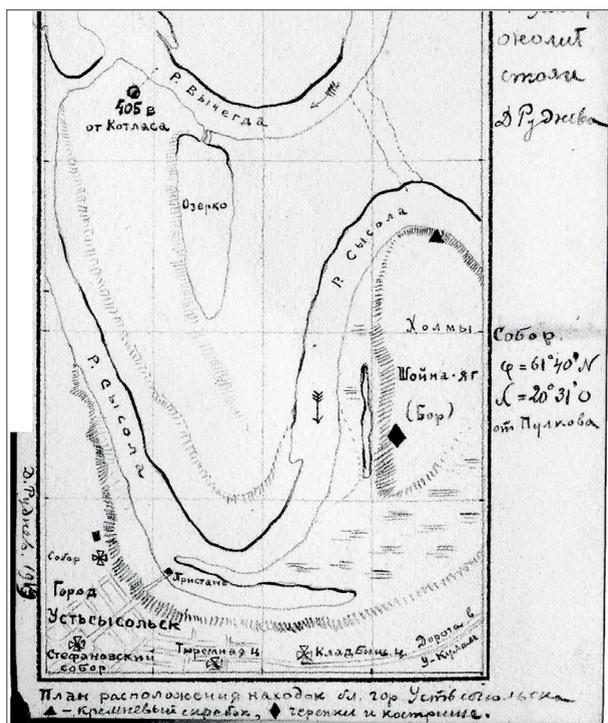

Рис. 2. Глазомерный план останца Красная гора Д. Д. Руднева (из собрания Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника) (1919).

Высокий (15–20 м) берег реки в первом пункте подвергся активной боковой эрозии. Здесь в осыпи Д. Д. Руднев нашел кремневый скребок. В юго-западном пункте, в единственном обнажении на задернованной поверхности, в углистом слое были найдены фрагменты керамики и железный нож плохой сохранности. Исследователь отметил, что керамика имеет сходство с фрагментами посуды, найденной на Ванвиздинской стоянке, обследованной им чуть ранее [Руднев, 1922]. Местонахождение вещей в настоящее время неизвестно, их описания нет.

Работами Д. Д. Руднева была заложена основа для дальнейшего изучения Красной горы, а высказанные им идеи получили развитие в будущем. Именно он впервые интерпретировал памятник как стоянку, обозначил два пункта с разновременным материалом, разную степень их сохранности, а также сходство материалов Красной горы и Ванвиздинской стоянки. Также он попытался установить культурно-хронологическую атрибуцию памятника, в силу отсутствия на тот момент разработанной хронологии региона, посчитав его неолитическими [Руднев, 1922].

Последний тезис в некотором смысле получил развитие в работе М. Е. Фосс, понимавшей под термином «неолитические» – культуры, сложившиеся в последний период каменного века и продолжавшие существовать на севере европейской части России вплоть до раннего железного века. Определяющим фактором в этом, по мнению исследовательницы, стали длительное употребление населением каменного инвентаря и совершенствование техники обработки камня [Фосс, 1952, с. 9–19]. Красную гору, или «местность Зарни-яг», к «неолитической эпохе» она отнесла в связи с одной важной, но тоже случайной находкой. В 1920 [Сидоров, 1954, с. 72] или 1921 г. [Лашук, 1955, с. 73] в северо-западной части останца И. И. Оплеснин в осыпи берега нашел бронзовый топор-кельт.

Некоторое время предмет хранился в Коми областном музее, затем в неопределенное время был утрачен, но сохранились его подробное описание [Лашук, 1955, с. 73] и качественный деревянный муляж (рис. 3). Он упоминается в публикации М. Е. Фосс как «бронзовый кельт сейминского типа» [Фосс, 1952, с. 11], а у А. В. Збруевой как «пример наиболее ранней формы топоров втульчатого, "сейминского", типа, предшествующего ананьинским образцам» [Збруева, 1952, с. 108].

Рис. 3. Муляж бронзового топора-кельта сейминского типа
(кол. НМПК НВ-2633/9-1). Дерево, краска.

С именем А. В. Збруевой связано начало профессионального археологического изучения Красной горы. Она обследовала территорию останца в 1945 г. в рамках комплексной археолого-этнографической экспедиции по р. Сыsole. Внимание археолога привлекли сведения о находке кельта, но в заметке 1947 г. об итогах работ в долине р. Сыsole ею был отмечен только факт наличия памятника у г. Сыктывкара более раннего, чем городища в верхнем течении реки [Збруева, 1947, с. 65].

Более подробная информация содержится в ее полевом дневнике [Збруева, 1945]. Археолог пишет, что урочище Шойна-яг у современ-

ного населения города носит название Красная, или Золотая гора. Оно расположено в 3 км к СВ от Сыктывкара и представляет собой дюнную грядку между древним и современным руслом Сысолы, наиболее высокая часть которой вытянута по линии С-Ю. Место находки кельта описано ею со слов А. С. Сидорова: «На берегу Сысолы, в том месте, где самая высокая часть дюнной грядки подходит к реке и образует угол между современным течением и старым руслом» [Збруева, 1945, с. 5–6]. Исходя из современной ландшафтно-топографической ситуации, можно предположить, что это – мысовидный северо-восточный участок террасы, выходящий к актуальному руслу реки. Примерно в этом же месте Д. Д. Рудневым был найден скребок.

А. В. Збруева не ограничилась осмотром только этого пункта, она произвела сборы подъемного материала (фрагментов керамики) в северо-западном углу дюнного всхолмления, на огородном участке рабочего мебельной мастерской-артели В. С. Краковского. На противоположном ему юго-восточном краю останца, на вершине дюны, занятой хранилищем материала для производства спичек, А. В. Збруевой найдены часть человеческого черепа, фрагменты керамики и металлических изделий. Она указывает, что для обустройства склада была раскопана площадь около 50 кв. м, а к юго-западу от него на поверхности читаются впадины, чередующиеся с бугорками. На этом основании она сделала предположение о существовании здесь могильника, часть которого была разрушена [Збруева, 1945, с. 6].

Таким образом, А. В. Збруева первой использовала в качестве названия памятника закрепившееся в официальных документах – «Красногорская стоянка», она же, фактически, придала ему статус памятника археологии и описала местоположение. По ее мнению, стоянка Красная гора – это северо-западный участок террасы, занятый огородами.

Идею А. В. Збруевой о существовании на Красной горе могильника подтвердил А. С. Сидоров, обследовавший юго-восточный участок с погребениями в 1946 г. и по подъемному материалу датировавший некрополь XIV–XV вв. Упоминание найденного им инвентаря – синих и стеклянных бус, обломков железных орудий – есть у Л. П. Лашука, который связал с наличием могильника первоначальное название останца [Лашук, 1955, с. 73]. И А. В. Збруева, и А. С. Сидоров отмечали, что некрополь нарушен.

Судя по записям из дневника, А. В. Збруева видела вещи и кости в переотложенном состоянии. Еще одно упоминание могильника

под названием «Шойнаяг на Красной горе» [Памятники культуры..., 1959, с. 57] есть среди перечня некрополей XI–XIV вв. в первом своде археологических памятников, но более он не изучался, местонахождение собранных А. С. Сидоровым вещей неизвестно.

Л. П. Лашук вместе с А. С. Сидоровым производили на останце сборки подъемного материала в 1951 г. В посмертной публикации последнего Красная гора названа также Устьсысольской стоянкой [Сидоров, 1954, с. 69], но автор ограничился упоминанием о ней, из которого можно узнать лишь, что он нашел в 1946 г. и 1948 г. два кострища в разрушающейся северо-восточной оконечности террасы [Сидоров, 1954, с. 72]. Л. П. Лашук предположил, что на месте кострищ могла находиться могила эпохи бронзы, из которой происходил кельт [Лашук, 1955, с. 73].

Немногочисленная коллекция сборов А. С. Сидорова 1946 г. хранится в НМРК, есть схематичные рисунки семи фрагментов сосудов, год находки которых неизвестен (возможно, 1951), и скудный перечень полученных к тому моменту артефактов [Лашук, 1955]. А. С. Сидоров, неоднократно работавший на Красной горе, объединил все известные ему материалы под общим названием. Он не дал характеристики ни инвентаря, ни выделенных к тому времени пунктов его находки, поскольку фокус его внимания был смещен на средневековые памятники, а материалы Красной горы использовались только для построения общих хронологических схем региона. Л. П. Лашук, напротив, попытался систематизировать доступные материалы, выделив участки, содержавшие археологические предметы и культурный слой: северный, северо-западный, юго-западный. Но он также не сосредоточился на особенностях отдельных памятников, обобщив данные о трех пунктах одним наименованием. Его заслугой можно считать определение ванвиздинской культуры как особого культурного образования. Однако в тот период время ее существования относили к раннему железному веку. Поэтому в первом своде археологических памятников – «Памятники культуры Коми АССР» Красная гора датирована VIII–IV вв. н. э. [Памятники культуры..., 1959, с. 45].

Позднее Г. М. Буров выделил ванвиздинский этап в третий, поздний, период раннего железного века, датированный второй – третьей четвертями I тыс. н. э. [Буров 1965, 118–139], и скорректировал датировку Красной горы.

Этот исследователь, с именем которого связано начало планомерного археологического исследования бассейна р. Вычегды, об-

следовал стоянку Красная гора в 1960 г. Результаты его работ крайне лаконично изложены в отчете и публикации 1967 г.: «В том пункте, где обычно встречается подъемный материал (северо-западный пункт), при зачистке обнаружена часть кострища размерами более одного метра и мощностью 0,15 м, насыщенного керамикой, кальцинированными обломками костей и кремнем». «Можно подумать, что в том месте находилась группа очагов или, по крайней мере, две углесто-сажистые линзы, поскольку А. С. Сидоровым в 1946 и 1948 гг. на поселении зафиксированы два различных кострища» [Буров, 1960, с. 27; Буров, 1967, с. 23]. Ссылаясь на А. С. Сидорова, исследователь не обратил внимания, что тот имеет в виду северо-восточный, а не северо-западный край террасы, внося, таким образом, путаницу в топографию объектов [Буров, 1967, с. 23]. Ни рисунков собранного им инвентаря, ни самой коллекции разведок в фондах Научного музея археологии Института ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН (МА ИЯЛИ) нет. Указано лишь, что сборы подъемного материала были незначительны, а найденный кремль имеет типично «ванвиздинский облик». В работе 1967 г. Г. М. Буров привел историю изучения останца и поддержал идею А. В. Збруевой о том, что «стоянка Красная гора» – это открытый в 1945 г. на северо-западном участке террасы комплекс ванвиздинского времени.

С 1960 по 1980 г. полевое изучение Красной горы не проводилось. В 1980 г. Н. Н. Чесноковой в низовьях р. Сысолы была организована разведка. Она сосредоточилась на обследовании разрушенной части северо-западного края останца, где ею были найдены фрагменты керамики ванвиздинской культуры и отходы кремнеобработки, сделана зачистка края обнажения. Вещи содержались в переотложенном утрамбованном слое мощностью 6–7 см, ниже его, в белесом песке, их не было. Н. Н. Чеснокова предположила, что это – последние следы стоянки, описанной Л. П. Лашуком; вся остальная территория занята строениями [Чеснокова, 1981, с. 1]. Коллекция разведки этого года в фондах Музея археологии и этнографии СГУ им. Питирима Сорокина (МАЭ СГУ) отсутствует.

Поводом для второй разведки в 1994 г. послужила очередная случайная находка: в 1975 г. [Чеснокова, 1994, с. 25] или 1980 г. (Акт ПШ № 7 от 08.01.1988 г.) И. В. Романчук нашел железный наконечник копья. В учетной документации НМРК указано, что он «найден летом 1980 г. на Красной горе в песчаной почве», но Н. Н. Чесно-

ковой установлены подробности: на северо-западном крае, у кромки 8–9-метровой террасы при выкапывании картофельной ямы. В 1994 г. территория в этом месте уже была плотно застроена, но Н. Н. Чесноковой осмотрены все разрушенные участки рядом. На поверхности одного из них найден подъемный материал: мелкие фрагменты керамики ванвиздинской культуры и ножка рюмкообразного тигля.

Н. Н. Чеснокова предприняла попытку систематизации данных этого участка останца. Два пункта с материалом позднего железного века она предложила разделить на самостоятельные памятники: юго-западный край террасы, место сборов Д. Д. Руднева – поселение Красная гора-1, северо-западный – поселение Красная гора-2 (рис. 4). Исследователь описала топографию последнего: «выступ (террасы), ограниченный с южной стороны узкой крутой ложбиной (вероятно, прорезана пересохшим ручьем), с северной стороны – плавным понижением рельефа в стороны стрелки останца» [Чеснокова, 1994, с. 25–26].

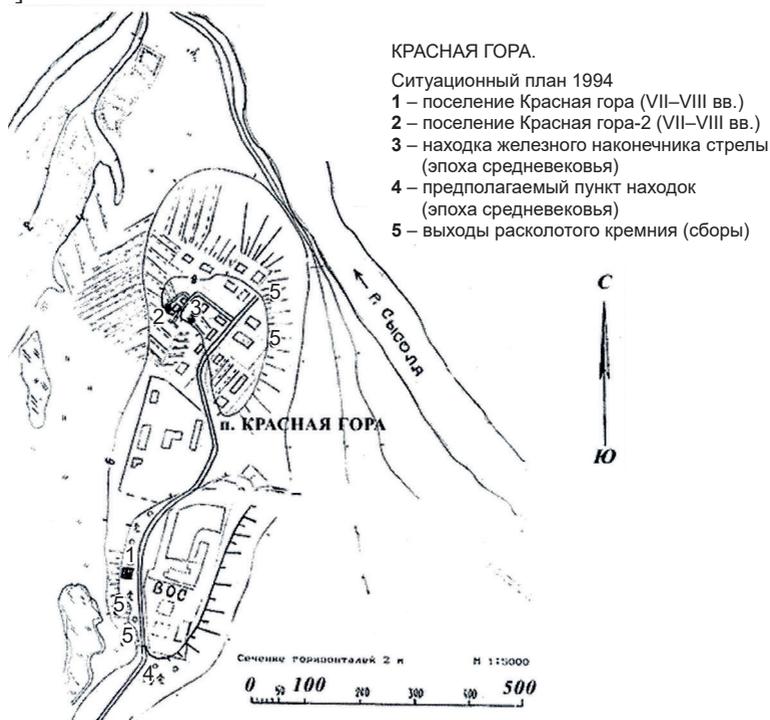

Рис. 4. Ситуационный план останца Красная гора. Из отчета 1994 г. Н. Н. Чесноковой.

В результате обследования, проведенного А. Л. Белицкой в 2023 г., определено, что вся поверхность останца испытывает интенсивное негативное природное и антропогенное воздействие, места археологических работ предыдущих лет разрушены. Не имея возможности подтвердить или опровергнуть те или иные сведения относительно топографии и объектного состава пунктов сбора подъемного материала, остановимся на анализе находок с Красной горы.

Рис. 5. Инвентарь, найденный на останце Красная гора: 1 – ножка рюмкообразного тигля, рисунок из отчета 1994 г. Н. Н. Чесноковой (кол. МАЭ СГУ КП-124/17); 2, 4 – фрагменты верхней части сосуда (кол. НМРК КП-1814/1; МАЭ СГУ КП-124/1); 3 – наконечник сулицы (кол. НМРК КП-8960); 5 – наконечник дротика/копья (кол. НМРК КП-6990).
1, 2, 4 – керамика; 3 – железо; 5 – кремень.

Какие-либо предметы из юго-западного пункта, названного Н. Н. Чесноковой Красная гора-1, не сохранились, поэтому в культурно-хронологической атрибуции остается полагаться только на приведенное выше описание Д. Д. Руднева, что это был комплекс ванвиздинской культуры.

Более ясная картина складывается относительно самого изученного северо-западного пункта – Красная гора-2: сохранились рисунки Л. П. Лашука, коллекции 1946 г. А. С. Сидорова и 1994 г. Н. Н. Чесноковой, которые с уверенностью позволяют подтвердить ранее предложенную датировку этого комплекса поздним железным веком и его принадлежность ванвиздинской культуре (см. рис. 5: 2, 4).

Из-за сильной фрагментированности сосудов затруднены определение их точного количества и классификация, поэтому при подсчете учитывались все обломки, но типы не выделялись, были только подсчитаны сохранившиеся техники нанесения. В состав трех коллекций входят неорнаментированный сосуд (1 экз.), фрагменты, украшенные ямочными (3 экз.), гребенчатыми (5 экз.), ямочно-гребенчатыми (1 экз.), гребенчато-шнуровыми (3 экз.), ямочно-гребенчато-шнуровыми (7 экз.) отпечатками. На четырех фрагментах орнамент неясен. Срезы венчиков не орнаментированы или украшены наклонными отпечатками зубчатого штампа, пальцевыми вдавлениями [Лашук, 1955, рис. 1; Чеснокова, 1994, рис. 44]. По аналогии с комплексами Угдымского и Шойнатыйского микрорайонов такую керамику можно датировать VI–VIII вв. [Археология..., 1997, рис. 13, 18–20].

Также коллекции содержат отходы металлообработки: шлаки и фрагмент рюмкообразного тигля – круглое основание ножки (см. рис. 5: 1) [Чеснокова, 1994, с. 68. рис. 44: 9]. Подобные тигли типичны для памятников всего железного века ЕСВ и Прикамья. Кремневые изделия представлены семью невыразительными отщепами и осколками. Среди фаунистических остатков есть несколько мелких фрагментов кальцинированных костей.

Таким образом, исходя из состава коллекций и упоминания раскопанного Г. М. Буровым кострища, можно предположить, что на месте Красной горы-2 находился производственный металлообрабатывающий комплекс, возможно, домашняя мастерская в рамках поселения.

Предмет, атрибутированный в НМРК как наконечник копья, по сведениям Н. Н. Чесноковой, был найден на этом же участке останца к востоку от места ее работ. Наконечник железный, цельнокованный,

втульчатый, нижняя часть обломана. Перо удлинненно-треугольной формы, ромбовидное в поперечном сечении, со слабо выраженными с обеих сторон гранями, плечики низкие. Общая длина изделия – 20 см, длина пера – 9 см, втулки – 11 см. Диаметр втулки – 1,6–2,6 см, максимальная ширина пера – 2,7 см, толщина – 0,6 см (см. рис. 5: 3). Соотношение длины пера и втулки 1 : 1,2. При таких малых размерах и пропорциях правильнее будет относить рассматриваемое изделие к сулицам – коротким метательным копьям [Кирпичников, 1966, с. 23].

Ее датировка, в связи с отсутствием контекста, вызывает сложности. Сходство сулицы прослеживается с изделиями типа III, по А. Н. Кирпичникову, самому распространенному в его классификации древнерусского оружия. По морфологическим характеристикам сулица приближена к вещам подтипа IIIa IX–XI вв. [Кирпичников, 1966, с. 13], а по своему назначению – к «универсальному» оружию, использовавшемуся как в боевых, так и промысловых целях. Однако средневековый могильник находится в другой части террасы, рядом же с местом находки – комплекс позднего железного века.

В железном веке появление металлических копий на ЕСВ связано с миграцией населения в V–VI вв., оставившего курганные могильники. Это событие маркирует смену раннего и позднего периодов эпохи железа. Ямочно-гребенчато-шнуровая орнаментация посуды Красной горы позволяет отнести ее к более позднему времени, «классическому» варианту ванвиздинской керамики. Напротив, фрагменты с многошнуровым орнаментом, характерные для переходного времени, отсутствуют. Таким образом, с инфильтрацией носителей курганного обряда погребения на ЕСВ этот предмет не связан, хотя с наибольшей долей вероятности является импортом с сопредельной территории.

В классификации инвентаря могильников ломоватовской культуры верхнего Прикамья копьё и сулицы не разделены. Сходство с красногорской находкой имеют экземпляры, отнесенные к типу 4а, датированные VII–IX вв. [Голдина, 1985, с. 57]. На Верх-Саинском могильнике неволинской культуры также есть экземпляр копьё VII в. удлинненно-треугольной формы [Голдина, 2012, с. 149, 376, табл. 16: 9].

Исходя из вышесказанного, можно предложить предварительную датировку сулицы VII–VIII вв., хотя мы не исключаем, что ее можно растянуть до XI в. и, возможно, позднее, в зависимости от источника поступления, но последний, скорее всего, никогда уже не будет установ-

лен. Другой предмет метательного оружия из фондов НМПК, связанный с Красной горой, – обломок острия кремневого наконечника дротика или копья. Он обработан двусторонней ретушью, поверхность глянцевая; размеры сохранившейся части – 4,8 x 2,6 см (см. рис. 5: 5). Его связь со стоянкой предположительна, так как это еще одна случайная находка, обнаруженная в 1962 г. на городском пляже ниже по течению от останца. Если описания Д. Д. Руднева и Л. П. Лашука наконечника, найденного в 1912 г., верны, то две эти находки имеют сходство между собой.

Располагая теми сведениями, что у нас есть, сложно надежно атрибутировать эти предметы, однако нужно обратить особое внимание на наличие прямого черешка, отмеченное Л. П. Лашуком, что может быть признаком треугольно-черешкового наконечника. Исходя из наших современных данных об археологии ЕСВ, с большой осторожностью можно предположить, что он соотносится с инвентарем памятников с чирковско-сейминским (чирковским) типом керамики, включая комплексы атаманнюрской культуры.

Атаманнюрская культура была определена В. С. Стоколосом как самостоятельное образование эпохи бронзы на ЕСВ, хотя он сопоставлял ее с фатьяновской и других культурами этого времени. Треугольно-черешковые дротики присутствуют в инвентаре атаманнюрских памятников, но немногочисленны. Период существования этой категории инвентаря исследователь определял очень широко – от энеолита до поздней бронзы [Стоколос, 1988, с. 95–152, 233, табл. 24:21, с. 266, табл. 27:16].

По ряду признаков в керамике и кремневом инвентаре атаманнюрская культура связывается с чирковской, проблематика вопросов которой находится в фокусе внимания многих исследователей [Соловьев, 2016, с. 180–184]. Их рассмотрение не входит в задачи данной работы, отметим лишь, что Б. С. Соловьев, один из основных исследователей чирковской культуры, не исключает, что появление на ЕСВ пористой круглодонной керамики с рельефными «змейками» связано с уходом части чирковских коллективов с исходной территории Среднего Поволжья на север [Соловьев, 2016, с. 184]. А. М. Жульников считает чирковскую культуру северным вариантом поздневолосянской и фатьяновской культур [Жульников, 2018, с. 193].

В новейших исследованиях эпохи раннего металла на ЕСВ В. Н. Карманов выделяет поселения с треугольно-черешковыми наконечниками в памятники чирковско-сейминского культурного типа,

связываемыми с фатьяновской культурой. Радиоуглеродным методом датировано три комплекса, результаты указывают на бытование поселений этого типа в III тыс. до н. э. [Карманов, 2023, с. 29–32].

Ранее поселения с керамикой чирковского типа объединяли с сейминско-турбинскими могильниками в единую культуру, но в настоящее время эта точка зрения признана устаревшей, прямая их связь не доказана. В соотношении чирковской культуры и сейминско-турбинских памятников предполагается их частичное сосуществование в начале сейминского хронологического горизонта [Соловьев, 2016, с. 144–145]. Современная модель сейминско-турбинского ТКФ предполагает стремительную миграцию синкретических популяций, основу которых составляли кочевники-металлурги предгорного Алтая и охотники-рыболовы таежной зоны Сибири [Соловьев, 2016, с. 139–140]. Материал, связанный с ними, – бронзовый кельт сейминского типа также имеется в нашем распоряжении.

Кельт был и остается самой яркой находкой местечка Красная гора. Не имея целью рассмотрение проблематики сейминско-турбинского ТКФ, отметим лишь, что находка кельта в бассейне Средней Вычегды уникальна, поскольку основной поток миграции носителей традиций сейминско-турбинского ТКФ прошел южнее, по территории среднего и нижнего Прикамья. На ЕСВ связанный с ними комплекс известен лишь в Канинском пещерном святилище, расположенном значительно восточнее Красной горы, в предгорьях Урала. Кроме того, известен факт ограниченности распространения бронзового оружия сеймино-турбинцев. Чаще всего его находят в погребениях иликладах, поселенческие памятники, связанные с носителями оружия, неизвестны, однако есть и случайные находки [Соловьев 2016, с. 159, 217].

Г. М. Буров датировал кельт серединой II тыс. до н. э. [Памятники культуры..., 1959, с. 44]. Л. П. Лашук вслед за М. Е. Фосс приводит период XIV–XIII вв. до н. э. [Фосс, 1952, с. 11; Лашук, 1955, с. 73]. Б. С. Соловьев кельты с ушками, ромбами и треугольниками (разряды К-16 и К-18) относит ко второму, ростовкинскому, этапу сейминско-турбинской металлообработки, датируемому им второй четвертью II тыс. до н. э. Однако он же указывает, что кельты этих разрядов найдены на Усть-Ветлужском (Юринском) и Соколовском могильниках; Усть-Ветлуга датирована по радиоуглеродному анализу первой четвертью II тыс. до н. э. [Соловьев, 2016, с. 147, 176].

Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых кельты, аналогичные красногорскому, относили к разряду К-24 сейминско-решкинского типа [Черных, Кузьминых, 1987, с. 90]. В своей монографии они, следуя за М. Е. Фосс, называют Красную гору «Зарни-Яг» и относят рассматриваемый нами кельт к разряду К-20 [Черных, Кузьминых, 1989, с. 56, рис. 18: 5]. В целом авторы считали, что существование сейминско-турбинского ТКФ укладывается в рамки двух столетий, и по «западной», балкано-микенской, системе привязок датировали это время XVI–XV вв. до н. э., не исключая более ранней даты (XVII в. до н. э.) для восточных памятников [Черных, Кузьминых, 1987, с. 102]. Конечно, все вышеперечисленные выкладки весьма гипотетичны, однако, если наши выводы верны, можно предполагать наличие комплекса рубежа энеолита – эпохи бронзы в северной части останца Красная гора.

И. Л. Жеребцов и И. О. Васкул отметили особенность расположения поселения Красная гора относительно других памятников, известных в окрестностях г. Сыктывкара. Все памятники неолита-бронзы (за исключением стоянки Лемью) расположены на правом берегу р. Вычегды при ее слиянии с Сусолой, в то время как Красная гора находится на левом берегу последней. Авторы связали изолированность этого памятника от других ОАН с миграционными процессами, обусловленными движением сейминско-турбинских племен, и, как следствие этого, иной этнокультурной принадлежностью людей, оставивших памятники раннего металла на Красной горе. Комплекс позднего железного века Красной горы они предлагают датировать VI–VII вв., а прекращение функционирования памятника – с одним из военных столкновений в конце XIV – середине XV в. [Жеребцов, Васкул, 2023, с. 9–11].

В 2023 г. А. Л. Белицкой установлено, что вся поверхность останца изменена многолетней антропогенной деятельностью и занята жилыми домами и приусадебными хозяйствами. Строения имеют подсыпку под фундаментом, отсыпана также прилегающая местность. Грунт переотложен, перемешан со строительными остатками. В местах, свободных от построек, верхи почвенных горизонтов снесены и сnivelированы, нетронутых негативным воздействием участков поверхности не осталось.

Упомянутые в отчетах огороды, на которых производились сборы подъемного материала, заброшены или застроены. Выявить какие-либо культурные остатки – культурувещающие отложения или

артефакты, не удалось. Шурфы и зачистки, заложенные исследователями ранее, не локализованы. Не ясно, тождественна ли существующая дневная поверхность той, на которой проводились земляные работы, или нет. В настоящее время можно с большой долей вероятности утверждать, что памятники северного, западного и восточного краев террасы уничтожены. Этому способствовали активные негативные факторы природного (боковая эрозия реки), антропо- и техногенного (строительство домов, обустройство инфраструктуры, производственных объектов) происхождений.

За более чем столетнюю историю изучения Красной горы здесь выявлено несколько пунктов находок материала в разных, тяготеющих к прикраевым участкам древнего и современного русел реки частям останца террасы. Это указывает на то, что стоянка Красная гора представляла собой археологический микрорайон, включающий неопределенное число памятников. Судя по типологии предметов, определяется по крайней мере три периода его заселения: конец III–II тыс. до н. э. (эпоха бронзы), вторая половина I тыс. н. э. (поздний железный век), первая половина II тыс. н. э. (средневековье), и предполагать наличие как поселенческих, так и погребальных памятников.

Пользуясь предложенными ранее названиями, учитывая топографические особенности и состав находок, мы предлагаем обособить следующие ОАН (рис. 6):

– Усть-Сысольская стоянка конца III – первой половины II тыс. до н. э. Вероятнее всего, она занимала северо-восточную оконечность террасы, которая обращена к современному руслу Сысолы. Предметы, найденные здесь: кельт, наконечники копья/дротика, возможно, кремневый скребок, а также наличие двух «кострищ» могут указывать на существование здесь погребений, жилой, производственной или хозяйственной постройки.

– могильник Шойнаяг XI–XV вв. Скорее всего, как и другие некрополи эпохи средневековья на ЕСВ, занимал самое возвышенное место террасы – дюну на ее восточной стороне. Скучное описание несохранившихся находок не позволяет более узко датировать ОАН. Сведений о нем, за исключением общей топографии, не сохранилось.

Для двух следующих ОАН предлагаем использовать обозначения, данные Н. Н. Чесноковой:

– поселение Красная гора-2, VII–VIII вв. Более или менее уверенно локализуется в северо-западной части останца террасы. Судя

по значительным размерам исследованного Г. М. Буровым кострища, это могла быть домашняя мастерская по литью цветного металла. Находки типичны для памятников ванвиздинской культуры – фрагменты керамики и остатки металлообработки: тигель, шлаки. Принадлежность сулицы этому комплексу остается предположительной в связи с неопределенностью контекста находки.

– поселение Красная гора-1, VI–IX вв. В настоящее время единственный памятник, у которого в местечке Красная гора есть перспектива дальнейших исследований. Если описания топографии Д. Д. Руднева и Н. Н. Чесноковой верны, сейчас это место занято остатками бора и только здесь сохранились верхи почвенных слоев, представленные подзолом. Работами 2023 г. здесь выявлена впадина, атрибуция ее в настоящий момент затруднена.

Рис. 6. Предположительное местонахождение археологических памятников останца Красная гора: 1 – Усть-Сысольская стоянка; 2 – могильник Шойная; 3 – Красная гора-2; 4 – Красная гора-1.

Итак, проведенное исследование показывает, что Красная гора представляет собой печальный пример бессистемного и хаотичного, а главное, безрезультатного «копания» на всех этапах изучения останца. Это привело к утрате значительной части информации об интересном археологическом микрорайоне с отличающейся от других памятников этого участка долины Вычегды топографией.

Сохранившиеся свидетельства указывают на причастность периферийного региона событиям общеевразийского значения – миграции сейминско-турбинских коллективов, которую некоторые археологи считают первым «Великим переселением народов» [Коренюк, Мельничук, 2007, с. 62–65]. Другие исторические периоды, материал которых обнаружен в разных местах террасы, также интересны и могли бы уточнить некоторые моменты освоения европейского Северо-Востока в железном веке. Однако можно с сожалением констатировать, что большая часть этих сведений для нас безвозвратно утрачена как вследствие разрушения, так и небрежности исследователей.

Литература

Археологическая карта Республики Коми / отв. ред. В. Н. Карманов. – Сыктывкар, 2014. – 416 с.

Археология Республики Коми / ред. В. А. Лисов. – М., 1997. – 758 с.

Буров, Г. М. Археологические памятники Вычегодской долины / Г. М. Буров. – Сыктывкар, 1967. – С. 23–24.

Буров, Г. М. Вычегодский край. Очерки древней истории / Г. М. Буров. – М., 1965. – 197 с.

Буров, Г. М. Отчет об археологических исследованиях 1960 г. в бассейне р. Вычегда / Г. М. Буров. – Сыктывкар, 1960 / Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 53, 54.

Голдина, Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье / Р. Д. Голдина. – Иркутск, 1985. – 280 с.

Голдина, Р. Д. О датировке и хронологии неволинской культуры / Р. Д. Голдина // Древности Прикамья эпохи железа (I тыс. – первая половина II тыс. н. э.): хронологическая атрибуция: материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. – Ижевск, 2012. – Т. 25. – 481 с.

Жеребцов, И. Л. Поселения в устье реки Сысолы в древности и средневековье (к вопросу о влиянии климатических изменений на

миграционные процессы) / И. Л. Жеребцов, И. О. Васкул // Известия Коми НЦ УрО РАН. – 2023. – № 8 (66). – С. 6–15.

Збруева, А. В. Археологический отряд комплексной экспедиции в Коми АССР / А. В. Збруева // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. – М.–Л., 1947. – Вып. II. – С. 64–65.

Збруева, А. В. Дневник археологического отряда экспедиции Института этнографии Академии наук в Коми АССР / А. В. Збруева. – Сыктывкар, 1945 / Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 5. 58 л.

Збруева, А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / А. В. Збруева // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. – Т. V. (МИА. – № 30). – М., 1952. – 326 с.

Карманов, В. Н. Кремневые индустрии энеолита на крайнем Северо-Востоке Европы: явление новой сложности / В. Н. Карманов // Уральский исторический вестник. – 2023. – № 1 (78). – С. 26–37.

Коренюк, С. Н. «Переселение народов» в археологии Среднего Приуралья / С. Н. Коренюк, А. Ф. Мельничук // Вестник Пермского университета. История и политология. – 2007. – Вып. 3 (38). – С. 62–71.

Лашук, Л. П. Стоянка Красная гора близ Сыктывкара / Л. П. Лашук // Известия Коми филиала Всесоюзного географического общества. – Сыктывкар, 1955. – Вып. 3. – С. 72–77.

Памятники культуры Коми АССР / ред. кол: В. К. Колегов, Л. П. Лашук, Г. А. Чернов. – Сыктывкар, 1959. – 111 с.

Руднев, Д. Д. О стоянках доисторического человека на реке Вычегде. (Из материалов Печорской Экспедиции 1919 года) / Д. Д. Руднев // Северный Край. Журнал, издаваемый Вологодским Обществом изучения Северного Края. – Вологда, 1922. – Вып. 1. – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/voi/sk1/922/1.htm> (дата обращения: 16.06.2024).

Сидоров, А. С. Археологические памятники Коми АССР / А. С. Сидоров // Известия Коми филиала Всесоюзного географического общества. – Сыктывкар, 1954. – Вып. 2. – С. 69–82.

Соловьев, Б. С. Археологические культуры юга лесного Поволжья на рубеже среднего и позднего бронзового века / Б. С. Соловьев. – Йошкар-Ола, 2016. – 412 с.

Стоколос, В. С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья / В. С. Стоколос. – М., 1988. – 256 с.

Фосс, М. Е. Древнейшая история севера Европейской части СССР / М. Е. Фосс // Материалы и исследования по археологии СССР. – М., 1952. – № 29. – 280 с.

Черных, Е. Н. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии / Е. Н. Черных, С. В. Кузьминых // Археология СССР с древнейших времен до средневековья. В 20-ти т. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 84–105.

Чеснокова, Н. Н. Отчет о работах в Сыктывдинском районе Коми АССР в 1980 г. / Н. Н. Чеснокова / Архив Музея археологии и этнографии СГУ им. Питирима Сорокина. Ф. 2. Д. 15. 57 л.

Чеснокова, Н. Н. Отчет о работах Вычегодского и Печорского отрядов Северодвинской экспедиции СГУ в 1994 г. / Н. Н. Чеснокова / Архив Музея археологии и этнографии СГУ им. Питирима Сорокина. Ф. 2. Д. 87. 84 л.

Авторы выражают благодарность за консультацию Александре Юрьевне Щедриной, научному сотруднику музея-заповедника «Гнездово».

Работа выполнена в рамках плановой темы сектора сохранения и популяризации археологического наследия отдела археологии на 2021–2025 гг. «Археологическое наследие европейского Северо-Востока: выявление, научное описание и систематизация» № ГР 122040800169-1.

Информация об авторах:

Белицкая Анастасия Леонидовна – младший научный сотрудник сектора сохранения и популяризации археологического наследия отдела археологии Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, belitskaia522@yandex.ru

Родов Семён Анатольевич – заведующий сектором документальных источников отдела фондов Национального музея Республики Коми, s.a.rodov@yandex.ru

Н. А. Волокитина, С. А. Родов

Изучение некоторых аспектов повседневности археологических экспедиций на основе фотодокументов

В статье авторы анализируют феномен «экспедиционной повседневности» на примере археологических экспедиций. Даны определение и характеристика экспедиционной повседневности, выявлена такая черта, как двойственность. Отдельным источником для изучения данного явления могут выступать фотографии, благодаря которым можно получить информацию об одежде, пище, организации бытового пространства, транспорта и прочих элементах повседневности, в том числе, не фиксирующихся в устных и письменных свидетельствах. Авторами были проанализированы фотографии из различных археологических экспедиций, хранящиеся в фондах Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН и Национального музея Республики Коми, которые отражают историю археологического изучения Европейского Северо-Востока на протяжении XX–XXI вв. На примере ряда фотографий показаны изменения, связанные с водным транспортом, который используется учеными для проведения полевых археологических работ. Выявлены возможности, которые предоставляет фотография для изучения повседневности археологических экспедиций, сделан вывод о том, что фотография может выступать как самостоятельный источник при рассмотрении быта экспедиций.

Ключевые слова: фотография, археология, повседневность, экспедиция, транспорт, лодка, визуальные источники

N. A. Volokitina, S. A. Rodov

Study of some aspects of everyday life of archaeological expeditions on the basis of photographic documents

The article analyses the phenomenon of 'expeditionary daily occurrence' on the example of archaeological. The definition and characterization of expeditionary everyday life is considered, such a feature as duality is revealed. Photographs can be a separate source for studying this phenomenon, thanks to which it is possible to obtain information about clothing, food, organization of everyday space, transport and other elements of everyday life, including those that are not recorded in oral and written testimonies. The authors analyzed photographs from various archaeological expeditions, stored in the collections of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences and the National Museum of the Komi Republic,

which reflect the history of archaeological study of the European North-East during the XX–XXI centuries. Several examples examine the evolution of the water vehicles that archaeologists use to conduct field research. The possibilities offered by photography for studying the everyday life of archaeological expeditions are revealed. It is concluded that photography can act as an independent source when considering the everyday life of expeditions.

Keywords: photography, archaeology, everyday life, expedition, transport, boat, visual sources

Понятие «экспедиционной повседневности» еще не вошло прочно в научную литературу, хотя сама повседневность экспедиций осмысливается исследователями достаточно давно и подробно. В изучении истории повседневности большую роль играют письменные источники личного происхождения: биографии, мемуары, письма, относительно археологических экспедиций, это могут быть также полевые дневники. При изучении относительно современной повседневности также возможна работа с информантами, сбор воспоминаний и интервью, а также с информацией, полученной методом включенного наблюдения. Различные вненаучные повседневные практики археологических экспедиций исследуются на основе материалов наблюдений о быте в экспедициях или воспоминаниях о них (устных и письменных), если речь идет о советском периоде. При этом нередко упускается такой интересный и своеобразный источник, как фотография, хотя на данный момент в работах по истории и культуре повседневности XX в. он признается одним из основных.

Цель статьи – определение феномена «экспедиционной повседневности» и тех возможностей, которые предоставляет для изучения некоторых аспектов повседневности археологических экспедиций такой источник, как фотография.

Археологическая экспедиция – это поездка группы лиц (отряда участников) для проведения полевых археологических работ, т. е. комплекса мероприятий, направленного на выявление и изучение объектов археологического наследия, включая работы, имеющие целью поиск и изъятие археологических предметов [Принципы, термины и понятия..., 2018, с. 14, 125]. Археологическая экспедиция связана с полевыми научно-исследовательскими работами на археологических памятниках (археологические раскопки, разведки, наблюдения). Эти экспедиции могут быть как кратковременными, так и весьма долгосрочными (месяц и более), стационарными или под-

вижными. Необходимо понимать, что эта коллективная научная работа, связанная с суровыми условиями труда, часто в отдаленных от городской среды условиях с особым бытом и режимом дня. Все это превращает экспедицию в специфическую форму не только научной, но и повседневной деятельности, изучение которой требует применения различных методов и источников.

В современном гуманитарном знании до сих пор нет единого мнения относительно круга вопросов, которые следует относить к истории повседневности. К сфере повседневности обычно относят одежду, пищу и способы ее потребления, жилище и порождаемые им практики, среду обитания, транспорт и коммуникации и т. д. Все, что так или иначе относится к сфере обыденного, в принципе при изучении повседневности большинство исследователей отталкивается от противопоставления обыденного и необыденного (необычного, выходящего за пределы привычного уклада). Повседневность включает в себя будничные практики частной, приватной жизни индивидов, которые связаны с домом, бытом, семьей, ближайшим окружением, досугом и рутинными каждодневными занятиями [Родов, Волокитина, 2021, с. 217]. Можно сказать, что повседневная жизнь находит свое отражение в человеческом опыте – трудовом, семейном, коммуникативном и др. Австрийский социолог Альфред Шюц определял повседневность как одну из сфер человеческого опыта, характеризующуюся особой формой восприятия и осмысления мира, возникающей на основе трудовой деятельности [Жигунова, 2015, с. 58].

Данное понимание отлично вписывается в понятие «экспедиционной повседневности», поскольку экспедиция, в данном случае археологическая, является видом коллективной трудовой деятельности, в рамках которой возникает особая будничная практика. Находясь в экспедиции, любой ее участник получает жизненный опыт, влияющий на восприятие мира.

С одной стороны, по всем параметрам экспедиция является для ее участников нарушением привычного уклада жизни, поскольку необходимо изменить привычную рутину, уехать, работать и жить в иных условиях. С другой – сама экспедиция формирует собственную повседневность, с организацией бытового личного и публичного пространств (палатка и полевая кухня, например), выстраиванием коммуникаций в замкнутом коллективе, с новыми формами досуга, со сменой привычной пищи, поскольку в экспедициях приходится

готовить на весь коллектив из ограниченного набора продуктов длительного хранения. Тем самым вырисовывается двойственная природа феномена «экспедиционной повседневности» [Родов, Волокитина, 2021, с. 217].

Фотофиксация является необходимым этапом работ при любом виде археологических изысканий, поэтому визуальные источники могут стать одним из основных для изучения истории археологических исследований и экспедиционной повседневности. Необходимо учитывать, что ранее работа с фотоаппаратурой и фотографией была значительно сложнее, чем сейчас, поскольку пленочные фотоаппараты не позволяли делать неограниченное количество снимков, сложным был и процесс проявки пленки и печати фотографий. Тратить такой драгоценный ресурс на фиксацию бытовых элементов было крайне неразумно. Следовательно, массовым этот источник для изучения экспедиционной повседневности стал только относительно конца XX в., с появлением вначале так называемых пленочных фотоаппаратов-мыльниц, затем с доступностью цифровых фотоаппаратов, а сейчас с развитием мобильной фотографии, когда количество фото, фиксирующих бытовую сторону экспедиции, может исчисляться сотнями.

В XX в. фотосъемка стала одним из важнейших способов фиксации археологами раскопанных объектов, культурного слоя и найденных предметов. В данном случае речь идет о рабочих фотографиях, связанных с непосредственно научными задачами полевых исследований. Фотографии, сохранившиеся после работы в конкретной экспедиции, тем самым можно разделить на две категории: рабочие научные и фиксирующие бытовые элементы. На фотографиях второй категории могут быть зафиксированы различные повседневные моменты, например, приготовление пищи на костре, фрагменты палаточного лагеря, элементы экспедиционного досуга. При этом часть информации о повседневности может дать и рабочая фотография, например, когда на фото археологического объекта присутствуют люди, можно зафиксировать наиболее типичные варианты для того или иного периода экспедиционной одежды.

При исследовании вопросов повседневности археологических экспедиций фотография часто выступает как сопутствующий иллюстративный элемент, она не воспринимается как основной источник информации. При этом рабочие и бытовые фотографии могут зафиксировать внедрение какого-либо элемента в повседневную практику

экспедиции. Авторами проанализированы коллекции фотографий из различных археологических экспедиций, хранящиеся в фондах Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, Национального музея Республики Коми и личных архивов. Они отражают историю археологического изучения Европейского Северо-Востока на протяжении XX–XXI вв. На этих фотографиях можно увидеть разные элементы повседневности, в частности, организацию отдыха (привал и купание в реке), посуду, транспорт и организацию перевозки грузов, состав экспедиционного груза, брезентовые палатки и прочее [Родов, Волокитина, 2021, с. 219].

Многие бытовые эпизоды по большей части не фиксируются в письменных или устных источниках. В таких случаях фотография может стать основным источником, который впоследствии дополняется воспоминаниями и уточнениями. Так, фотография помогает проследить смену транспортных средств, используемых в экспедициях, например, переход от весельных к моторным лодкам.

Археологические экспедиции неразрывно связаны с транспортным вопросом. До места раскопок и разведок необходимо добраться, причем нужно вывезти не только людей, но и объемный груз (археологическое оборудование, снаряжение, продукты питания и пр.). В случае с маршрутными разведками выбор транспортного средства становится особенно важным, поскольку вся экспедиция проходит в пути. Поэтому, можно сделать вывод, что транспорт играет очень важную роль в организации научной и бытовой деятельности экспедиции. Но этот аспект практически не упоминается в письменных и устных источниках, связанных с историей экспедиций.

В научных археологических отчетах и полевых дневниках археологов иногда можно встретить упоминания о транспорте, на котором удалось добраться до мест археологических изысканий, ценным источником являются официальные документы организаций, связанных с археологическими исследованиями, например, заявки на транспорт и топливо для нужд экспедиции. Однако большой массив информации можно извлечь именно из анализа фотоматериалов.

Водный транспорт изначально был одним из самых удобных и эффективных, поскольку позволял археологам исследовать прибрежные, островные и труднодоступные территории. Лодки давали возможность передвигаться по рекам и озерам, доставляли исследователей к удаленным местам (фото 1).

Фото 1. Археолог В. И. Канivec управляет лодкой Печорского археологического отряда в районе Усть-Уньи (Троицко-Печорский район Коми АССР, 1959 г.). Из фондов Национального музея Республики Коми.

На Севере, где реки зачастую сильно мелеют в летний период, исследователи вынуждены были использовать специально подготовленный транспорт – лодки с плоским дном для передвижения по каменистым перекатам и мелководью.

Для передвижения по рекам исследователи использовали также средних размеров лодки со специальной надстройкой со смотровыми окнами, которая обеспечивала защиту от осадков во время пути. По всей видимости, такого вида транспорт уже обеспечивался мотором, это подтверждается материалами фотографий, где на корме судна виден значительных размеров бак для топлива. Подобную лодку использовал в своих экспедициях археолог Коми филиала Академии наук СССР В. И. Канivec (фото 2). На корме судна также видны бак для топлива и клапан для сброса воды, врезанный в борт судна. На фотографии также заметен такелаж, скрепляющий две или более лодок вместе. Это

Фото 2. Участники экспедиции археолога В. И. Канивца (Ижемский район Коми АССР, 1966 г.). Из архива ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

позволяет предположить, что экспедиция могла включать несколько лодок, образующих своеобразный караван, который буксировался головным судном.

Археологи быстро взяли на вооружение и резиновые надувные лодки. На фотографии из экспедиции II Печорского археологического отряда в районе Ямозера видна резиновая лодка, в которой отдыхают археологи (фото 3). Этот вид транспорта появился в Советском Союзе в 1930-е гг. и изначально предназначался для армии, а позже стал широко использоваться учеными и туристами. С появлением в арсенале археологов бензиновых лодочных моторов, резиновые и ПВХ лодки, эластичный корпус которых изготовлен из специального полимерного материала, приобрели еще большую мобильность в условиях передвижения по рекам, поскольку стало возможным передвижение вверх по течению. Кроме надувных лодок использовались также и другие, изготовленные из металла и сплавов, такие как Обь, Казанка, Ока, Ладога и др. Эти транспортные средства с подвесными моторами мощностью до 100 л. с. значительно упрощали процесс передвижения по воде во время археологических экспедиций.

*Фото 3. Экспедиция II Печорского археологического отряда
(Усть-Цилемский район Коми АССР, 1969 г.).
Из фондов Национального музея Республики Коми.*

Водный транспорт предоставляет широкие возможности в деле археологических исследований труднодоступных территорий, однако у его использования были и свои ограничения, связанные с грузowymi возможностями.

Но лодки по-прежнему находятся в арсенале исследователей, наряду с автотранспортом.

Приведенные примеры отражают лишь малую часть возможностей для изучения повседневности археологических экспедиций, которую предоставляет такой источник, как фотография. Тема «экспедиционной повседневности» имеет перспективы для дальнейшего изучения, при этом фотография может выступать как основной источник информации по некоторым аспектам повседневности в археологических экспедициях, а также дополнять данные устных и письменных источников.

Литература

Жигунова, Г. В. Повседневность как социальный феномен / Г. В. Жигунова // Russian Journal of Education and Psychology. – 2015. – № 8 (52). – С. 57–71.

Принципы, термины и понятия в практике современной полевой археологии: словарь-справочник / отв. ред. В. И. Молодин. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного университета (НГУ), 2018. – 154 с.

Родов, С. А. «Экспедиционная повседневность» в фотографиях из фондов Национального музея Республики Коми / С. А. Родов, Н. А. Волокитина // Визуальный текст в историко-культурном ландшафте: сборник статей по итогам межрегиональной научно-практической конференции с международным участием. К 110-летию Национального музея Республики Коми, Сыктывкар, 23–25 сентября 2021 года. – Сыктывкар: Государственное бюджетное учреждение Республики Коми «Национальный музей Республики Коми», 2021. – С. 215–219.

Статья написана в рамках выполнения государственного задания по теме НИР «Особенности формирования населения севера Европейской части России в эпоху камня, раннего металла и средневековья по данным археологии» (№ 122040800168-4).

Информация об авторах:

Волокитина Надежда Александровна – кандидат культурологии, научный сотрудник сектора изучения культурной адаптации населения циркумполярной зоны европейского Северо-Востока по данным археологии Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, niv_edu@mail.ru.

Родов Семён Анатольевич – заведующий сектором документальных источников отдела фондов Национального музея Республики Коми, s.a.rodov@yandex.ru.

И. Н. Макарова, М. С. Павлова

**Научный музей археологии европейского
Северо-Востока ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН:
история и современность**

Статья посвящена Научному музею археологии европейского Северо-Востока, который является структурным подразделением Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Авторы рассматривают вопросы формирования археологических фондов, становления музея, его дальнейшее развитие и основные результаты научной деятельности. В настоящее время Музей является хранилищем богатейшего собрания археологического материала в Республике Коми, а его история тесно связана с учеными и сотрудниками Коми научного центра, которому в 2024 г. исполнилось 80 лет. Благодаря их активной работе археологические фонды ежегодно пополняются, сохраняются и становятся частью Музейного фонда Российской Федерации. Ключевой особенностью деятельности музея является его ведомственная академическая принадлежность.

Ключевые слова: научный музей, археология, Европейский Северо-Восток, археологическая коллекция, Коми научный центр УрО РАН

I. N. Makarova, M. S. Pavlova

**Scientific Museum of Archaeology of the European
Northeast of the Institute of the Komi Scientific Center
of the Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences: history and modernity**

The article is devoted to the Scientific Museum of Archaeology of the European Northeast, which is a structural unit of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. It examines the issues of the formation of archaeological funds, the establishment of the museum, its further development and the main results of scientific activity. The museum is a repository of the richest collection of archaeological material in the Komi Republic. The history of the museum is closely connected with the scientists and staff of the Komi Scientific Center, which turns 80 ages in 2024. Thanks to their active work, archaeological collections are annually preserved, replenished and become part of the Museum Fund of the Russian Federation. The key feature of the museum's activities is its departmental and academic affiliation.

Keywords: scientific museum, archeology, European Northeast, archaeological collection, Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Музейная деятельность всегда является неотъемлемой частью археологических изысканий. Процесс накопления и необходимость хранения археологического материала приводят к созданию фондов и музеев в организациях, занимающихся полевыми исследованиями. Одним из таких примеров является Научный музей археологии европейского Северо-Востока ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (Музей). История его становления и формирования фондов была отражена в статьях Л. В. Мизиной [Мизина, 2010], [Мизина, 2011а], [Мизина, 2011б]. В них рассматриваются отдельные стороны деятельности Музея: этапы комплектования коллекций, порядок учета и хранения археологического материала, краткая историческая хроника до 2010 г. Многие аспекты были обделены вниманием исследователя. Данная статья призвана заполнить лакуны и комплексно отразить историю становления Музея.

Музей относится к немногочисленной категории академических музеев России, чья основная задача – это сохранение научного наследия и обеспечение исследовательского процесса. Особенность комплектования его фондов характеризуется необходимостью сохранения всего объема получаемых археологических материалов, в том числе антропологических, археозоологических и прочих органических остатков, а также массовых археологических предметов. Ведомственная принадлежность музея определила особенности и тенденции его развития и функционала.

Официально Музей (тогда еще археолого-этнографический) был основан приказом № 16 директора ИЯЛИ Коми филиала Академии наук СССР (КФ АН СССР) 26 декабря 1983 г. «в целях упорядочения и хранения фондовых материалов секторов археологии и этнографии». Инициатива его создания принадлежала заведующему сектором этнографии к.и.н. Л. Н. Жеребцову и заведующему сектором археологии к.и.н. В. С. Стоколосу. Отправная точка истории Музея – середина XX в., начало планомерного археологического исследования территорий европейского Северо-Востока, начавшегося в 1957 г. с разведки Г. М. Бурова в бассейне р. Вычегды. Им было обнаружено 16 археологических памятников, материалы которых сформировали первую фондовую коллекцию. В течение следующих пяти лет работы археолога были открыты и изучены еще 46 памятников, в результате было сформировано 77 археологических коллекций, что составило 27 094 единицы хранения и положило начало образованию фондов отдела истории, этнографии и археологии.

С 1962 г. в пополнении археологических фондов принимают участие другие сотрудники КФ АН СССР – В. Н. Канивец, В. Е. Лузгин, Э. А. Савельева. Только за этот год учеными были исследованы 32 археологических памятника. К 1967 г. количество коллекций выросло до 371 (81 753 единицы хранения), что позволило организовать первую выставку, посвященную древней истории региона, составленную из важнейших находок первого периода археологического изучения европейского Северо-Востока (фото 1). Выставка была приурочена к работе V Уральского археологического совещания, которое проходило в Сыктывкаре в 1967 г. Она располагалась в здании по адресу: ул. Коммунистическая, д. 30. На временной экспозиции были представлены предметы из коллекций поселений Вис I–II, Бичевник I–III, Галово II; стоянок Синдорское озеро, Медвежья пещера и Бызовая; Веслянского, Жигановского, Кичилькоського I могильников и др.

Фото 1. Сотрудники сектора археологии в помещении выставки по адресу: ул. Коммунистическая, д. 30. Слева направо: ?, В. С. Стоколос, И. В. Верещагина, И. М. Паршуков, В. Барминский (1976).

1 апреля 1970 г. на заседании Президиума КФ АН СССР было решено создать Институт языка, литературы и истории, в который вошли отделы языка и литературы, этнографии и археологии, истории. К 1972 г. ИЯЛИ КФАН СССР претерпел значительные изменения

в структурной организации, одним из которых было создание самостоятельного сектора археологии. К этому времени в археологических фондах Института уже насчитывалось 502 коллекции (145 653 единицы хранения), началась работа по их упорядочиванию и учету. Фондовую деятельность возглавила Э. С. Логинова. Для учета и последующего хранения также стали приниматься не только полевые вещественные материалы, но и инвентарные описи, чертежи, альбомы иллюстраций, полевые дневники и отчеты о полевых экспедиционных исследованиях. Также Э. С. Логиновой был составлен первый сводный указатель музейных археологических коллекций с перечислением данных коллекционных описей.

Одним из важнейших аспектов становления современного вида Музея стало строительство нового корпуса по ул. Коммунистической, д. 26, в который в конце 1970-х гг. переехал Институт языка, литературы и истории. Благодаря этому значительно увеличилась площадь хранения археологических коллекций и появилась возможность модернизировать существующую на тот момент выставку. Торжественное открытие археолого-этнографического музея состоялось в июле 1985 г. во время работы в Сыктывкаре VI Международного конгресса финно-угроведов [Мизина, 2011б, с. 222] (фото 2).

Фото 2. Сотрудники отдела археологии в зале Музея. Слева направо: К. С. Королев, ?, А. В. Волокитин, В. С. Стоколос, П. Ю. Павлов, Э. А. Савельева, С. М. Плюснин, ?, М. В. Клёнов, А. М. Мурыгин (1994).

В Музее были предусмотрены экспозиции секторов археологии и этнографии, знакомившие посетителей с последними результатами исследований ученых ИЯЛИ. В создании экспозиции принимали участие член Союза художников СССР В. Я. Сердитов, а также сотрудники отдела археологии, каждый из которых подбирал экспонаты и готовил информацию по теме своего исследования: палеолит – П. Ю. Павлов, мезолит – А. В. Волокитин, неолит – Э. С. Логинова, энеолит и эпоха бронзы – В. С. Стоколос, железный век – Л. И. Ашихмина, И. О. Васкул, раннее средневековье – А. М. Мурыгин, К. С. Королев, средневековье – В. С. Зеленский, М. В. Кленов, К. С. Королев.

С образованием Музея начался новый этап в научно-исследовательской работе по изучению фондовых коллекций [Мизина, 2011а, с. 227]. Заведующим Музея была назначена Л. В. Мизина. За время своей работы она составила несколько каталогов археологических коллекций. Первый из них был издан в 1993 г. и посвящен археологическим коллекциям эпох палеолита, мезолита и неолита [Мизина 1993]. Вторым вышел в 2004 г. и представлял сведения об археологических коллекциях эпох энеолита и бронзы [Мизина, 2004]. Также ею были составлены авторские указатели музейных археологических коллекций, организованы 15 временных тематических выставок: «Находки года», «Жертвенные места», «Пермский звериный стиль», «Коми народные музыкальные инструменты», «Рукописные и старопечатные книги» и др.

Активно продолжался процесс пополнения фондов, на момент 1985 г. насчитывалось 980 археологических коллекций (324 672 единицы хранения). И закономерно, что уже в 1988 г. остро встал вопрос о необходимости выделения специализированного хранилища под фонды Музея, а также кабинета для работы сотрудников и посетителей. Это было связано с тем, что Музей на тот момент располагал всего лишь тремя помещениями, которые не соответствовали условиям хранения археологических коллекций. Благодаря финансовой помощи Главы Республики Коми Ю. А. Спиридонова проблема нашла решение в 2000 г. с началом строительства нового экспозиционного пространства и фондохранилища общей площадью 160 кв. м. Количество коллекций к этому году уже достигло 1330 (476 968 единиц хранения).

1 ноября 2002 г. произошло торжественное открытие новой экспозиции Музея археологии ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, содержащей

Фото 3. Экспозиция Научного музея археологии европейского Северо-Востока (2002).

более 2500 экспонатов (фото 3). К этому времени музей приобрел узкую специализацию, а основная часть этнографических коллекций была передана в Национальный музей Республики Коми. Большая работа по разработке концепции и комплектованию экспозиционного пространства проводилась сотрудниками отдела археологии под руководством Э. А. Савельевой на всех этапах реэкспозиции. Над художественным оформлением работали члены Союза художников Республики Коми С. К. Михайлов и А. В. Пунегов, также известные, как авторы дизайна Государственных символов на зданиях Госсовета Республики Коми и Главы Республики Коми и оформители выставки КомиЭКСПО.

Одновременно с созданием новой экспозиции было оборудовано новое хранилище под фонды музея. Изменился порядок учета и хранения археологического материала. Хранение музейных фондов персонифицировано и определено топографически [Мизина, 2011б, с. 223].

В 2016 г. произошло разделение отдела археологии на сектора. Музей был выделен в отдельный сектор «Научный музей археологии европейского Северо-Востока», его заведующим стала Т. Ю. Туркина.

Началась работа по внесению археологических коллекций в Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации. Помимо Основного фонда появились научно-вспомогательный и сырьевой, также была создана топография фондовых коллекций. В 2017 г. Т. Ю. Туркиной был опубликован одноименный каталог выставки «Люди. Звери. Боги», в котором представлена значительная часть предметов культового литья из фондов Музея [Туркина, 2017].

С декабря 2022 г. заведующим сектором «Научный музей археологии европейского Северо-Востока» является И. Н. Макарова. Под ее руководством Музей продолжает осваиваться в современном юридическом поле Российской Федерации, получил код по КОПУК (классификатор органов, предприятий и учреждений культуры), появился фонд массовых археологических предметов, разработана топография музейной экспозиции, продолжает вестись работа по государственному учету и передаче информации о музейных предметах в Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации.

С течением времени Музей стал не только хранилищем древностей, но и важным центром научных исследований по древней и средневековой истории европейского Северо-Востока. В его фондах и выставочном пространстве представлены уникальные артефакты, относящиеся ко всем периодам истории человечества, про которые, зачастую, кроме археологических источников нет других сведений. Музей позволяет сформировать представление о материальной и духовной культуре населения, обитающего на территории европейского Северо-Востока от каменного века до Средневековья.

Одной из ключевых задач Музея является просветительская деятельность. В настоящее время сотрудники Музея и археологи регулярно проводят экскурсии, профориентационные мероприятия, лекции, которые знакомят общественность с основами археологической науки и древней историей региона. Музей активно сотрудничает с образовательными учреждениями, проводя мероприятия для студентов и школьников. Также Музей является источниковой базой для проведения исследований по археологии, искусствоведению и этнографии.

Ежегодно Музей посещают более 600 чел., а в его фонды регулярно поступает новый материал из археологических экспедиций. Так, в 2023 г. на постоянное хранение было принято 5293 предмета, из них 3399 – в основной фонд, 1894 – в фонд массовых археологиче-

ских предметов и 49 – в сырьевой фонд. На данный момент в фондах насчитывается 1608 коллекций (563 264 единицы хранения). Из них в Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации переданы сведения о более чем 18 тыс. предметов. К сожалению, проблема недостатка площадей для хранения, остро стоявшая более 30 лет назад, по-прежнему актуальна. Ежегодные объемы поступлений в фонды превышают объемы пространства, выделенного в 2000 г., а условия современного законодательства Российской Федерации в области музейного дела требуют большего количества сотрудников и введения новых штатных должностей. Также стоит отметить, что существующий вид экспозиции не отвечает всем современным тенденциям оформления музейного пространства и испытывает потребность во включении новых способов преподнесения информации о древней и средневековой истории нашего региона. С учетом новейших исследований требуются реэкспозиция, выделение дополнительного места и оборудования для хранения археологических фондов.

Литература

Каталог археологических коллекций. Вып. 1. Палеолит. Мезолит. Неолит / автор-сост. Л. В. Мизина. – Сыктывкар, 1993. – 36 с.

Каталог археологических коллекций. Энеолит. Эпоха бронзы. Вып. 2 / автор-сост. Л. В. Мизина. – Сыктывкар, 2004. – 132 с.

Люди. Звери. Боги. Предметы первобытного искусства Северного Приуралья. Каталог выставки. – Сыктывкар: Национальный музей Республики Коми, 2017. – 100 с.

Мизина, Л. В. Музей археологии института языка, литературы и истории Уральского отделения Российской академии наук – опыт составления каталогов научных археологических коллекций / Л. В. Мизина // Музей: новые возможности развития. – Кудымкар, 2011а. – С. 226–230.

Мизина, Л. В. Научные фонды музея археологии Института ЯЛИ КНЦ УрО РАН. История формирования, учет, хранение / Л. В. Мизина // Музеи и краеведение. – Сыктывкар. 2010. – Вып. 7. – С. 68–70.

Мизина, Л. В. Научные фонды музея археологии: история формирования, учет, хранение / Л. В. Мизина // Музей: новые возможности развития. – Кудымкар, 2011б. – С. 220–225.

Статья написана в рамках выполнения государственного задания по теме НИР «Археологические источники: описание, систематизация и критический анализ (по материалам Европейского Северо-Востока России)» (№ 122040800169-1).

Информация об авторах:

Макарова Ирина Николаевна – заведующий сектором Научный музей археологии европейского Северо-Востока Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, ira130193@rambler.ru.

Павлова Мария Сергеевна – старший лаборант сектора Научный музей археологии европейского Северо-Востока Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, maria3031@mail.ru.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

УДК 930.2:94(470.13)"192"

В. Н. Каракчиев

Деятельность комсомола в Коми автономной области в 1920-е годы

Статья посвящена изучению становления и деятельности комсомольского движения в Коми автономной области в 1920-е гг. Революционные события 1917 г. запустили процессы, которые привели к кардинальным переменам во всех сферах жизни, в том числе способствовавшие активному появлению различных молодежных организаций. 29 октября – 4 ноября 1918 г. в Москве работал I Всероссийский съезд союзов рабочей и крестьянской молодежи, создавший Российский (с 1924 г. – Российский Ленинский, с 1926 г. – Всесоюзный Ленинский) Коммунистический Союз Молодежи. Съезд провозгласил главной задачей союза «распространение идей коммунизма и вовлечение рабочей и крестьянской молодежи в активное строительство Советской России». Как в столице, так и в регионах активно формировались различные организации. В Коми крае ячейки комсомола стали образовываться в конце 1919 – начале 1920-х гг. Участие комсомольцев в советском строительстве на протяжении 1920-х гг. возрастало. За десятилетие численность организации увеличилась с 35 чел. до 4,5 тыс. чел. Молодые люди принимали участие в борьбе за советскую власть, трудились на субботниках, проводили сбор средств в пользу голодающих Поволжья, несли службу в органах советской власти и учреждениях, участвовали в культурно-просветительской деятельности, проводили антирелигиозную пропаганду, взаимодействовали с пионерами и октябрятами, оказывали помощь семьям красноармейцев и бедняков, переписывались с военнослужащими Красной Армии и комсомольцами других стран, организовывали собрания и конференции беспартийной молодежи, вовлекали молодежь в кооперацию, защищали правовые интересы рабочей молодежи, участвовали в предвыборных кампаниях, работали в колхозах и на лесозаготовках. В большинстве волостей комсомольские ячейки принимали участие в проводимой работе советов. Комсомол был резервом коммунистической партии и ее помощником в воспитании молодежи, а также выполнял задачи хозяйственного и культурного строительства региона.

Ключевые слова: РКСМ (РЛКСМ, ВЛКСМ), комсомол, коммунистический союз молодежи, комсомольское движение, деятельность молодежной организации, Коми автономная область, 1920-е гг.

Komsomol activities in the Komi Autonomous Region in the 1920s

Annotation The article is devoted to the study of the formation and activities of the Komsomol movement in the Komi Autonomous Region in the 1920s. The revolutionary events of 1917 launched processes that led to fundamental changes in all spheres of life, including those that contributed to the active emergence of various youth organizations. From October 29 to November 4, 1918, the First All-Russian Congress of Workers' and Peasants' Youth Unions worked in Moscow, which created the Russian (from 1924 - Russian Leninsky, from 1926 - All-Union Leninsky) Communist Youth Union. The congress declared the main task of the union to be "spreading the ideas of communism and involving worker and peasant youth in the active construction of Soviet Russia." As in the capital, various organizations began to actively form in the regions. In the Komi region, Komsomol cells began to form in late 1919 – early 1920s. Participation of Komsomol members in Soviet construction throughout the 1920s. increased. Over the course of a decade, the number of the organization increased from 35 people to four and a half thousand. Young people took part in the struggle for Soviet power; worked on subbotniks, collected funds for the benefit of the starving people of the Volga region, served in Soviet authorities and institutions, participated in cultural and educational activities, carried out anti-religious propaganda, interacted with pioneers and Octoberists, and provided assistance. families of Red Army soldiers and the poor; corresponded with Red Army soldiers and Komsomol members of other countries, organized meetings and conferences of non-party youth, involved youth in cooperation, defended the legal interests of working youth, participated in election campaigns, worked on collective farms and logging. In most volosts, Komsomol cells took part in the ongoing work of the councils. The Komsomol was a reserve of the Communist Party and its assistant in educating young people, and also carried out the tasks of economic and cultural construction of the region.

Keywords: RCYU (RLKYU), Komsomol, communist youth union, Komsomol movement, youth organization activities, Komi Autonomous Region, 1920s.

15 октября 2024 г. исполнилось 105 лет со дня образования комсомола в Коми крае. В связи с данным событием актуально рассмотрение аспектов деятельности массового молодежного движения в указанном регионе в период ее становления.

События Февральской революции 1917 г. способствовали активному появлению в Москве и Петрограде различных молодежных организаций («Труд и свет», «Социалистический союз рабочей молодежи» и др.). Весной-летом 1917 г. студенты и рабочие создавали союзы, часть из которых были пробольшевиcтски настроенными и вышедшими из подпольных революционных кружков.

В Петрограде активисты образовали «Союз социалистической молодежи» при Московском комитете РСДРП – Союз молодежи. Появление в различных городах молодежных большевистских организаций вызвало необходимость создания общероссийской структуры. В связи с этим 29 октября–4 ноября 1918 г. в Москве созван I Всероссийский съезд союзов рабочей и крестьянской молодежи, создавший Российский (с 1924 г. – Российский Ленинский, с 1926 г. – Всесоюзный Ленинский) Коммунистический Союз Молодежи (РКСМ) – политическую, коммунистическую, самостоятельную организацию молодежи. Съезд провозгласил главной задачей союза «распространение идей коммунизма и вовлечение рабочей и крестьянской молодежи в активное строительство Советской России». Делегаты съезда утвердили Устав и Программу РКСМ [Хроника Коми..., 1988, с. 8]. Именно 29 октября 1918 г. считается днем образования комсомола. ЦК РКП (б) в ноябре 1918 г. направил всем партийным организациям циркулярное письмо, в котором указывалось, что РКСМ является школой, подготавливающей новые кадры коммунистов. Молодежная организация признавала Программу РКП(б) и работала под контролем центрального и местных ячеек партии. Финансирование РКСМ оказывала РКП(б), в свою очередь союз молодежи должен был всячески поддерживать партийные структуры [Комсомол Коми..., 1973, с. 22]. VIII съезд РКП (б) (март 1919 г.) принял резолюцию «О работе среди молодежи». Съезд признал РКСМ организацией, выполняющей работу по сплочению и коммунистическому воспитанию молодежи, вовлекающей пролетарское юношество в строительство коммунизма и организующей его на защиту Советской Республики.

Желающий вступить в РКСМ должен был быть в возрасте от 14 до 23 лет, признающий программу (и устав) союза и платящий членские взносы. Рабочая и крестьянская молодежь принималась в союз без всяких рекомендаций. Вся остальная молодежь могла вступить по рекомендациям двух членов РКП(б) и РКСМ, состоящих в этих организациях не менее 3-х месяцев [Устав Российского Коммунистического Союза Молодежи, 1920, с. 3–4].

Революционные события 1917 г. запустили процессы, которые привели к кардинальным переменам во всех сферах жизни. Различные молодежные организации стали активно образовываться не только в столице, но и в регионах. По данным М. Н. Харопова (первый секретарь Коми РКСМ в 1921–1922 гг.), после октября 1917 г. в Коми

крае крестьянская и учащаяся молодежь начала стихийно создавать различные объединения, целью которых была культурно-просветительная работа. В течение 1918 г. на территории бывшего Усть-Сысольского уезда были образованы культурно-просветительные кружки («Шонді югӧр» («Луч солнца») и др.) и ученические союзы молодежи, проводившие работу среди крестьян, ставившие спектакли, но не имевшие определенной политической окраски. Только во второй половине 1918 г. молодежные организации г. Усть-Сысольска (Сыктывкара), а потом и уезда были «революционизированы» и взяты под влияние агитационного отдела Уездного военного комиссариата. Осенью 1919 г. приехавшие для ликвидации Северного фронта политработники Пинего-Печорского края рассказали о новой массовой форме движения молодежи – о РКСМ [Палкин, 1940, с. 2; Комсомол Коми..., 1973, с. 32–33]. 15 октября 1919 г. в помещении клуба «Звезда» был устроен митинг на тему «Движение молодежи и организация Коммунистического Союза Молодежи в Усть-Сысольске». Сотрудник политотдела тов. Елисеев разъяснил присутствующим о движении молодежи в России и других странах, изложил задачи Коммунистического Союза Молодежи. Тогда же была открыта запись в РКСМ, куда вступило 35 чел. После прихода белогвардейцев в г. Усть-Сысольск часть членов РКСМ вступила в партизанский отряд (в том числе Д. Ф. Каликова (1896–1919), герой Гражданской войны в Коми крае), часть эвакуировалась и часть осталась в городе. С 15 по 21 февраля 1920 г. была проведена «Неделя Красной Молодежи», благодаря которой в организацию вступили 300 новых ребят (в основном учащаяся молодежь школ II ступени), а по уезду образовано 18 новых организаций. К I Усть-Сысольскому уездному съезду РКСМ (10–14 мая 1920 г.) в уезде было 46 комсомольских ячеек с численностью 1263 чел. Съезд наметил дальнейший план работы и выработал программу. Осенью 1920 г. был созван второй, весной 1921 г. – третий Усть-Сысольский уездный съезд [Елькин, 1923; Латкинские банды..., 1926]. Центром жизни Усть-Сысольской комсомольской организации был клуб на ул. Набережной (ул. Кирова) в доме Лыткина. В нем заседал городской комитет, велись дискуссии на различные темы, работали кружки и секции. Общегородские собрания комсомола проводились в клубе «Звезда» [Жизнь Усть-Сысольской..., 1926].

В большинстве волостей Усть-Сысольского уезда комсомольские ячейки были организованы в декабре 1919 г. – феврале 1920 г. В пер-

вую очередь в них вступали родственники (братья, сестры, дети) коммунистов и красноармейцев [Елькин, 1930].

На Печоре комсомольская организация была основана в 1920 г. прибывшими сотрудниками, командированными Губернским Оргбюро г. Архангельска. В ноябре 1920 г. в волостных ячейках РКСМ (Ижемской, Мохченской, Бакуринской, Сизябской) числилось 150 членов [Хроника Коми..., 1988, с. 13]. В начале 1921 г. был созван I уездный съезд комсомольцев, на котором насчитывалось уже 360 молодых людей. На II съезде (май 1921 г.) обсуждались вопросы постановки политико-просветительной работы, производственной пропаганды и ликвидации политической безграмотности населения [Комсомол Печоры 1926].

По данным Коми областной газеты «Югд туй» («Светлый путь») и журнала «Коми му» («Зырянский край») численность членов молодежной организации за восемь лет (с 1921 по 1929 г.) возросла более чем в 6 раз (с 700 до 4500 чел.). По социальному положению большинство были крестьянами (в 1928 г. – 85 %), по полу – юношами (в 1928 г. – 76 %) (табл. 1).

Таблица 1

Коми областной РКСМ (РЛКСМ, ВЛКСМ) в цифрах

Годы	Областной съезд РКСМ (РЛКСМ, ВЛКСМ)	Численность членов	Кандидаты	По соц. положению				По полу	
				Рабочие	Батраки	Крестьяне	Прочие (служащие и др.)	Юноши	Девушки
Сентябрь 1921 г.	I	700	–	–	–	–	–	–	–
Сентябрь 1922 г.	II	596	–	–	–	–	–	–	–
Март 1923 г.	III	567	101	–	–	–	–	–	–
Июнь 1924 г.	IV	809	224	–	–	–	–	–	–
Июль 1925 г.	V	2070	291	119	49	1807	130	1742	363
Октябрь 1926 г.	–	3235	240	120	94	2884	137	2543	692
Март 1927 г.	VI	3580	209	104	115	3169	192	2801	779
Июнь 1928 г.	VII	3647	129	139	131	3117	260	2784	863
Октябрь 1929 г.	–	4500	–	–	–	–	–	–	–

Составлено по: Коми областная организация в цифрах // «Югд туй» («Светлый путь»). 1926. 29 октября. № 198 (1615); Коми организациялӧн быдмӧм (Развитие Коми комсомольской организации) // «Югд туй» («Светлый путь»). 1928. 27 ноября. № 157 (2014); Полещиков, П. Отырвыкы из прошлого Коми комсомола // «Коми му» («Зырянский край»). 1929. 15 января. № 1(59). С. 12; 10 во Коми Комсомоллы (10 лет Коми Комсомолу) // «Югд туй» («Светлый путь»). 1929. 29 октября. № 209 (2246).

Важнейшие аспекты деятельности комсомольской молодежи основывались на директивах, постановлениях, циркулярах ЦК комсомола и утверждались на всероссийских (всесоюзных) съездах РКСМ (ЛКСМ, ВЛКСМ). В Коми автономной области (образована декретом ВЦИК от 22 августа 1921 г.) за 1920-е гг. было создано девять областных съездов (конференций) РКСМ (ЛКСМ, ВЛКСМ) (табл. 2).

Таблица 2

Первые секретари областных комитетов РКСМ (РЛКСМ, ВЛКСМ) в 1921–1929 годы

Дата	Съезд (конференция)	Первый секретарь
10–14 сентября 1921 г.	I Всезырянский съезд молодежи автономии Коми	Харапов Михаил Николаевич
8–10 сентября 1922 г.	II областной съезд (конференция) РКСМ	Нестеров Александр Андреевич
15–18 марта 1923 г.	III областная конференция РКСМ	Иевлев Андрей Сергеевич
10–16 июня 1924 г.	IV областная конференция РКСМ	Полешиков Павел Николаевич
6–10 июля 1925 г.	V областная конференция РКСМ	Полешиков Павел Николаевич
11–16 марта 1927 г.	VI областная конференция РКСМ	Заболоцкий Алексей Михайлович
20–26 июня 1928 г.	VII областная конференция РКСМ	Шергин Николай Павлович
20–25 августа 1929 г.	VIII областная конференция РКСМ	Лютюев Афанасий Тарасович

Составлено по: Ты помнишь, товарищ... (История Коми областной комсомольской организации в документах и публикациях республиканских и центральных СМИ) / ред.-сост. М. В. Кузьмина. – Сыктывкар, 2008. – С. 159.

На съездах ставились важнейшие задачи (утвержденные решениями съездов РКП(б) (с 1925 г. ВКП(б)), ВЛКСМ) перед комсомолом, решались организационные вопросы, поднимались проблемные аспекты и др. Управление деятельностью ячеек осуществляли областной и районные комитеты РКСМ (РЛКСМ, ВЛКСМ). Координацией функционирования комсомольских организаций на местах руководили региональные РКП(б). Коми областной комитет (Коми обком) РКП(б) был избран на I Всезырянском съезде коммунистов, проходившем в г. Усть-Сысольске 8–13 января 1921 г. Он возглавлял работу низовых организаций по проведению в области политики коммунистической партии и исполнения директив ее высших органов,

направлял деятельность всех партийных комитетов и ячеек региона [Коми республиканский..., 2000, с. 20]. Одна из первых партийных ячеек РКП(б) была организована в декабре 1917 г. в Керчомской волости, чуть позже в селах Краснобор, Усть-Цильма и г. Усть-Сысольск. Создавались они, в основном, по инициативе демобилизованных солдат. С первых же дней волостные партячейки совместно с советами проводили активную пропаганду политики партии и советской власти. Задачами ячеек РКП(б) (с 1925 г. ВКП(б)) являлись проведение политических кампаний, руководство комсомолом, пионерским движением, организация работы в среде беспартийной молодежи и др. [ГУРК «НА РК». Ф. П-194. Оп. 1. Д. 1. Л. 53 об.]. Они систематически отчитывались в вышестоящие органы о проведении партийной и культурно-воспитательной работы, выявлении социально-экономических проблем, об освещении взаимодействия с молодежью и др. [ГУРК «НА РК». Ф. П-160. Оп. 1. Д. 2. Л. 4, 13].

I Всезырянский областной съезд РКСМ (10–14 сентября 1921 г.) акцентировал внимание деятельности молодежи на борьбу за коммунизм и усиление работы по разъяснению населению политики коммунистической партии и советской власти. Съезд объединил ячейки и уездные организации в единую – областную, и избрал руководящий орган – областной комитет РКСМ в составе 11 членов и 7 кандидатов [Комсомол Коми..., 1973, с. 7]. Чуть позже (29 октября 1921 г.) в газете «Югд туй» («Светлый путь») были опубликованы пять заповедей комсомольца Коми области: «1. Не поддавайся никакому мелкобуржуазному влиянию, воспитывай себя по-коммунистически, учись быть настоящим коммунаром. 2. Принимай самое горячее участие в хозяйственном строительстве страны. 3. Веди агитацию за то, чтобы крестьянство сдавало продналог и помогало голодающему Поволжью, ибо укрепляя братский союз, крестьяне сами обеспечат свое социалистическое будущее. 4. Ходи исправно в школы политграмоты, ибо через это ты будешь политически грамотным. 5. В кругу беспартийной молодежи и в целом веди себя так, как подобает коммунару, и своей дисциплинированностью показывай пример» [Комсомол Коми..., 1973, с. 37].

В 1922 г. прошли уездные конференции РКСМ (I Ижмо-Печорская, март 1922 г.), (I Усть-Куломская, июнь 1922 г.), (I Усть-Вымская, июль 1922 г.), на которых избраны руководящие органы – уездные комитеты РКСМ [Хроника Коми..., 1988, с. 15–17]. На II Коми об-

ластном съезде (сентябрь 1922 г.) обсуждались вопросы о международном и внутреннем положении страны, представлен отчет областной коммунистической молодежи, утверждены задачи организации. Съезд констатировал «почти бесформенное существование организаций на местах» [Полешиков, 1929]. На V областной комсомольской конференции (6–10 июля 1925 г.) поднимались вопросы усиления политико-воспитательной работы в деревне, налаживания работы изб-читален, пунктов по ликвидации неграмотности, активизации деятельности среди детей. В декабре 1925 г. бюро обкома РЛКСМ выдвинул лозунг «Каждый грамотный комсомолец должен обучить одного неграмотного» [Хроника Коми..., 1988, с. 23–25].

Пленум Коми областного комитета ВЛКСМ (24–27 декабря 1926 г.) призвал комсомольские организации усилить внимание к нуждам крестьянской молодежи, организовать всестороннюю помощь молодым крестьянам-единоличникам, а также дал резкую оценку таким явлениям в комсомольской среде, как пьянство, хулиганство, расхищение социалистической собственности [Хроника Коми..., 1988, с. 29]. Исходя из решений XV съезда ВКП(б) (декабрь 1927 г.) VIII Всесоюзный съезд ВЛКСМ (май 1928 г.) нацелил комсомол на выполнение плана первой пятилетки [Хроника Коми..., 1988, с. 33]. На VII Коми областной конференции ВЛКСМ (20–26 июня 1928 г.) был отмечен рост трудовой активности молодежи на лесозаготовках и в кооперативных организациях. Там же комсомольцы критиковались за слабое проведение классовой политики на селе и недостаточное атеистическое воспитание молодежи [Хроника Коми..., 1988, с. 34]. В декабре 1928 г. на пленуме Коми обкома комсомола выдвинут лозунг: «Комсомолец первым выходит на работу и последним уходит с лесозаготовок!» [Хроника Коми..., 1988, с. 35]. В связи с ликвидацией уездов и созданием районов (июнь-июль 1929 г.) в Коми автономной области (Коми АО) прошли первые районные комсомольские конференции: в Усть-Сысольском (Сыктывдинском) районе – 5–9 июня, в Прилузье – 22–25 июня, в Визинге – 28–30 июня, Усть-Куломе – 27–30 июня, Усть-Цильме – 7–8 июля, Усть-Выми – 8–12 июля, Ижме – 18–19 июля, Кослане – 30–31 июля. На них обсуждены отчеты уездных комитетов ВЛКСМ, определены задачи, связанные с предстоящей чисткой комсомольских рядов [Хроника Коми..., 1988, с. 36].

Основные направления деятельности комсомольцев Коми АО в 1920-е гг., которые были реализованы на местах, условно можно

разделить на следующие пункты: 1) участие в военных действиях за установление советской власти; 2) работа на субботниках (строительство и ремонт зданий, распил дров, восстановление дорог (мостов) и др.); 3) развитие народного хозяйства (участие в коллективизации, труд в колхозах и на лесозаготовках, организация конкурсов и др.); 4) культурно-просветительская деятельность (ликвидация безграмотности населения, постановка спектаклей, выпуск газет и др.); 5) проведение антирелигиозной пропаганды (организация комсомольской пасхи и рождества и др.); 6) взаимодействие с пионерами и октябрятами; 7) работа в органах советской власти (волостных исполнительных комитетах, сельсоветах) и различных учреждениях (избах-читальнях, школах и др.); 8) социальная помощь (семьям красноармейцев и бедняков, поддержка молодежи (в том числе подростков), сбор средств в пользу голодающих Поволжья и др.); 9) переписка (с военнослужащими Красной Армии, с комсомолом других стран (Чехословакии, Германии и др.)); 10) ознакомление населения с военной тематикой (совместно с Осовиахимом); 11) проведение собраний и конференций беспартийной молодежи (ознакомление с работой ВЛКСМ, привлечение в ряды комсомола и др.); 12) участие в предвыборных кампаниях.

В годы Гражданской войны в Коми крае комсомольцы вступали в бой с белогвардейцами, выполняли работу по разведке в занимаемых противником пунктах, несли сторожевую службу, охраняли телеграфные линии и др. Местные РКСМ проводили общественную, агитационную и организационную работу [Маегов, 1924, с. 84, 86].

1 мая 1920 г. комсомольцы и молодежь приняли участие во Всероссийском субботнике: 155 молодых жителей с. Палевицы провели ремонт четырех верст дороги, распилили восемь сажень дров для учреждений, навели чистоту на улицах и дворах [Хроника Коми..., 1988, с. 11–12]. В июне 1920 г. члены союза Кирульской РКСМ починили мосты; Чернышской – косили сено для семьи красноармейца; Сторожевской – сделали ремонт дороги; Богородской – работали на починке моста; Ньючимской – ремонтировали клуб и нарубили дрова [там же, с. 12–13]. В июне-июле 1926 г. молодые люди Сысольского уезда провели 31 субботник по восстановлению дорог, мостов, общественных зданий [там же, с. 27]. В октябре 1927 г. комсомольцы области приняли активное участие во Всесоюзном комсомольском субботнике, посвященном 10-летию Октябрьской революции, на котором осуществляли ремонт школ, изб-читален и мостов [Ты помнишь..., 2008, с. 201].

В Усть-Вымском уезде (Серегово, Айкино, Кожмудор, Глоново, Важгорт) прошли массовые комсомольско-молодежные субботники по ремонту красных уголков и строительству клубов [Хроника Коми..., 1988, с. 30]. В Печорской уездной организации ВЛКСМ в ноябре 1927 г. Усть-Цилемская, Советская и Школьная ячейки провели три субботника, в которых приняло участие 120 чел. (из них 70 комсомольцев). Оказана помощь трем бедняцким хозяйствам в заготовке, распиловке дров, перекрытии крыши. В различных ячейках (Гарьевская, Пижемская, Нерицкая) комсомольцы ходили в лес на заготовку дров для красного уголка, народного дома, бедняцких хозяйств [Комсомол Коми..., 1973, с. 55–56].

В декабре 1927 г. комсомольская организация Ньючимского чугунолитейного завода с целью повышения квалификации молодых рабочих организовала конкурс на звание лучшего молодого литейщика (от 18 до 28 лет), в котором участвовало 13 чел. [Хроника Коми..., 1988, с. 32]. В 1928 г. комсомольцы области принимали участие в подготовке и проведении посевной кампании и лесосплавных работ. В колхозах и личных крестьянских хозяйствах ребята осуществляли сортировку и очистку семян, ремонт сельхозинвентаря. Силами комсомольцев Усть-Куломского уезда было организовано четыре новых колхоза (в селах Керчомья, Большелуг, Вомын) [там же, с. 34]. В течение 1929 г. в населенных пунктах Сысольского района (селах Лойма, Спаспуруб, Койгородок и др.) по инициативе молодых людей организовано 16 товариществ по общественной обработке земли [там же, с. 37]. В течение 1929 г. комсомольцы Ульяновского с/х техникума осуществляли шефство над колхозами в Усть-Куломском районе (села Кужба, Деревянск) [Ты помнишь..., 2008, с. 202]. По воспоминаниям И. Г. Коюшева (1901–1993), комсомольцы первыми вступали в колхозы и включались в социалистическое соревнование [Воспоминания Ивана Григорьевича..., 1986, с. 94]. В декабре 1929 г. 254 московских комсомольца-добровольца по призыву ЦК ВЛКСМ прибыли в Коми область на работу в лесозаготовительной промышленности [Ты помнишь..., 2008, с. 202].

В 1925 г. бюро обкома РЛКСМ отметило, что более 1200 комсомольцев являются членами общества «Долой неграмотность», проводившего мероприятия по ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения. Указанные задачи выполнялись в кружках самообразования при избах-читальнях, красных уголках

и школах [Хроника Коми..., 1988, с. 25]. Деятельность по ликвидации неграмотности населения силами комсомольцев продолжалась на протяжении 1920-х гг. Руководство союза молодежи признавало, что роль комсомола в ликвидации неграмотности стала «довольно значительной», хотя местные власти не забывали упоминать, что указанная работа встретила со значительными трудностями (малограмотность комсомольцев, несерьезное отношение к ликбезу населения, равнодушное отношение отдельных руководителей молодежных организаций к обучению взрослых и др.) [Золотарев, 2000, с. 35–37]. С 28 января 1923 г. комсомольцы Мохченской ячейки РКСМ (Ижмо-Печорский уезд) стали выпускать рукописную газету «Резерв» [Хроника Коми..., 1988, с. 18]. В ноябре 1923 г. начала издаваться газета «Путь комсомольца» – орган Усть-Куломского уездного комитета РКСМ [Ты помнишь..., 2008, с. 199]. С 15 марта 1929 г. выпускалась газета «Коми комсомол», орган Коми обкома ВЛКСМ тиражом 2 тыс. экз. [Хроника Коми..., 1988, с. 36].

Одним из направлений деятельности комсомольцев была антирелигиозная пропаганда. В своих воспоминаниях И. Г. Коюшев (1901–1993) писал: «В 1921 г. весной совпали два праздника – революционный 1 мая и религиозный – пасха. Мы, коммунисты, комсомольцы и клубный актив, решили затмить пасху. Хорошо подготовились и сам поп Фадей Смирнов "помог" нам. На пасхальную службу как всегда пришел полупьян. Людей было мало, почти одни старухи и те не отстояли до конца. А наша "красная пасха", как крестьяне называли празднование 1 мая, увлекла не только молодежь, но взрослых мужчин и многих женщин. С утра собрались у клуба. Из Визябожа пришла молодежь. Я рассказал о значении праздника. Хор спел "Интернационал" на коми языке. У нас в селе одна улица. Но, подражая городу, мы прошли по нему с красным флагом туда и обратно с пением революционных песен. А потом в клубе устроили концерт» [Воспоминания Ивана Григорьевича..., 1986, с. 48]. «Комсомольские пасхи» проводили в Усть-Вымском, Усть-Куломском и Сысольском уездах. Ячейки получали задание подготовить беседы с жителями волостей об истории пасхи, спектакли, стенные и «живые» газеты [Хроника Коми..., 1988, с. 20].

4 августа 1923 г. по инициативе и при участии комсомольцев в г. Усть-Сысольске организован пионерский отряд в составе 28 чел. Первым вожатым был комсомолец Пантелеймон Покровский (руко-

водством работой пионеров осуществляли РКСМ). Перед пионерами стояли задачи успешной учебы в школе, оказание помощи партийной и комсомолу, общественно-полезная работа и др. В конце года (на 1 декабря 1923 г.) пионерская организация насчитывала уже более 1300 пионеров [Хроника Коми..., 1988, с. 19]. В 1925 г. в работе пионерской организации зафиксирован ряд достижений (проведение субботников, выпуск газет, посещение воинской части, образование новых пионерских организаций (в Кируле, Серегово, Ижме в 1924 г.)), но вместе с тем выявлены и недостатки (отсутствие надлежащего руководства со стороны комсомольских ячеек, слабая дисциплина пионеров и др.) [Пионерская страничка, 1925]. В 1927 г. в Коми АО насчитывался 141 пионерский отряд, 3901 пионер и 406 октябрят [Сколько пионеров..., 1927]. Пионеры г. Усть-Сысольска, по заданию ОК ВЛКСМ, участвовали в проведении предвыборных кампаний (см. фото).

Комсомольцы трудились в органах власти и учреждениях региона. Из 80 членов сельсоветов 26 (32 %) сотрудников в 1925 г. являлись коммунистами и комсомольцами [Состав советов..., 1925]. Среди членов президиума волостных исполнительных комитетов Коми АО (всего 285 чел.) комсомольцев в 1926 г. было 24 чел. (8,4 %), в 1927 – 18 (6,3 %), в 1928 – 19 (6,2 %) [Состояние и работа..., 1928]. В 1929 г. комсомолка А. Надеева была выбрана председателем сельсовета [Шаньгина, 1975, с. 52]. В схемах отчетов (трехмесячных, полугодовых) волостных исполнительных комитетов Коми АО перед вышестоящими органами власти следовало указывать, какие мероприятия осуществляются по вовлечению молодежи в работу органов управления и численность состоящей в союзе молодежи [Формирование нормативно..., 2023, с. 152, 158]. В 1927 г. в регионе работали 93 избачей (ответственных за работу изб-читален), 30 (32 %) из них являлись комсомольцами [Безносиков, 1986, с. 27]. В ходе сотрудничества комсомола и отделов народного образования были организованы: 1) школы крестьянской молодежи; 2) работа по созданию в учебных заведениях органов самоуправления; 3) вовлечение пионеров и комсомольцев в деятельность по борьбе с беспризорностью детей [К 7-й годовщине..., 1925].

Проведение кампаний по сбору средств и организация помощи нуждающимся были одним из направлений работы комсомольцев.

*Бригада пионеров города Усть-Сысольска, направленная ОК ВЛКСМ на предвыборную кампанию в село Корткерос в 1929 году, в помещении Корткеросского волостного исполнительного комитета (председатель Магавин (в первом ряду второй справа)).
Составлено по: Национальный музей РК. КП-6351/5.*

В марте 1922 г. члены Керчомской РКСМ (Усть-Куломский уезд) провели подворный сбор в пользу голодающих Поволжья, в ходе которого собрано 13 пудов хлеба, 6 пудов 30 фунтов картофеля, 8 фунтов шерсти, 7 фунтов волокна и 890 тыс. руб. деньгами. 20 мая 1923 г. в результате проведения «Недели Красного Флота» собрано 7472 руб., 15 пудов хлеба и 18 пудов соли [Ты помнишь..., 2008, с. 199]. 4 октября 1923 г. в области прошел сбор средств в фонд помощи комсомолу Германии, собрано 2300 руб. [Хроника Коми..., 1988, с. 19]. В целях улучшения материального положения необеспеченной молодежи в 1927 г. по инициативе обкома ВЛКСМ организовывались дешевые обеды в столовых, открывались ночлежные дома и комнаты для безработных батраков, бронировались места для работы молодежи в учреждениях г. Усть-Сысольска [Ты помнишь..., 2008, с. 201].

Комсомольцы вели переписки с военнослужащими Северного флота и комсомольцами других стран. Молодые люди просили моря-

ков написать об их жизни и достижениях, которые бы служили комсомольцам области примером и заинтересовали молодежь [Комсомол Коми..., 1973, с. 38–39]. В ноябре 1923 г. школьники с. Вильгорт послали приветственную телеграмму в адрес В. И. Ленина с пожеланием скорейшего выздоровления и дальнейшей плодотворной работы [Хроника Коми..., 1988, с. 19]. В одно из подразделений Красной Армии Коми обкомом ВЛКСМ молодежи был отправлен каталог зырянской литературы с возможностью подписки на газеты и журналы Коми АО. Интенсивная переписка происходила с комсомолом Чехословакии. В октябре 1928 г. комсомольцы Коми АО послали Красное знамя с вышитым КИМовским (коммунистическим интернационалом молодежи, международная молодежная организация) значком комсомольцам чехословацкого города Годонина [Ты помнишь..., 2008, с. 202].

Коми комсомол совместно с Осовиахимом (Обществом содействия обороне, авиационному и химическому строительству) осуществляли работу по ознакомлению населения с военными знаниями. Для привлечения молодежи в свою организацию проводились собрания и конференции беспартийной молодежи, на которых в том числе разбирались вопросы военной тематики. В неделю обороны в разных уголках Области организованы сборы в фонд «Наш ответ Чемберлену» (сбор средств на оборону СССР и строительство воздушного флота) [Коми Комсомол..., 1973, с. 58].

Участие комсомольцев в советском строительстве на протяжении 1920-х гг. возрастало. Комсомольские организации и ячейки принимали участие в проведении общественно-политических кампаний, работали по вовлечению молодежи в кооперацию, по организации с/х и других товариществ. При деятельном участии комсомола проводились дни урожая как средство демонстрации достижений в сельском хозяйстве. Организация защищала права рабочей и батрацкой молодежи [Полещиков, 1929, с. 13].

Таким образом, после революционных событий 1917 г. комсомольские организации, стихийно возникавшие в разных городах, постепенно становились самым массовым молодежным движением в стране. В Коми крае ячейки комсомола стали образовываться в конце 1919 – начале 1920-х гг. За десятилетие их численность возросла с 35 чел. до 4,5 тыс. чел. Комсомольцы принимали активное участие в борьбе за установление советской власти. Некоторые из них погибли в боях с белогвардейцами, а многие в дальнейшем работали на ответствен-

ных должностях в различных сферах. При проведении субботников комсомольские ячейки восстанавливали дороги, мосты, здания населенных пунктов Коми АО, а также оказывали существенную поддержку нуждающимся. Молодые люди участвовали в ликвидации неграмотности, чем внесли значительный вклад в получении базовых знаний неграмотных жителей волостей, руководили деятельностью пионеров и октябрят. Комсомольцы занимали управленческие должности в органах власти, работали в различных учреждениях. Принимали участие в коллективизации сельского хозяйства и развитии лесозаготовительной промышленности. Комсомол был резервом коммунистической партии и ее помощником в воспитании юного поколения. Благодаря энергичности, инициативности и работоспособности комсомольцев выполнялись важнейшие задачи социально-экономического и культурного развития не только региона, но и страны.

Литература

Безносиков, Я. Н. Рассвет над Коми. Очерк истории культурного строительства в Коми АССР / Я. Н. Безносиков. – Сыктывкар, 1986. – 133 с.

Воспоминания Ивана Григорьевича Коюшева «Сквозь строй жизни» // Архив Национального музея Республики Коми, КП 11407/4922. – Сыктывкар, 1986. – 187 с.

Елькин, П. Уездын комсомоллӧн быдмӧмыс (Становление комсомола в уезде) / П. Елькин // «Коми комсомол». – 1930. – 13 ноября. – № 62 (103).

Елькин, П. Четыре года работы. Юбилей Усть-Сысольской организации РКСМ / П. Елькин // «Югид туй» («Светлый путь»). – 1923. – 20 октября. – № 216 (756).

Жизнь Усть-Сысольской организации // «Югид туй» («Светлый путь»). – 1926. – 29 октября. – № 198 (1615).

Золотарев, О. В. Ликвидация массовой неграмотности населения Коми автономии / О. В. Золотарев. – Сыктывкар, 2000. – 111 с.

К 7-й годовщине организации РЛКСМ // «Югид туй» («Светлый путь»). – 1925. – 29 октября. – № 220 (1324).

Коми республиканский государственный архив общественно-политических движений и формирований. Путеводитель / редкол.: Р. Н. Дамяновска, Т. И. Лахтионова, Г. Н. Попова; науч. ред. Л. П. Рошчевская. – М.: Звенья, 2000. – 287 с.

Комсомол Коми АССР в документах: сб. док. и материалов по истории Коми областной организации ВЛКСМ (1917–1972 гг.). – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1973. – 296 с.

Комсомол Печоры // «Югид туй» («Светлый путь»). – 1926. – 29 октября. – № 198 (1615).

Латкинские банды и молодежь // «Югид туй» («Светлый путь»). – 1926. – 29 октября. – № 198 (1615).

Маегов, А. Коми комсомол в гражданской войне / А. Маегов // «Коми му» («Зырянский край»). – 1924. – Март-апрель. – № 7–10. – С. 84, 86.

Палкин, В. Коми областной комсомольской организации котырчом (Образование Коми областной комсомольской организации) / В. Палкин // «Коми комсомолец». – 1940. – 18 мая. – № 67 (1211).

Пионерская страничка // «Югид туй» («Светлый путь»). – 1925. – 29 октября. – № 220 (1324).

Полешиков, П. Отрывки из прошлого Коми комсомола / П. Полешиков // «Коми му» («Зырянский край»). – 1929. – 15 января. – № 1 (59). – С. 13.

Сколько пионеров в области? // «Югид туй» («Светлый путь»). – 1927. – 30 октября. – № 129 (1821).

Состав советов Коми области // «Югид туй» («Светлый путь»). – 1925. – 24 июня. – № 130 (1216).

Состояние и работа низового советского аппарата области // «Югид туй» («Светлый путь»). – 1928. – 20 сентября. – № 114 (1971).

Ты помнишь, товарищ... (История Коми областной комсомольской организации в документах и публикациях республиканских и центральных СМИ) / ред.-сост. М. В. Кузьмина. – Сыктывкар, 2008. – 300 с.

Устав Российского Коммунистического Союза Молодежи. – М., 1920. – 15 с.

Формирование нормативно-правовой базы деятельности волостных исполнительных комитетов Коми автономной области 1920-х годов. Сборник документов / автор-сост. В. Н. Каракчиев. – Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2023. – 176 с.

Хроника Коми областной организации ВЛКСМ. 1918–1988 / сост. В. Д. Захаров; предисл. В. Трифонова. – Сыктывкар, 1988. – 240 с.

Шаньгина, В. В. Деятельность местных советов Коми автономной области по созданию основ социалистической экономики

в годы первой пятилетки: дис. ... канд. ист. наук / В. В. Шаньгина. – Сыктывкар, 1975 // Научный архив Коми научного центра УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 213. – 201 с.

Статья написана в рамках выполнения государственного задания по теме НИР «Государственная политика развития Европейского Севера России: актуальные проблемы социально-политической, экономической, социокультурной и демографической истории в XVI–XX в.» (FUUU-2025-0026).

Информация об авторе:

Каракчиев Владислав Николаевич – научный сотрудник сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, karakchiev.vlad@yandex.ru.

У. В. Лыткина

Естественное движение населения в городах Коми АССР в 1950–1980-е годы

Процессы воспроизводства населения в городских населенных пунктах Коми АССР представляют особый интерес, поскольку в них проживала большая часть населения региона. В исследовании автор впервые рассматривает показатели естественного движения населения на уровне городских советов республики и районов с преобладанием городского населения. Систематизированы данные о рождаемости, смертности (включая младенческую), брачности и разводимости по восьми городским территориям за 1955–1989 гг. Все показатели усреднялись по 5-летним периодам, чтобы снизить влияние статистических выбросов. Выявлены различия в естественном движении населения городских территорий по временным периодам. Показано, что на естественное движение влияли отличия в возрастном составе, обусловленные историей создания и заселения городов, стадией цикла добычи природных ресурсов. В городах с более молодой возрастной структурой населения фиксировался меньший уровень смертности и больший уровень рождаемости. Это проявляется в новых промышленных городах – Воркуте, Инте, Вуктыле и Усинске. Северные городские поселения отличались от южных по показателям естественного движения также из-за разной степени урбанизации и национального состава. Печора всегда характеризовалась высокой младенческой смертностью, а Воркута – высокой разводимостью. Проведенное исследование позволяет лучше понять факторы и закономерности естественного движения населения Коми края в советский период. В дальнейших исследованиях необходимо рассмотреть дифференциацию между сельскими территориями.

Ключевые слова: естественное движение населения, рождаемость, смертность, брачность, разводимость, города, городские советы, Коми АССР

U. V. Lytkina

Natural population movement in the cities of the Komi ASSR in the 1950-1980s.

The processes of population reproduction in the urban settlements of the Komi ASSR are of particular interest, since most of the population lived there. The study is the first to examine vital statistics at the level of city councils of the republic and districts with a predominant urban population. The article systematizes data on fertility, mortality (including infant mortality), marriage and divorce rates for eight urban areas for 1955-1989. All indicators were averaged over 5-year periods to reduce the influence of statistical outliers. The author has

identified differences in the natural movement of the population of urban areas in different time periods. The text shows that natural movement was influenced by differences in age composition due to the history of the creation and settlement of cities and the stage of extraction of natural resources. Younger cities often had the lowest death rates and the highest birth rates. At first it was Vorkuta and Inta, later Vuktyl and Usinsk were added to them. Northern urban settlements differed from southern ones in terms of natural movement indicators also due to different degrees of urbanization and different national composition. Pechora has always had a high infant mortality rate, and Vorkuta has a high divorce rate. The conducted research allows us to better understand the factors and patterns of natural movement of the population of the Komi region during the Soviet period. Future research needs to look at differences between rural areas.

Keywords: natural population movement, fertility, mortality, marriage rate, divorce rate, cities, city councils, Komi Autonomous Soviet Socialist Republic

К концу советского периода более трех четвертей населения Коми АССР проживало в городских поселениях – городах и рабочих поселках. Основными зонами расселения стали столица региона (г. Сыктывкар) и территории семи других городов (Воркута, Вуктыл, Инта, Печора, Сосногорск, Усинск и Ухта). Города создавались и заселялись очень стремительно, обеспечивая экономику Советского Союза важнейшими природными ресурсами. Цель исследования – выяснить, насколько показатели естественного движения населения различались между городскими поселениями Коми АССР и каковы факторы этой дифференциации. Хронологические рамки исследования охватывают период с середины 1950-х гг. по конец советского периода. За эти годы доступна относительно качественная статистика в разрезе районов и городских поселений. Более ранние данные могут содержать искажения, особенно в оценках среднегодовой численности населения, необходимой для расчета относительных показателей. На 20-летний межпереписной период 1939–1959 гг. пришлась Великая Отечественная война, а статистический учет демографических событий на местах вплоть до середины 1950-х гг. был фрагментарным.

Исследователи естественного движения населения Коми АССР [Безносова, 2018] всегда обращали внимание на различия между городскими и сельскими местностями [Фаузер и др., 2001; Безносова, 2005; Безносова, 2014; Игнатова и др., 2022; Лыткина, 2023]. При этом дифференциация показателей на районном уровне исследовалась намного реже. В территориальном разрезе обычно рассматривают динамику численности и расселение населения, а также итоги

переписей. В этой связи можно отметить монографию В. В. Фаузера, в которой были представлены общие коэффициенты рождаемости и смертности по районам и горсоветам за отдельные годы [Фаузер, 2023, с. 117, 156]. Но системного осмысления динамики показателей естественного движения населения в разрезе всех городских территорий еще не было.

Основным источником данных стали материалы текущего архива Комистата (ранее – Коми республиканское управление статистики Госкомстата). В исследовании использовались динамические ряды показателей естественного движения населения Коми АССР за 1955–1990 гг. Сведения содержали некоторые пропуски, которые были восполнены с помощью материалов из Национального архива Республики Коми. Рассчитаны следующие относительные показатели: общие коэффициенты рождаемости, смертности, естественного прироста населения, брачности и разводимости; коэффициент младенческой смертности, удельный вес младенцев в общей смертности, число разводов на 1000 браков. Чтобы избежать статистических выбросов, данные были усреднены по 5-летним временным интервалам.

Объектом изучения стали территории республики, в которых проживало преимущественно городское население. Это восемь городских советов и районов: Сыктывкар, Воркута, Вуктыл, Инта, Печора, Сосногорск, Усинск и Ухта. Они меняли свой статус в рассматриваемый период, некоторые разъединялись и объединялись. Поэтому по ряду территорий данные представлены только с момента их образования. Дадим им краткую характеристику [Жеребцов, 2001; От первобытных, 2014; Обедков, 2021] (табл. 1).

Таблица 1

Основные демографические показатели территорий Коми АССР с преобладанием городского населения (1955–1989)

Территория	Численность населения, тыс. чел.		Доля городского населения, %		Доля населения трудоспособного возраста, %		Доля коми, %	
	1959 г.	1989 г.	1959 г.	1989 г.	1959 г.	1989 г.	1959 г.	1989 г.
Сыктывкар	74,5	235,3	100,0	99,7	65	62	48,1	33,6
Воркута	175,9	216,2	100,0	99,2	75	67	3,0	2,2
Вуктыл	–	28,2	–	68,5	–	66	–	10,2
Инта	66,4	69,9	94,5	94,9	70	64	7,8	8,5
Печора	66,5	93,6	72,6	86,8	–	63	23,4	14,0

Сосногорск	–	62,5	–	80,5	–	61	–	–
Усинск	–	69,5	–	82,5	–	64	–	11,7
Ухта	89,0	140,5	87,5	97,4	65	63	11,5	9,9

Источники: Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств. – URL: <https://demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?>; 100 лет Республике Коми Интерактивные страницы. Комистат. – URL: <https://11.rosstat.gov.ru/folder/114115/document/114116>.

Столица Республики Коми – г. Сыктывкар, расположена в южной части и характеризуется наибольшим удельным весом населения титульной коми национальности среди всех городских территорий региона. Сыктывкарский горсовет в изучаемый период был третьим (после Воркуты и Ухты), а позднее первым в республике по численности. В 1959 г. население составляло 74,5 тыс. чел., в 1989 г. – 235,3 тыс. чел. Горсовет выполнял административные, социальные и образовательные функции. В конце 1960-х гг. в Эжве запущен крупный целлюлозно-бумажный комбинат, что сделало Сыктывкар также значительным центром обрабатывающей промышленности.

Два северных горсовета Коми АССР – Воркута и Инта – специализировались на угледобывающей промышленности. Воркутинский горсовет был выделен из Кожвинского района в 1943 г., а уже в 1959 г. он с населением 175,9 тыс. чел. стал крупнейшим в регионе и более чем на 100 тыс. чел. превосходил столичный горсовет. Там проживали 21,6 % населения республики.

В конце советского периода Воркутинский горсовет с населением в 235,3 тыс. чел. немного уступал Сыктывкарскому. Второй угледобывающий горсовет, Интинский, был намного меньше по численности – 45,1 тыс. чел. в 1959 г. и 69,9 тыс. чел. в 1989 г. Интинский район был включен в состав Интинского горсовета только в 1963 г., но для удобства мы будем рассматривать их как единое образование.

Нефтедобывающий город Ухта, расположенный в центре республики, был выведен из состава Ухтинского района в 1953 г., а уже в 1957 г. сам район был присоединен к Ухтинскому горсовету. Горсовет был вторым-третьим в Коми АССР по численности населения – 89,0 тыс. чел. в 1959 г. и 140,5 тыс. чел. в 1989 г. В 1975 г. из Ухтинского горсовета был выведен Вуктыльский район, а в 1979 г. – Сосногорский. Статус горсоветов они получили только в 1990-е гг., но из-за преобладания в них городского населения мы будем рассма-

тривать их наряду с горсоветами. Население Вуктыльского района в 1989 г. составило 28,2 тыс. чел., а Сосногорского – 62,5 тыс. чел. Вуктыльский район специализировался на добыче природного газа, а Сосногорск объединял в себе функции, связанные с транспортом, энергетикой и обрабатывающей промышленностью.

Печорский район был преобразован из Кожвинского в 1959 г. Печора стала транспортным центром республики, а позже – и энергетическим (в 1979 г. была введена в эксплуатацию Печорская ГРЭС). В Печорском районе доля городского населения была низкой относительно других изучаемых территорий (72,6 % в 1959 г. и 86,8 % в 1989 г.). Население в 1959–1989 гг. выросло с 66,5 до 93,6 тыс. чел. В 1975 г. из Печорского района был выделен Усинский район (69,5 тыс. чел. в 1989 г.) – новый центр нефтедобычи республики.

Можно сделать вывод, что горсоветы и районы отличались друг от друга по истории образования, размеру, пространственному размещению, степени урбанизации, экономической специализации, национальному и возрастному составам. Все это не могло не найти отражения в показателях естественного движения населения. Территории также были неодинаковыми по насыщенности объектами инфраструктуры, качеству жизни, набору льгот и преференций для населения. Так, южные территории республики, включая г. Сыктывкар, в советский период не входили в перечень районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей.

На изучаемый период пришлось резкое сокращение рождаемости в Коми АССР [Безносова, 2008] из-за завершения демографического перехода. Рассмотрим различия в коэффициенте рождаемости на 1000 жителей. В конце 1950-х гг. рождаемость в Инте и Воркуте была почти на уровне сельских поселений благодаря высокому удельному весу населения в репродуктивных возрастах (табл. 2). Затем наибольшая рождаемость наблюдалась в Печоре, где была выше доля сельского населения. Наконец, в 1980-х гг. лидерами стали новые города – Усинск и Вуктыл. Причина была той же, что и для угледобывающих городов двумя десятилетиями ранее. Новые поселения на ранних стадиях освоения природных ресурсов требовали больше молодых работников из-за сложных природных и инфраструктурных условий. На эти же возрастные группы приходились наивысшие значения показателей рождаемости. По мере своего развития города накапливали объекты социальной инфраструктуры, которая благоприятствовала

Таблица 2

**Общий коэффициент рождаемости по городским территориям
Коми АССР (1955–1989), ‰**

Территория	1955–1959*	1960–1964	1965–1969	1970–1974	1975–1979	1980–1984	1985–1989
Все население	32,7	26,3	18,1	17,6	18,0	19,4	17,8
Городское население	29,9	24,1	17,7	18,0	18,0	19,1	17,2
Сельское население	36,4	29,6	18,7	16,8	18,1	20,4	19,5
Сыктывкар	29,1	22,8	18,5	18,9	19,0	19,4	17,4
Воркута	32,2	24,0	16,1	16,3	16,0	18,8	17,4
Вуктыл	Входил в состав Ухты			20,6	20,7	18,5	18,5
Инта	34,5	24,5	16,5	16,2	16,1	19,3	18,1
Печора	31,6	26,4	18,7	18,4	17,6	18,5	16,6
Сосногорск	Входил в состав Ухты					18,3	16,6
Усинск	Входил в состав Печоры				18,9	22,3	18,9
Ухта	28,0	21,7	15,3	18,5	18,1	18,6	17,1

* Примечание. Здесь и в табл. 3–6: усредненные данные за 1955, 1958 и 1959 гг.
Источник. Здесь и в табл. 3–6: текущий архив Коми республиканского управления статистики.
«Динамические ряды показателей естественного движения Коми АССР за 1955–1990 гг.».

проживанию населения всех возрастов, что снижало относительные показатели рождаемости.

Худшие значения общего коэффициента смертности на протяжении почти всего изучаемого периода демонстрировала Печора (табл. 3).

Таблица 3

**Общий коэффициент смертности по городским территориям
Коми АССР (1955–1989), ‰**

Территория	1955–1959*	1960–1964	1965–1969	1970–1974	1975–1979	1980–1984	1985–1989
Все население	7,0	5,8	5,8	6,6	7,5	7,9	7,0
Городское население	5,2	4,5	4,9	5,4	6,3	6,6	6,1
Сельское население	9,3	7,8	7,4	8,6	10,4	11,3	9,8
Сыктывкар	6,5	5,4	5,4	6,3	7,0	7,4	7,2
Воркута	4,5	3,2	3,1	3,8	4,5	4,9	4,5

Вуктыл	Входил в состав Ухты				5,8	4,6	4,2
Инта	5,2	3,6	3,7	4,2	5,2	5,9	5,6
Печора	6,8	5,8	6,5	6,8	7,9	8,1	7,1
Сосногорск	Входил в состав Ухты					8,1	7,5
Усинск	Входил в состав Печоры				5,4	4,8	3,6
Ухта	5,4	4,6	4,8	5,8	7,1	7,5	7,1

Причина в высоком удельном весе сельского населения. Наименьшая смертность сначала фиксировалась в Воркуте и Инте, позже – в Усинске и Вуктыле. Здесь мы снова наблюдаем влияние стадий цикла освоения природных ресурсов на естественное движение населения через трансформацию возрастного состава. Во второй половине 1980-х гг. в республике наблюдался спад уровня смертности, вызванный всесоюзной антиалкогольной кампанией. В городах он проявлялся слабее, чем в сельской местности. Естественный прирост населения для всех территорий был положительным и постепенно сокращался в результате снижения рождаемости. К концу периода наибольший естественный прирост населения наблюдался в Усинске и Вуктыле, наименьший – в Сосногорске и Печоре.

Сравним некоторые показатели здравоохранения в 1989 г. по городским территориям. По числу коек в больничных учреждениях на 1000 чел. лидировали Сыктывкар (22,0), Воркута (15,2) и Печора (15,0). Меньше всего их было в Усинске (10,8) и Вуктыле (11,0). Больше всего врачей в расчете на 1000 жителей тоже отмечено в Сыктывкаре (6,2), Воркуте (4,7) и Инте (4,6). По числу посещений врачей на человека лидировали крупнейшие города: Сыктывкар (12,1), Воркута (12,0) и Ухта (10,3). Меньше врачей зафиксировано в Вуктыле (2,8 на 1000 жителей) и Усинске (3,0). Заболеваемость острыми инфекциями верхних дыхательных путей была более выражена в Инте и Воркуте, гриппом – в Воркуте, вирусным гепатитом – в Вуктыле и Сосногорске, острыми кишечными инфекциями – в Воркуте и Печоре [Основные показатели, 1991, с. 44–52]. Все городские поселения по уровню развития медицинской инфраструктуры существенно превосходили сельские местности.

Коэффициент младенческой смертности тоже зависел от типа поселения. В городах прогресс в сокращении смертности на первом году жизни проявлялся быстрее [Безносова, 2013]. Так, в Печоре зна-

чения были лишь немногим лучше, чем в сельских населенных пунктах (табл. 4). Более благополучной ситуация была в Инте и Воркуте, в более поздние периоды – также в Вуктыле и Сосногорске. В Инте фиксировалось наибольшее число врачебных и акушерских коек в расчете на 1000 родившихся.

Таблица 4

Коэффициент младенческой смертности на 1000 родившихся живыми по городским территориям Коми АССР (1955–1989)

Территория	1955–1959*	1960–1964	1965–1969	1970–1974	1975–1979	1980–1984	1985–1989
Все население	62,3	45,9	35,4	27,5	25,8	21,8	20,2
Городское население	49,8	37,8	28,8	24,1	22,5	18,9	18,0
Сельское население	75,2	55,8	45,3	34,0	33,4	29,2	26,0
Сыктывкар	55,9	39,6	28,8	32,7	27,7	19,7	19,1
Воркута	50,6	34,0	25,1	20,2	19,6	18,3	15,9
Вуктыл	Входил в состав Ухты				21,7	11,5	19,3
Инта	42,9	33,3	27,8	19,3	15,6	16,3	15,0
Печора	62,8	48,0	36,8	22,7	26,8	25,1	23,0
Сосногорск	Входил в состав Ухты					16,6	15,7
Усинск	Входил в состав Печоры				22,7	18,8	16,9
Ухта	52,8	34,7	27,8	21,6	19,3	19,0	17,5

В конце периода, несмотря на огромный прогресс в снижении младенческой смертности, оставались некоторые проблемы. Так, обеспеченность акушерами-гинекологами в республике была ниже, чем в среднем по РСФСР, поэтому медицинская помощь часто оказывалась несвоевременно. Неукомплектованы были штаты акушерок и санитарок (в Сыктывкаре – на 80 и 25 % соответственно). В 1990 г. по эпидемическим показаниям закрывались родильные дома и отделения в Сыктывкаре (19 раз), Воркуте, Инте и Ухте [Охрана материнства, 1991, с. 10–13].

Интенсивность заключения браков, как и другие показатели, менялась со временем (табл. 5). Во второй половине 1950-х гг. значение общего коэффициента брачности между городскими территориями различалось почти вдвое. Высокая брачность была в Воркуте и Инте, средняя – в Ухте, низкая – в Сыктывкаре и Печоре. Но уже

Таблица 5

**Общий коэффициент брачности по городским территориям
Коми АССР (1955–1989), ‰**

Территория	1955–1959*	1960–1964	1965–1969	1970–1974	1975–1979	1980–1984	1985–1989
Все население	16,0	10,7	9,1	10,0	10,7	10,6	10,0
Городское население	18,3	11,9	10,1	10,6	10,9	10,6	10,4
Сельское население	13,2	8,8	7,5	9,1	10,2	10,6	8,9
Сыктывкар	12,8	11,1	10,1	9,8	9,9	9,5	9,8
Воркута	23,2	12,0	9,2	10,0	10,8	11,0	10,8
Вуктыл	Входил в состав Ухты				12,5	10,7	10,5
Инта	23,5	10,7	8,2	8,1	9,0	10,4	10,5
Печора	13,7	8,2	9,0	10,2	10,7	10,2	10,1
Сосногорск	Входил в состав Ухты				9,5	9,3	
Усинск	Входил в состав Печоры				11,8	11,9	11,1
Ухта	16,2	11,6	9,4	11,3	11,3	11,4	11,1

с 1960-х гг. отличия между территориями перестали быть столь существенными, а в конце советского периода во всех городских территориях брачность была на уровне 9,3–11,1 на 1000 человек среднегодового населения.

Разводимость в каждый 5-летний временной период наибольших значений достигала в Воркуте, но довольно высокой она была также в Усинске, Инте и Вуктыле (табл. 6). Можно выдвинуть гипотезу о том, что причина кроется в особенностях заселения этих территорий.

Таблица 6

**Общий коэффициент разводимости по городским территориям
Коми АССР (1955–1989), ‰**

Территория	1955–1959*	1960–1964	1965–1969	1970–1974	1975–1979	1980–1984	1985–1989
Все население	1,0	1,5	3,1	3,6	4,6	4,5	4,4
Городское население	1,6	2,2	4,2	4,6	5,6	5,3	5,0
Сельское население	0,3	0,5	1,3	1,7	2,2	2,3	2,4

Сыктывкар	1,0	1,4	3,1	2,8	3,7	3,5	3,7
Воркута	2,3	2,8	5,0	6,4	7,4	6,8	6,3
Вуктыл	Входил в состав Ухты				7,3	5,3	5,2
Инта	1,5	2,4	4,2	4,0	5,5	5,3	5,7
Печора	0,8	1,2	3,0	3,5	4,7	4,6	4,9
Сосногорск	Входил в состав Ухты					4,5	4,5
Усинск	Входил в состав Печоры				6,2	6,6	5,9
Ухта	1,2	2,0	3,6	4,3	5,3	6,0	5,2

Наибольшее число разводов на 1000 браков было в Воркуте во второй половине 1970-х гг. (687), а наименьшее – в Печоре во второй половине 1950-х гг. (58), когда еще сохранялось влияние усложнения процедуры развода по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. Разрешение на развод давали суды, в сложных случаях – прокуратура. Объявления о разводах публиковались в местных газетах, а желающие развестись должны были уплатить пошлину, что затрудняло разводы прежде всего среди населения с низкими доходами. Дважды десятилетиями позже, 10 декабря 1965 г., вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О некотором изменении порядка рассмотрения в судах дел о расторжении брака», который отменил ряд ограничений бракоразводного процесса.

Рассмотрим итоги естественного движения населения в абсолютном выражении. Всего в 1960–1980-е гг. на изучаемых территориях родились 394,2 тыс. чел., а умерли – 93,5 тыс. чел. Таким образом, естественный прирост превысил 300 тыс. чел., что способствовало стремительному экономическому и социальному развитию региона. Естественный прирост населения в Воркутинском горсовете составил 82,4 тыс. чел. (106,0 тыс. родившихся на 23,6 тыс. умерших), в Сыктывкарском – 60,8 тыс. чел. (93,9 и 33,1 тыс. соответственно), в Ухтинском – 50,2 тыс. чел. (76,5 и 26,1 тыс.). Небольшим был естественный прирост в Вуктыле (6,0 тыс. чел.) и Сосногорске (5,9 тыс. чел.), поскольку эти города были созданы уже после завершения в республике демографического перехода к малодетности. Число умерших в возрасте до одного года в восьми территориях составило 9522 чел. Почти 40 % из них (3768 умерших) пришлось на 1960-е гг. За три десятилетия было заключено 219,9 тыс. браков, а число разводов составило 81,0 тыс. (35,3 % – в Воркуте).

Исследование показало, что в Коми АССР существовали большие различия в показателях естественного движения населения не только между городскими и сельскими местностями, но и среди городов. Важнейшее значение имел половозрастной состав населения, который определялся стадией цикла добычи природных ресурсов. Предельные значения по всем рассмотренным показателям (высокая относительная рождаемость и низкая смертность) наблюдались в городах, образованных позже (Воркута, Инта, Вуктыл и Усинск). На отличия между южными и северными территориями республики влияли доля сельского населения и специфика национального состава. Особенно сильно дифференциация между северными и южными городами проявлялась в показателях разводимости. В дальнейших исследованиях следует аналогичным образом рассмотреть сельские районы республики. При изучении естественного движения населения целесообразно использовать преимущественно показатели рождаемости и смертности, учитывающие особенности возрастного состава населения.

Литература

Безносова, Н. П. Воспроизводство населения Коми АССР в 1960–1970-е годы / Н. П. Безносова // Историческая демография. – 2014. – № 2 (14). – С. 20–39.

Безносова, Н. П. Динамика и размеры младенческой смертности в Республике Коми в 1921–1990 гг. / Н. П. Безносова // Историческая демография. – 2013. – № 2 (12). – С. 37–40.

Безносова, Н. П. Естественное движение населения Коми АССР в 1945–1959 годах / Н. П. Безносова // Этнодемографические процессы на Севере Евразии: материалы к Всероссийской научной конференции по исторической демографии. Сыктывкар, 28–30 сентября 2005 года. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2005. – С. 71–97.

Безносова, Н. П. Историография рождаемости и смертности населения Республики Коми в 1920–1980-е годы / Н. П. Безносова // Социально-политические, экономические, культурные и демографические процессы на Европейском Севере России: историографический и источниковедческий обзор. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2018. – С. 110–116.

Безносова, Н. П. Рождаемость в Коми АССР в 1960-1970-е годы: особенности и проблемы / Н. П. Безносова // Историческая демография. – 2008. – № 2 (2). С. 72–76.

Жеребцов, И. Л. Населенные пункты Республики Коми: историко-демографический справочник / И. Л. Жеребцов. – М.: Наука, 2001. – 580 с.

Игнатова, Н. М. Численность и воспроизводство населения Республики Коми во второй половине XIX–XX в.: историко-демографические и историко-географические исследования Российского Севера / Н. М. Игнатова, Д. В. Вишнякова, А. П. Обедков [и др.]. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2022. – 276 с.

Лыткина, У. В. Естественное движение населения Коми АССР в 1946–1959 годах / У. В. Лыткина // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2023. – № 8 (66). – С. 69–79.

Обедков, А. П. Сдвиги в размещении и тенденции расселения населения Республики Коми в 1920–2020 гг. / А. П. Обедков // Историческая демография. – 2021. – № 1 (27). – С. 28–45.

Основные показатели развития культуры, здравоохранения и социального обеспечения Коми ССР: статистический сборник. – Сыктывкар: Коми республиканское управление статистики, 1991. – 69 с.

От первобытных стоянок – к городам. Очерки истории заселения Республики Коми с древнейших времен до конца XX века / И. Л. Жеребцов, Н. П. Безносова, Д. В. Вишнякова [и др.]. – Сыктывкар, 2014. – 296 с.

Охрана материнства и детства. Аналитическая записка. – Сыктывкар: Коми республиканское управление статистики, 1991. – 20 с.

Фаузер, В. В. Республика Коми на рубеже веков: демография, миграция, расселение / В. В. Фаузер. – Ижевск: ООО «Принт», 2023. – 308 с.

Фаузер, В. В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция / В. В. Фаузер, Е. Н. Рожкин, Г. В. Загайнова; отв. ред. д.и.н И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар, 2001. – 124 с.

Статья написана в рамках выполнения государственного задания по теме НИР «Государственная политика развития Европейского Севера России: актуальные проблемы социально-политической, экономической, социокультурной и демографической истории в XVI–XX вв.» (FUUU-2025-0026).

Информация об авторе:

Лыткина Ульяна Владимировна – младший научный сотрудник сектора историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, ulytkina@yandex.ru.

О. А. Куратов

Концепция мобильного перехода: основные положения и критика

Статья посвящена критическому анализу одного из современных теоретических подходов к изучению миграции населения – концепции «мобильного перехода», которая расширяет и развивает теорию демографического перехода». Дана оценка положительных сторон концепции, таких как описание динамических характеристик миграции населения и определение конкретных моделей мобильности, а также ее недостатка – излишней абстрактности. Показаны преимущества использования концепции мобильного перехода при исследовании миграции населения России во второй половине XIX – начале XX в.: возможности связать структурные изменения в экономической, политической, социально-культурной сферах общества с миграционными процессами и показать значение миграций в процессе модернизации.

Ключевые слова: миграция, миграционные процессы, концепция мобильного перехода, концепция трех стадий миграционного процесса, У. Зелинский, вторая половина XIX – начало XX в.

O. A. Kuratov

The concept of the mobility transition: the main provisions and criticism

The article is devoted to a critical analysis of one of the modern theoretical approaches to the study of population migration – the concept of mobility transition, which expands and develops the theory of demographic transition. The assessment of the positive aspects of the concept is given, such as the description of the dynamic characteristics of population migration and the definition of specific mobility models, as well as its disadvantages – excessive abstraction. The advantages of using the concept of mobility transition in the study of migration of the Russian population in the second half of the XIX – early XX century are shown: the ability to link structural changes in the economic, political, socio-cultural spheres of society with migration processes and to show the importance of migration in the process of modernization.

Keywords: migration, migration processes, the concept of mobility transition, the concept of three stages of the migration process, W. Zelinsky, second half of the XIX – early XX centuries.

Миграции на территории России во второй половине XIX – начале XX в., а в особенности миграции населения отдельных регионов –

это сложный, масштабный и многогранный процесс, системный характер которого определяет необходимость теоретического изучения миграционных взаимосвязей с помощью различных теоретических и методологических подходов и концепций. Причины и следствия миграции необходимо анализировать во взаимосвязи с другими социальными, экономическими, демографическими и политическими процессами. Цель статьи – критический анализ одного из современных подходов к изучению миграции населения – концепции «мобильного перехода», введенной американским географом Уилбуром Зелинским по аналогии с концепцией «демографического перехода».

Следует начать с определения содержания понятий «демографический переход» и «мобильный переход» (далее по тексту – без кавычек). Концепция демографического перехода была сформулирована рядом исследователей в первой трети XX в. В наиболее общем толковании она подразумевает логическую смену исторических этапов, через которые проходит население при модернизации общества. Исследователи выделяют разное количество стадий демографического перехода, но основная идея остается неизменной: речь идет о переходе от общества с высокой рождаемостью и смертностью к обществу с низкой рождаемостью и смертностью [Калабихина, 2023]. В 1971 г. была опубликована статья У. Зелинского «Гипотеза мобильного перехода», в которой он связал основные этапы демографического перехода с изменениями миграционных потоков. У. Зелинский считал, что существуют определенные закономерности в росте индивидуальной мобильности на протяжении новейшей истории, и эти закономерности составляют существенный компонент процесса модернизации [Zelinsky, 1971, с. 222]. Концепция мобильного перехода, следовательно, представляет собой пространственно-временную модель миграции, которая иллюстрирует связь между миграцией и социально-экономическим развитием.

Теория У. Зелинского с момента своего появления привлекала внимание специалистов социологического и экономического профилей. Изучим некоторые взгляды на нее современных отечественных исследователей.

В монографии известного российского демографа В. А. Ионцева рассматриваются современные теоретические направления в объяснении международной миграции населения [Ионцев, 1999]. Ионцев отмечает, что работа Зелинского привлекла к себе огромное внимание

своими идеями, и одна из основных – идея органического включения миграции как демографического процесса в концепцию демографического перехода.

Концепция Зелинского стала теоретико-методологической основой некоторых работ по миграциям. Так, в диссертации Е. А. Ионцевой изложена история развития миграционных процессов и предложена новая периодизация иммиграционных процессов в России в соответствии с теорией мобильного перехода У. Зелинского [Ионцева, 2008].

Мобильный переход упоминается в обзорных работах, посвященных классическим и современным теориям миграции, разработанным западными экономистами [Адедиран, 2015; Вишневский, 2017]. М. С. Савоскул, описывая новые направления изучения международных миграций населения, утверждает, что концепция мобильного перехода получила широкое признание [Савоскул, 2019, с. 118]. И. В. Ивахнюк, приводя немало критических замечаний к концепции мобильного перехода, отмечает новаторский подход У. Зелинского, который, по ее мнению, «отвечает реальности» и «может быть эмпирически доказан», в чем заключается его несомненное преимущество [Ивахнюк, 2015, с. 47]. К. Н. Сердюков справедливо замечает, что концепция У. Зелинского послужила методологической основой для многих других исследований и стала существенным вкладом в изучение феномена миграции населения [Сердюков, 2022, с. 26].

Вернемся к концепции профессора У. Зелинского. Рассуждая о значении миграций в процессе модернизации, он приходит к выводу, что вместо термина «демографический переход» следует использовать термин «переход в воспроизводстве населения», а миграцию считать еще одним неотъемлемым компонентом уже более широко понимаемого демографического перехода [Вишневский, 2017, с. 11]. Зелинский связывает изменения в структуре миграции с ключевыми этапами демографического перехода. При этом говоря о пространственных и территориальных перемещениях населения в своих работах, он использует термин «мобильность», воспринимая миграцию как ее специфическую форму. Поэтому идею «миграционного перехода» следует рассматривать как частный случай концепции мобильного перехода.

Автор концепции показывает поэтапный процесс расширения мобильности, что является сущностью процесса модернизации. По

мере модернизации общества происходит переход от относительной неподвижности населения к увеличению интенсивности миграционных потоков. На разных этапах этого перехода происходят значительные изменения в характере и интенсивности пространственной мобильности, включая такие аспекты, как частота, продолжительность, расстояние, направление и категории мигрантов.

Зелинский выделяет пять этапов перехода к мобильности, обусловленных демографическими изменениями, по мере прохождения которых меняется миграционное поведение населения. Первый этап – примитивное традиционное общество. Минимальная мобильность населения обуславливается формой землепользования, религией и традициями. Второй этап – раннее мобильное общество. На этом этапе наблюдается значительная миграция из сельской местности в города. Одним из ключевых факторов на втором этапе модернизации общества в концепции мобильного перехода является колонизация. Существенного уровня достигает эмиграция. При этом социальные ограничения сокращаются, а возможности для мобильности расширяются. На третьем этапе, в более позднем мобильном обществе, урбанизация остается преобладающим типом миграции. Масштабы колонизации и эмиграции сокращаются. Социальная мобильность личности в ходе модернизации неуклонно повышается. Однако у этого есть и свои недостатки: происходит изменение традиционного уклада и ослабление социальных связей. Развитое общество – четвертый этап. Наблюдаются значительные миграционные потоки между городами. Этот этап также характеризуется значительной иммиграцией неквалифицированных работников наряду с вероятным увеличением международной миграции квалифицированных специалистов. Пятый этап – чрезмерно развитое общество. Большая часть миграции происходит между городами или внутри городских агломераций. Эта фаза характеризуется продолжающейся миграцией относительно неквалифицированной рабочей силы из менее развитых стран и строгим регулированием как внутренней, так и внешней миграции.

Следует отметить, что теория Зелинского не учитывает конкретные социально-экономические характеристики различных стран, что, несмотря на заявленную в работе универсальность, делает ее весьма абстрактной, тяготеющей к описанию неких «идеальных типов» [Адедиран, 2015, с. 38]. Критикуют Зелинского и за отсутствие анализа причинно-следственной связи между демографическими изме-

нениями и изменениями форм миграций [Ивахнюк, 2015, с. 47]. Тем не менее в концепции Зелинского была обозначена эта важная связь, а также показано влияние социально-экономического развития с различными формами миграции населения.

Развитие миграционной теории происходило, в том числе, благодаря усилиям отечественных ученых. Следует выделить теорию трех стадий миграционного процесса, дополняющую в ряде положений концепцию мобильного перехода. основополагающие идеи этой концепции были выработаны к концу 60 – началу 70-х гг. XX в. [Василенко, 2014, с. 48]. Л. Л. Шамилева рассматривала миграционный процесс как систему, состоящую из следующих этапов: потенциальная миграция, сам акт миграции и последствия миграционного процесса [Рыбаковский, 2018, с. 89]. Основываясь на этой точке зрения, Л. Л. Рыбаковский и Т. И. Заславская развили концепцию миграционного процесса, согласно которой полный процесс миграции состоит из трех различных этапов:

1. Начальный, или подготовительный, этап, предполагающий развитие мобильности населения на определенной территории;
2. Основной этап, который охватывает сам процесс переселения;
3. Заключительный этап, направленный на выживание и адаптацию мигрантов в их новой среде [Рыбаковский, 1987, с. 33].

Авторы проясняют и определяют ключевые явления в рамках миграционного процесса: миграционная мобильность относится к способности и желанию мигрировать; миграционное перемещение представляет собой реализацию этой готовности посредством физического акта переселения; а выживание мигрантов включает в себя процесс адаптации в новых условиях, а также приспособление этих условий к новым условиям жизни удовлетворять потребности человека. Эта теория широко используется и получила широкое признание в академическом сообществе, а также может служить дополнением к концепции Зелинского [Сердюков, 2022, с. 26].

Перейдем к вопросу о целесообразности применения концепции мобильного перехода в исследованиях миграций населения на территории России во второй половине XIX – начале XX в. Необходимо отметить, что в указанный период миграции крестьян происходили на фоне масштабных изменений в аграрной системе России. Отмена крепостного права, быстрый рост сельского населения и связан-

ное с этим усугубление земельного «голода», крестьянские волнения и реформы правительства: все это оказывало значительное влияние на масштабы, динамику, направления, характер крестьянских миграций, имевших свои особенности в каждом регионе России. Важнейшим фактором миграции на рубеже веков было разделение страны на две части: заселенную территорию и огромные неосвоенные пространства, на которых были сосредоточены основные запасы природных ресурсов. В то время как сельскохозяйственный кризис в центральном регионе побудил крестьян к переселению, восточные и северные регионы, которые долгое время оставались без внимания, внезапно приобрели большое значение. Концепция мобильного перехода позволяет соотнести эти социально-экономические факторы с конкретными формами миграции и выделить наиболее значимые ее направления, а конкретный исторический материал – проиллюстрировать положения теории социокультурными и экономическими реалиями. Основное же преимущество концепции мобильного перехода – возможность объединить различные региональные тенденции миграционных процессов и выстроить на основе статистических данных каждой отдельно взятой территориальной единицы общую картину миграции.

Таким образом, концепция мобильного перехода расширяет и совершенствует теорию демографического перехода. У. Зелинский утверждает, что концепция демографического перехода должна охватывать рождаемость, смертность и миграцию. В концепции подробно описываются динамические характеристики миграции населения и определяются конкретные модели мобильности, которые можно разделить на пять последовательных этапов. Исследование миграции населения России во второй половине XIX – начале XX в. в рамках концепции мобильного перехода позволяет связать структурные изменения в экономической, политической, социально-культурной сферах с миграционными процессами и показать, что последние – это важнейшая часть процесса модернизации, результатом которого стала трансформация общества от традиционного типа к индустриальному.

Литература

Адедиран, А. М. Ключевые вехи становления современной теории миграции в работах западных ученых XX в. / А. М. Адедиран // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Социология». – 2015. – № 1. – С. 30–41.

Василенко, П. В. Основные этапы и направления исследования миграции населения в отечественной науке / П. В. Василенко // Псковский регионологический журнал. – 2014. – № 17. – С. 40–52.

Вишневский, А. Г. Нерешенные вопросы теории демографической революции / А. Г. Вишневский // Население и экономика. – 2017. – Т. 1, № 1. – С. 3–21.

Ивахнюк, И. В. Развитие миграционной теории в условиях глобализации / И. В. Ивахнюк // Век глобализации. – 2015. – № 1. – С. 36–51.

Ионцев, В. А. Международная миграция населения: теория и история изучения / В. А. Ионцев. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – 370 с.

Ионцева, Е. А. Иммиграционные процессы в России в XVII – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. экон. наук / Е. А. Ионцева. – М., 2008. – 30 с.

Калабихина, И. Е. Классический (первый) демографический переход // Демография: электронный учебник / И. Е. Калабихина, Н. М. Калмыкова, Б. П. Денисов [и др.]. – М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 2023. – URL: <https://books.econ.msu.ru/Demography/chap16/16.2/> (дата обращения: 09.08.2024).

Рыбаковский, Л. Л. Предыстория возникновения теории трех стадий миграционного процесса / Л. Л. Рыбаковский // Уровень жизни населения регионов России. – 2018. – № 2 (208). – С. 86–94.

Рыбаковский, Л. Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика / Л. Л. Рыбаковский. – М.: Наука, 1987. – 199 с.

Савоскул, М. С. Теоретические и методические подходы к изучению международной миграции населения в географии и смежных науках / М. С. Савоскул // Теоретические и методические подходы в экономической и социальной географии: сб. статей / отв. ред.: В. Л. Бабурин, М. С. Савоскул. – М.: Геогр. ф-т МГУ, 2019. – С. 115–143.

Сердюков, К. Н. Междисциплинарная теоретико-методологическая база исследования миграционных процессов / К. Н. Сердюков // Теория и практика общественного развития. – 2022. – № 5 (171). – С. 24–28.

Zelinsky, W. The Hypothesis of the Mobility Transition / W. Zelinsky // Geographical Review. – 1971. – No. 61. – Pp. 219–249.

Статья написана в рамках выполнения государственного задания по теме НИР «Государственная политика развития Европейского Севера России: актуальные проблемы социально-политической, экономической, социокультурной и демографической истории в XVI–XX вв.» (FUUU-2025-0026).

Информация об авторе:

Куратов Олег Александрович – младший научный сотрудник сектора историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, olegkuratov@mail.ru.

Элементы мифосознания в современной коми женской поэзии

Период конца 1980 – начала 90-х гг. отмечен как переходный в развитии коми литературы. Авторы подвергают сомнению ценностные ориентиры писателей предыдущего поколения, обращаясь к новым формам художественного осмысления действительности. К обновляющим коми поэзию художественным тенденциям можно отнести мифопоэтическую направленность творчества многих современных поэтов. Утрата целостности, состояние дезориентированности в так называемом неоформленном, фрагментарно переживаемом постсоветском пространстве обуславливают авторов искать опору в далеком прошлом родного народа, выходить в процессе самоидентификации за границы рационально познаваемого, осмысливать непростой период порубежья через активизацию свойств архаичного, традиционного мышления. На материале лирики Нины Обрезковой, Надежды Павловой, Елены Афанасьевой в статье автор раскрывает мифопоэтическую основу отдельных лирических переживаний, поэтических образов, средств художественной выразительности, принципов организации художественного мира.

Ключевые слова: современная коми поэзия, женская лирика, постсоветское пространство, мифосознание, мифопоэтическая аллюзия, метафоризация, национальный архетип

Elements of mythological awareness in modern Komi female poetry

The period of the late of 1980s – early 90s is noted as a transitional stage in the development of Komi literature and poetry in particular: the authors question the value orientations of the writers of the previous generation, "offering" new forms of poetic interpretation of reality. The mythopoetic orientation of creative work of many modern poets is renewing for the Komi poetry. The loss of integrity, the state of disorientation in the so-called "not framed" post-Soviet life leads the authors to look for support in the distant past of the native people, to overcome the boundaries of the rationally knowable in the process of identity, to conceive a difficult period of a turn through the activation of properties of archaic, traditional thinking. Mythical and poetic basis of individual lyrical

experiences, poetic images, means of artistic expression, the principles of the organization of the art world reveal on the material of lyrics of Nina Obrezkova, Nadezhda Pavlova, Elena Afanasyeva.

Keywords: modern Komi poetry, female lyrics, post-soviet life, mythopoeic consciousness, mythopoeic allusion, metaphorization, national archetype

Исследователи XX в. опровергли представления о мифосознании как о первичном – примитивном, преднаучном, искаженном – способе восприятия и познания окружающего мира [Мелетинский, 1976; Лосев, 1982; Элиаде, 1995 и др.]. С развитием рефлекторного, логического, научного мышления миф не исчезает: принимая латентную форму, он переходит на уровень бессознательных процессов психики человека и продолжает жить в форме архетипов, активируясь и наполняясь новыми социокультурными смыслами на той или иной стадии развития общества. Как отмечают исследователи, активация мифологического сознания, как правило, приходится на переходные этапы в развитии культуры, на период глобального кризиса цивилизации, крушения идеалов рационализма [Мелетинский, 1976, с. 8] и свидетельствует «о шатком, неустойчивом состоянии индивида в мире» [Касимов, 2014, с. 97]. Напряженность, неопределенность ситуации в постсоветской стране обусловила ряд проблем социокультурного, духовно-нравственного характера – индивидуализм, разобщенность и одиночество, отчуждение от природы, условия глобализации и унификации, страх утраты культурной целостности этноса и мн. др. Процесс обновления общества, поиск выхода из кризисной ситуации проявили особый интерес искусства к древнему, традиционному мировоззрению народа, вызвали стремление воссоздать и переосмыслить в контексте современности этнокультурные архетипы. Культурно-историческое, мифопоэтическое прошлое этноса, его художественное воссоздание становится особым объектом интересов и в современной коми литературе: писатели оценивают роль христианизации в судьбе родного народа, склоняясь, как правило, к мысли об утрате вместе с языческой верой не только национальной государственности, но и культурной самобытности; они романтизируют и эстетизируют древний мир родного народа как пространство мудрых, гармоничных, сильных личностей – культурных героев, как период разумно организованного общества (поэмы А. Лужикова «Коми поэма», «Бёрданой Перайой, югыд шондйой...» – «Пера, мной оплакиваемый, солнце ясное мое»; роман «Бива» – «Огневица» и песа-

сказка «Ен ныв» – «Дочь бога» Г. Юшкова; роман «Биармиася викинг» – «Викинг из Биармии» и повесть «Эжва Перымса зонка» – «Мальчик из Перми Вычегодской» В. Тимина; повесть А. Попова и рассказ А. Полугрудова «Йиркап» др.) [Горинова, 2011; Кузнецова, 2012; Горинова, 2013].

Кардинальные изменения на рубеже 1980 – 1990-х гг. происходят в коми поэзии [Демин, 1997, с. 15–16; Кузнецова, 2004, с. 598]: формируется новый тип эстетического мышления, что связано с назревшей необходимостью обновления ценностной парадигмы, выработанной поэтами предыдущего поколения, потребностью расширения представлений и знаний о себе и мироустройстве, влекущих, в свою очередь, выход за границы рациональных методов миропознания. Общественно значимое теряет приоритет над личностным, возрастает потребность в самоидентификации, а потому насыщенный жизнеутверждающим, оптимистическим, вдохновляющим пафосом поэтический диалог с читателем сменяет саморефлексия (лирический, лирико-философский диалог героя с самим собой, судьбой, жизнью, высшими силами) – поэзия выходит на уровень психологических и онтологических откровений. Расшатанность прежней ценностной системы, несоответствие сформированной поэтами 1960-х гг. поэтической картины мира реальной действительности обращает внимание авторов на то, что на фоне исчерпавших себя идеалов кажется незыблемым и вечным. Художественное сознание этих годов среди прочих обновляющих коми поэзию качеств начинает эксплицитно признавать мифопоэтическое: поэтические образы зачастую получают архетипическое, символично-философское наполнение, выполняя функцию мифопоэтических аллюзий, а в формировании образа автора возрастает роль иррациональных переживаний лирического героя (сновидений, верований, фантазий, предчувствий, видений) [Малева, 2014], в чем выражается потребность современника расширить границы действительности, реабилитировать сверхчувственное начало сознания, отрицаемое в советский период.

Нина Обрезкова (г. р. 1965), успешно реализующая в наши дни свой художественный потенциал в написании прозаических и драматургических произведений [Кузнецова, 2014; Горинова, 2016], получает известность в 1990-е гг. как поэт интеллектуального чувства – пронизательный, тонко чувствующий, иронично подмечающий несовершенство внутреннего мира современника, афористично и ненавязчиво излагающий проблемы социально-нравственного генезиса

(отношения родителей и детей, физическое и духовное «угасание» сел и деревень, отношение «горожан» к своей малой родине, соотношение материального и духовного начал в жизни современника). Ее поэзия драматична в духовных метаниях человека «без основ»: находящегося в непрерывных поисках «земного предназначения» и проживающего разнообразные пограничные состояния – «зависания» между городом и малой родиной, прошлым и настоящим, грехами и добродетелью, многолюдьем, суетой и одиночеством, стремлением обрести душевное равновесие и поиском направлений, между мечтами, желаниями и роком, судьбой. Как отмечает В. А. Лимерова, в лирике автора воссоздан образ поколения, что был рожден в «оттепельные» 1960-е гг. – «душевно бездомных пасынков времени, драматически переживающих свою чуждость современному миру» [Лимерова, 2008, с. 187]. В лирике Н. Обрезковой сконцентрирована попытка осмыслить онтологию жизни, выйти к ее закономерностям, сложив воедино пазл разрозненных событий и переживаний; в ней – горечь многочисленных утрат, тоска по дому родителей и гармонии сельского бытия, сокрушение от осознания быстротечности жизни, зачастую впустую, неумело, вслепую проживаемой человеком в силу погони за призрачным счастьем в неумении ценить данность и обретать ценностную опору в незабываемом настоящем.

Мифопоэтическое начало в стихотворениях Н. Обрезковой – на уровне мировидения. Логический, аналитический тип мышления сопряжен в ее лирике с интуитивным, что выражается в тенденции устанавливать взаимосвязь между предметным и абстрактным, ощущать причинно-следственные отношения между миром физическим и метафизическим. Склонность поэтессы к сакрализации бытового жизненного пространства отсылает к ключевому признаку мифосознания – партиципации, суть которой – мистическое чувство единства и взаимообусловленности всего происходящего на земле. Поэзия Н. Обрезковой – метамир: сквозь визуально воспринимаемый облик предметов она выходит на уровень экзистенции, с уровня быта – на уровень бытия. Так, она устанавливает прямую двустороннюю взаимосвязь между соблюдением человеком традиций родного народа и благополучием его жизни, между морщинками матери и судьбой дочери, связанные бабушкой рукавицы формируют в сознании героини канал связи между поколениями одного рода, а разлука с малой родиной в далекие годы молодости и возникшие на пути преграды осознаются

как предзнаменование неприятных перемен в дальнейшей жизни. Поэтику автора во многом организует метамотив взаимосвязи поступков человека в настоящем и их зачастую необратимыми последствиями в будущем.

Коркё őшиняд лэбачён
Таркёдчас лолыс
Кагалён,
Чужысьнас кодэ эз ло.
(«Коркё őшиняд лэбачён...»)
[Обрезкова, 2001, с. 14].

Когда-нибудь в твоё окно
Постучится душа
Ребенка,
Который не был рожден.
(«Когда-нибудь в твоё окно...» – Здесь
и далее, за исключением отдельных,
отмеченных нами случаев, перевод
подстрочный, наш. – М. А.).

Подобно стихам других авторов 1990-х гг. лирика Н. Обрезковой приносит в коми поэзию предчувствие утраты этнических традиций. Героиня автора чутко и трепетно относится к сакральным знаниям родителей, рода, предков; выражает мысль о необходимости сбегать от обесценивания и забвения в жизни современника («Бабё, висътав меным тшака местаястё...» – «Поведай мне, бабушка, места грибные...»). В мироощущении старых людей автор видит проявленность знания о законах мироустройства; нарушение традиций многовекового уклада (правил и обычаев поведения у реки или в лесу, промысловой морали и мн. др.) приводит к дисбалансу в жизни человека в силу нарушения некоей тонкой – интуитивной и экологичной – связи человека и окружающей его природной среды.

Бабьясным –
Вөрё югыд паськёмён,
Ва вылё – пемыдён.
Некор эз янавлы юр.
Челядьным –
Ва вылё югыдён,
Вөрё – пемыдён.
Чери ни вотёс оз сюр.
(«Бабьясным...»)
[Обрезкова, 2007-а, с. 72].

Бабушки наши –
В лес – в светлой одежде,
К воде – в темной.
Позора никогда не знали.
Дети наши –
К воде в светлой,
В лес – в темной.
Ни рыбы, ни ягод не достанется.
(«Бабушки наши...»)

Так, лес в коми поэзии нередко вызывает ассоциации с храмом, в котором коми чувствует себя как в родном доме, это «пространство, более освоенное человеком, нежели вода <...> водяные считаются сильнее и опаснее лешего...» [Уляшев, 1999, с. 44]; вода (река), в свою

очередь, ассоциировалась с местом «нечистым»: «...черный цвет, в представлении коми, более присущ стихии воды» [Лимеров, 1998, с. 36].

Нередко образы автора представляют прямую трансляцию мифоритуальных представлений родного народа. Так, в следующем стихотворении воспроизведены элементы родильной обрядности коми. Творческий процесс, написание стихотворения нередко ассоциируется у автора с таинством зарождения жизни – вынашиванием и рождением ребенка, «родовыми» муками внутреннего мира поэта («Кывбурёясой – радейтчёмлөн челядь» – «Мои стихи – дети любви», «Кывбурьясой чужисны, верстаммисны, мунісны...» – «Стихи мои родились, повзрослели, ушли...», «Кӧнкӧ морӧсын пессьӧ...» – «Где-то в глубине души мается...»).

Пузчужӧм кывъяссӧ сӧстӧмджык рузумӧ тубрала.
Йӧз синмысь дзеба
да тӧлысь чӧж гортись ог пет.
Кок йылас сувттӧдз, дерт, ылын на,
код тӧдас, кор на и...
Вомидзысь видза,
а сӧсся кызд асланыс шудныс,
мед.
«Пузчужӧм кывъяссӧ сӧстӧмджык рузумӧ тубрала ...».
[Обрезкова, 2010, с. 4].

Новорожденные слова заверну в чистую холстину.
Спрячу от глаз людских
и месяц из дома не выйду.
До того, как они встанут на ноги еще далеко...
От глаза сберегу,
а потом уж какова доля у них,
пусть сами.
(Перевод автора).

Состояние благополучия и процветания в традиционных представлениях коми было напрямую связано с поддержанием тесного контакта с предками (культ предков), которые при соблюдении потомками обычаев и правил становились их покровителями. Нарушение веками выработанных народных традиций означало разрыв связи с родом и приводил к жизненным неудачам, утрате родовой силы [Лимеров, 1998, с. 16–17]. С миром (обителью) предков, расположенном на высокой горе, ассоциируется в древних воззрениях коми простран-

ство рая [Лимеров, 1998, с. 21]; более того, предки являются «собира- рательным образом, хранителем некоего мифологического первопо- рядка» [Важ йёз, 1999, с. 96], в силу чего утрата связи с традициями народа осознается как утрата изначального, естественного, основан- ного на знании о законах мироустройства баланса жизни, что, в свою очередь, способно привести к разрушению самого мира. Неслучайно в коми поэзии 1990- х гг. лирический герой выражает состояние, рав- нозначное апокалиптическому пессимизму.

Кодлы нӧ кевмыны?
БӀлын тай Енмыс.
Вунӧдӧма Енмыслӧн
коми мусӧ.
Кусӧ югыд шондӧй,
кусӧ, кусӧ...
(«Меным эськӧ унаыс
оз и ков...»).
[Обрезкова, 2007-а, с. 75].

Кого молить?
Бог – далеко.
Забыл Бог
о коми земле.
Гаснет ясное мое солнышко,
гаснет, гаснет...
(«Мне бы многого
не нужно...»).

Общеизвестно, что для мифологического сознания все вокруг одушевлено, абстрактно-отвлеченные понятия принимают чувствен- ную, овеществленную, опредмеченную форму; антропоморфизм, персонификация – устойчивые компоненты поэтики Н. Обрезковой.

Так, автор придает визуально воспринимаемую форму любви (су- щество, обладающее способностью трансформироваться в обликах в зависимости от возраста любившего человека), памяти (много- комнатная квартира), северной зиме (беременная женщина в ожида- нии ребенка – весны), делая их, как и мифических существ из парал- лельного измерения, полноценными персонажами, полноправными обитателями своего жизненного пространства, наделенными характе- ром и собственной судьбой.

Героиня Н. Обрезковой выражает глубокое чувство ностальгии по отчету дому – деревенскому миру в его гармоничном единении с природой и духовным миром предков; при полном осознании неиз- бежной утраты этого мира она выражает мечту вновь вернуть и ощу- тить его бытие там, где бы она ни находилась.

Босьтны эськõ мамлысь керка
пытшкõссõ
да вайны татчõ... <...>
Корны енув пельõсам
гортса енъяс...
(«Босьтны эськõ мамлысь керка
пытшкõссõ...»)
[Обрезкова, 2007-а, с. 14].

Взять бы с собой отчий дом
да сюда перенести... <...>
Позвать в божий угол
богов домашних...
(«Взять бы с собой отчий дом...»).

Более того, сама лирическая героиня склонна принимать облики других природных форм жизни – птиц, животных, рыб, стихий:

Сідз и коля,
мыськавтõм да дзебтõм –
керка пытшкын
бõрдысь мед эз вõв.
Восьтõй керка вевтсõ –
ачым лэбзя –
кыз унаысь нин вõвлі –
Еджыд вõв.
(«Сідз и коля...»)
[Обрезков, 2010, с. 2].

Так и останусь,
необмытая и не погребенная –
и не надо в доме
слез рекой.
Снимите крышу дома –
я взлетаю –
как много раз бывало –
Белый конь.
(Перевод автора).

Образ коня нередко связывается с погребальным обрядом; согласно разным народным поверьям, он является мистическим животным, способным ориентироваться в царстве мертвых, а потому на него возлагали функцию проводника умершего в загробном мире [Баешко, Гордиенко, 2007, с. 35; Киндря, 2010, с. 214]. Конь был одним из наиболее почитавшихся коми народом животных вплоть до начала XX в. [Несанелис, 1987, с. 24], «...в несказочном фольклоре конь связан с представителями "иных" миров (черные или серые – кони водяных, красный – домового, белый конь – призрак)» [Уляшев, 1999, с. 90].

Подобные зооморфные трансформации в лирике поэтессы отсылают к народным представлениям о реинкарнирующей душе: «...после смерти человека душа его перевоплощается (оборачивается) в какой-нибудь одушевленный или неодушевленный предмет. Смерть, с точки зрения зырянина, не что иное, как перемена душой своего образа (вида)» [Сорокин, 1910, с. 60]. Отсутствие страха перед смертью, осмысленное, взвешенное отношение к ней как к естественному процессу в круговороте бытия, свободная ориентация в пространстве потустороннего измерения – специфическая черта лирического героя (героини) современной коми поэзии.

Перевоплощения героини, выявляющие рудименты анимистического мышления, становятся одним из ключевых средств художественной выразительности в лирике Н. Обрезковой: данный прием зачастую взаимосвязан с выражением чувства любви и становится средством воплощения традиционной гендерной модели отношений между мужчиной и женщиной, архетипически обусловленных черт женской и мужской ментальности («Тэнад синъяс рёма...» – «Цвета твоих глаз...»). Героиня инициирует процесс игры с возлюбленным; герой, в свою очередь, согласно своей природе, должен проявить действующее, инициативное, предприимчивое начало – познать, разгадать, найти, расположить, завоевать ее сердце.

Кёсьян –
пыжён тэныд лоа...
Кывтам тэкёд ылё-ылё.
Кёсьян –
тёлён лоа...
Сёмын кутны менё удит.
Кёсьян –
кодзулён ме лоа...
Менё судзёд...
(«Кёсьян...»)
[Обрезкова, 2010, с. 26].

Хочешь –
лодкой тебе буду...
Уплывем с тобой далеко,
Хочешь –
ветром буду...
Только ты успея меня поймать.
Хочешь –
я звездую стану, –
Ты достань меня...
(«Хочешь...»)
(Перевод автора).

Надежда Павлова (г. р. 1966), обратившись к творчеству в 1990-е гг., заявила о себе сравнительно недавно, в середине 2000-х гг. [Павлова, 2006; Павлова, 2010; Павлова, 2011]. С одной стороны, она продолжает развивать жизнеутверждающие мотивы поэзии 1960–1980-х гг., выражая через творчество чувство всеобъемлющей любви к жизни и людям в целом. Эмоционально насыщенное, напряженное, нагнетаемое чувство, органично выраженное в приеме градации, а также в образах красных, огненных оттенков, является специфической чертой художественного мышления автора, поэзия которого устремлена на диалог с читателем:

Тэн, тёдтём морт, тэн, кодс кыла асён,
Пось чолём ыста нэмъяс пыр: «Бур асыв!»
(«Ме коли шогёс войлён пемыд губ...»)
[Павлова, 2006, с. 22].

Тебе, незнакомец(ка), тебе, кого ощущаю как родного,
Горячий привет шлю через века: «Доброго утра!
(«Схоронила грусть в пучине ночи...»).

С другой стороны, ее стихи вливаются в русло поэзии, зародившейся в 1990-е гг., выражая классические – исполненные противоречиями – переживания личности постсоветской, порубежной эпохи: потребность в обновлении и состояние растерянности и дезориентированности, напряженный процесс осмысления собственной судьбы и рефлексии над смыслом жизни на земле в целом, потребность сохранить душу неповрежденной вопреки жизненным испытаниям. Переплетение двух тенденций формирует образ героини, которая отчаянно борется с душевным дискомфортом, находится в процессе преодоления в себе человека «без основ», сохраняет веру в будущее культуры родного народа («Кылан-ө?» – «Слышишь ли?») и др. Мифопоэтическую основу в стихах поэтессы получают такие лирические состояния, как метание между небом и землей, потребность в покаянии и перерождении, выражение дуалистической природы человека.

Для многих коми поэтесс характерно выражение тоски по небу, принимающее при этом различные смысловые коннотации. Так, для лирической героини Алены Ельцовой небо – средоточие вечной молодости, стабильности и равновесия в противовес преходящей, быстротечной жизни на земле; для лирической героини Анжелики Елфимовой желание «полетать» выражает потребность освободиться от правил и стереотипов окружающего ее общества, ощутить свободу, вырваться из рамок общепринятого поведения; для героини Людмилы Втюриной небо – средоточие божественной силы, местообитание после физической смерти, которое необходимо заслужить добродетельной жизнью на земле. В творчестве поэтесс нередко выражено состояние метания между миром небесным (божественным) и полным страданий, но манящим своей неповторимой красотой – земным; метафора «между небом и землей» – ключевая при выражении духовных и морально-нравственных терзаний лирической героини. Тоска по небу в стихотворении Н. Павловой «Кык пу костö ылалöм гортса садйын...» («Заблудившаяся меж двух деревьев в саду домашнем...») становится, на наш взгляд, неосознанной аллюзией к сюжету народной сказки мифологического характера «Пера и Зарань»:

Ошкамöшка энэжлань мусянь кыны,
Ен пи моз жö веськыда вывлань кайны.
Сöмын зэв на крепыда кутö ай му.
(«Кык пу костö ылалöм гортса садйын...»)
[Павлова, 2006, с. 17].

Сплести радугу от земли до небес,
Подобно сыну Бога наверх вознестись.
Только очень крепко держит земля отцов-матерей.
(«Заблудившаяся меж двух деревьев в саду домашнем...»).

Сказка повествует о дочери бога Ена, которая безмятежной и размеренной, но скучной и однообразной жизни на небесах предпочла жизнь на земле – полной лишений, невзгод и страданий, но исполненной разнообразной природной красоты и многообразия впечатлений. Несмотря на запрет отца, Зарань сбегает на землю по радуге и, создав семью с охотником-богатырем – хозяином местных владений, становится прародительницей коми народа. Метания лирической героини между мирами тем самым, на наш взгляд, имеют в основе мифопоэтическую основу, выражая тоску архи-героини по перводому; они расширяют представления о первоистоках человека, утверждают его родовую принадлежность обоим пространственным измерениям, в то время как герой поэзии предыдущего периода обретал опору в рамках общества и его ценностной системы, человек был «привязан» сугубо к земному – телесно ощущаемому, проявленному в материи – миру, возможность существования за его пределами не осознавалась или отрицалась.

Обновление предполагает освобождение от всего того, что утратило ценностную основу – старого, дряхлого, обветшалого, наносного: типичным в современных поэтических текстах становится состояние покаяния в стремлении лирического героя к перерождению в новом – более лучшем – качестве:

Вьль тӧльсь биын
Съѡд туйяс сота,
<...>
Кор шондӧ югӧр
Лов платтӧ кыас,
Сэк ловзя вьльысь,
Кыз асья кыа.
(«Вьль тӧльсь биын...»)
[Павлова, 2010, с. 11].

В огне нового месяца
Сожгу черные дороги,
<...>
Когда солнца луч
Сплетет душе платье,
Тогда новое рождение получу
Подобно утренней заре.
(«В огне нового месяца...»).

Очищение души от грехов, ошибок, горестей, невзгод подразумевает диалог с некой высшей силой, некой духовной субстанцией. Образ Бога (Христа) встречается в лирике поэтессы часто, обращение к нему связано, как правило, с мольбой о помощи нести крест своей судьбы (предназначения), желанием узнать о будущем, поде-

литься душевной болью и получить облегчение, однако собственно исповедь происходит не перед Богом, а перед собственной душой, ее истоками, метафорически воплощенными в образе дерева, рыдающего, кровоточащего черными слезами («лов вуж пу» – дерево души; дерево, корнями вплетенное в душу, дерево рода). Бог, как правило, несколько отстранен в сознании лирической героини (контакт с ним опосредован через молитву и церковь), до дерева же лирическая героиня имеет возможность дотронуться. Образ-архетип отсылает к эпохе язычества, когда поклонялись деревьям. В представлениях древних коми душа человека после смерти вселялась в дерево («ольха» на коми языке звучит как «ловпу» – буквально «дерево души»). Особенно почитаемой была береза, культ которой был уничтожен в процессе христианизации, подобно всем другим идолам, святителем Стефаном Пермским. Во всех сказках и преданиях березе отводится роль помощницы, она олицетворяет «светлое» начало, обладает продуцирующей, жизнотворящей, целебной силой [Кыдз, 1999, с. 221–222]. Согласно коми-зырянским народным преданиям, расположенное на холме близ устья Выми крупнейшее языческое капище Перми Вычегодской находилось рядом с огромной «прокудливой» березой. Святитель Стефан Пермский разорил это капище, а затем в течение трех дней и ночей рубил топором священную березу. При этом береза издавала стоны, а из ее надрубов сочилась кровь [Кыдз, 1999, с. 221].

В стихотворении «дерево души» принимает раскаяние лирической героини, становится олицетворением ее ангела-хранителя, покровителя. Раскаяние лирической героини неосознанно принимает форму покаяния перед перво-древом, образ которого, на наш взгляд, отложился в генетической памяти народа. Несмотря на принятие веры в христианского Бога, древняя – языческая – культура спустя века все так же осознается, как более близкая, родная.

В отличие от поэтов предыдущего поколения, которые с учетом воспитательной функции литературы развивали, как правило, образ положительного лирического героя – активного, цельного, созидающего, авторы нового поколения зачастую придают поэтическим текстам функцию исповеди: открыто говорят о своих слабостях и недостатках, высвобождая все то, что в течение длительного периода пряталось, замалчивалось, не выносилось на поверхность, осуждалось. Тем самым поэзия нового формата непреднамеренно расширяет представления о природе человека, утверждая ее дуалистическое начало:

Эм ме пытшкын повзьёдчан виччысьтёмтор,
Кён пёртйын моз пуё и лекыс, и бурыс.
(«Эм ме пытшкын повзьёдчан виччысьтёмтор»)).
[Павлова, 2010, с. 14].

Есть во мне пугающая неожиданность,
Когда, словно в котелке, кипят и зло, и добродетель.
(«Есть во мне пугающая неожиданность»)).

Мифопоэтическую трактовку данное понимание приобретает в стихотворении «Тёлысь пыж вылын пемыд ваті...» («На лодке-месяце по темным водам...»):

Тёлысь пыж вылын пемыд ваті
Олём гы вывті сыні-каті.

Каньлён синъясён ваыс воссьё,
Сюзьлён буксёмён гыыс ноксьё.
Вывлань сыныштчи енэж йёрын

Аддза, буалё съёд ош скёрысь,
Мыні чеп йывсьыс – ставыс шёри!

Вёлі лов тупось – коли шёрём.
Сё во дзайги ме топыд кадлысь,

Лэпті өти джын адысь, вадйысь,

Кайлі мёдысла югыд райё,

Бара му вылё аскёд вайи
Грек и вежалун гажа майё.
(«Тёлысь пыж вылын пемыд ваті...»)).
[Павлова, 2006, с. 13].

На лодке-месяце по темным водам
По волнам жизни гребла против
течения.

Глазами кошки вода раскрывается,
Уханьем филина волна мается.
Ввысь грести стала в просторах
небесных,

Слышу, ревет злобно черный бык.
Освободилась от цепей – все вокруг
раскололось на две части!

Был каравай души, остался ломоть.
Сто лет вымаливала их у скупой
жизни,

Подняла одну половину из болота-
ада.

Взбиралась-карабкалась за другой
половиной в светлый рай,

И вновь на землю с собой принесла
Грех и святость веселым маем.

(«На лодке-месяце по темным
водам...»)).

В стихотворении-метафоре запечатлен процесс «космогенеза» судьбы, жизненного пути лирической героини. Для обретения душевной целостности оказалось необходимым соприкосновение и с темным, и светлым началами, что отсылает к периоду миротворения, в процессе которого, согласно космогоническим мифам коми при участии двух противоположных сил – демиургов Ена (Бога) и Омёля (Дьявола) – был заложен ключевой принцип мироздания – принцип дуализма. В основе стихотворения-метафоры – утверждение архетипически обусловленной дуалистической природы человека, диалектического взаимодействия

двух противоположных начал, без которого было бы невозможно развитие человека, подразумевающего процесс непрерывной духовной борьбы.

Елена Афанасьева (г. р. 1967) получает известность в 2000-е гг. как одна из самых женственных и чутких к формам прекрасного поэтесс в коми литературе; в каждой строке автора – трансляция веры, надежды, любви, состояния равновесия и гармонии. Лирика автора выражает процесс самопознания личности, которая находится в непрерывном поиске идеального, в процессе насыщения красотой окружающего мира; в ее стихах отражен процесс «собирания» своего истинного «Я» по фрагментам через обнаружение их в той или иной стихии окружающего природного мира:

Лыддян Рилькеёс?

Эн сорсы...

Аслад

лов ю пыдössь корсь

дзирдалысь изьяссö.

(«Лыддян Рилькеёс?..»).

[Афанасьева, 2014, с. 12].

Читаешь Рильке?

Не заплутай...

В своей

бездонной реке души ищи

блистающие камни.

(«Читаешь Рильке?..»).

Тэ он тöд,

кытчö тайö Юыс?

Мен юсö сьёлöмön и юны.

И ваас видзöдчыны,

быттьö лолö...

Öд мыйкö тöдмавны

ас йылысь

татчö волі.

(«Тэ он тöд, кытчö тайö Туйыс?..»).

[Афанасьева, 2010, с. 14].

Знаешь ли ты,

куда течет эта Река?

Которую суждено мне

хранить и лелеять

в своей душе.

И вглядываться в ее воды,

словно в собственную душу.

Ведь наверняка

я приходила к ней

что-то узнать про себя.

(«Знаешь ли ты, куда ведет этот

Путь?..»). (Перевод Г. Бутыревой).

Подобно лирике Н. Обрезковой, творчество Е. Афанасьевой выразительно передает процесс трансформации коми поэзии в ее переходе от линейного, построфного изложения-развертывания мысли (идеи) к верлибру-миниатюре, стиху-метафоре, образу-символу («Кывйыс – каленик-лэбач...» – «Слово – птица-каленик...»). Особое обаяние, утонченность, незащитность ее лирической героини находят выражение в использовании максимально невесомых, хрупких – «микроскопических» – поэтических образов-деталей (стрекоза, парящие в воздухе листочки, паутинка, стебелек травы, размером с игольное

ушко сердце бабочки); образы отличает предельная красочность, осязаемость, выпуклость, рельефность в силу их пластичности, а также активного обращения к средствам звуко- и цветопередачи: так, среди ключевых белого, голубого (синего), зеленого и золотого (красного) колоссальный «взрыв» различных оттенков цвета создают широко используемые образы радуги, бабочки, цветов.

Через особую любовь к миру сказки, ее эстетике Е. Афанасьева привнесла в коми поэзию специфическую атмосферу красочности, изысканности, живописности. Автор проецирует законы волшебного мира на реальную действительность, формируя сугубо метафорическое лирическое пространство, насыщенное мифологемами, сюжетными элементами народных сказок. Так, во время молитвы с бабушкой-староверкой в «красном» углу героиня, кланяясь, выражает почтение и красному зимнему солнцу («Кад визулас» – «В потоке времени»), в поисках «утраченного» сердца обращается за подсказкой к деревьям («Корси быдлаысь воштõм сьõлõмõс...») – «Повсюду искала свое утраченное сердце...»), перевоплощаясь в чайку, летит проведать ушедших на охоту братьев («Вокьясõй Сõдзимõ мунõмны кыйсьыны...») – «Братья в Сõдзим отправились охотиться...»). Столь актуальный в поэзии порубежья поиск душевной целостности (или своего истинного «Я») принимает в лирике поэтессы форму поиска особого сакрального цветка, растущего в глубоком и темном лесу («Ас чвет» – «Свой цветок»): цветок ассоциируется у автора с оберегом, заменяя для героини нателный крест.

Менам лолõй корсьõ ордымьяс...	Моя душа ищет тропинки...
Туй ни ньõв.	Ни дороги, ни стрелы.
(«Менам лолõй корсьõ ордымьяс...»).	(«Моя душа ищет тропинки...»).

[Афанасьева, 2008, с. 13].

Поэтика автора исключительно оригинальна: она создает особый художественный мир, в котором не действуют законы и закономерности материального мира. Мифопоэтическим в лирике поэтессы можно назвать хронотоп, который основан на особой подвижности, пластичности образов. Если в лирике Н. Обрезковой образные метаморфозы, как правило, касаются перевоплощений самой лирической героини, то в поэтическом мире Е. Афанасьевой бесконечно видоизменяется, «реинкарнирует» весь окружающий мир: абстрактное не только обретает конкретную, визуально воспринимаемую форму, но и обладает свойством «перетекать» в другую:

Коркё водзджыксё ме вёлі жё ёд пуён...
Зарни корсё ёнёдз чёвтё вётам –
войся енэжсё ме шондіабн тёда...
(«Падвеж») [Афанасьева, 2008, с. 26].

Когда-то давно и я тоже была деревом ...
Золотые листья и поныне сбрасывает в моих снах –
ночное небо солнечным я знала...
(«Перекресток»).

В этом мире все приобретает не свойственные им качества: деревья обладают способностью летать, ангелы посещают землю, жизнь воспринимается как сон, а сон – как реальность, птица непринужденно пролетает сквозь сердце лирической героини («Шонди бус. Туй» – «Солнечная пыль. Дорога»), и сквозь нее же к небу прорастает дерево («Тэ он тёд, кытчё тайё Туйыс?...» – «Знаешь ли ты, куда ведет этот Путь?...»). Подвижность, текучесть образов формируется из ассоциаций, которые зачастую парадоксальны, так как основаны не на выявлении аналогичных свойств и качеств. Так, птица в стихотворении «Куим лэбачёс аддзылі...» («Видела трех птиц...») перевоплощается в реку; подруга детства, покидая земную жизнь, обращается в бабочку («Бобувьяс» – «Бабочки»), а бабушка – в цветок («Брёнъдё» – «Клевер»); журавлями над деревней пролетают предки лирической героини («Турияс» – «Журавли»); души забытых, утраченных народом слов обретают жизнь в камне («Йёз вежёрысь вошём кывьяслы...» – «Забытым народом словам...»).

Асья ру пыин келала...
Вошті ачымёс –
лов гажой быгтьё тюрёма войё...
То тай сійё –
сэтшём ас нога –
нитшялём жёлёб помё ёшійма
сёдзтысьыс
ва войтён...
(«Асья ру пыин келала...».
[Афанасьева, 2010, с. 10].

Что я потеряла в утренних
туманах...
Может быть, себя –
может быть, душу, канувшую в ночь...
Да нет же –
вот она –
свернулась солнечной капелькой
на краю замшелого желоба.
(«Что я потеряла в утренних
туманах...») (Перевод Г. Бутыревой).

Художественное пространство Е. Афанасьевой наглядно воссоздает специфику инкорпорированного мышления, в котором каждый предмет обладает способностью трансформироваться в абсолютно любой другой, в котором «все решительно и целиком присутствует или, по крайней мере, может присутствовать во всем» [Лосев, 1982, с. 261].

Таким образом, мифопоэтическая тенденция в современной коми поэзии получает реализацию на разных уровнях поэтического текста, выявляя себя как в архетипической основе отдельного лирического переживания или средства художественной выразительности, так и в собственно мифотворческом принципе творчества. Можно говорить о подсознательном, интуитивном мифопоэтизме в лирике Н. Обрезковой, заключенном не столько в художественной переработке традиционных мифофольклорных образов, сюжетов, мотивов, сколько в том, что ее поэзия тяготеет к воспроизведению, утверждению, «консервации» пласта древних представлений родного народа об окружающем мире, сохранению их от забвения в урбанизированном и поликультурном пространстве современности. Своеобразной «реабилитацией» национальных архетипов становятся и ключевые лирические переживания «постсоветского» человека в лирике Н. Павловой. Художественное сознание Е. Афанасьевой носит мифотворческий характер: она создает эстетично оформленное ментальное пространство, собственный микрокосм, в котором действуют нефизические – сказочные – законы и закономерности. Поэзия 1990-х гг. и далее 2000-х гг. расширяет границы постигаемого человеком жизненного пространства: современность осмысливается поэтами сквозь призму древних, традиционных представлений о мире, а физически осязаемый (земной) мир – через контакт, взаимосвязь с параллельно-потусторонним (интуитивные откровения лирического героя, постижение природы снов, физической смерти и др.). Выход за границы телесно-чувственно постигаемого обусловлено обращением авторов к самоидентификации через вопросы онтологического, бытийного характера, не объяснимые рациональным, эмпирическим путем.

Литература

Афанасьева, Е. Енкӧлаӧ ыбӧс (Настежь горизонт) / Е. Афанасьева. – Сыктывкар: Эскӧм, 2008. – 90 с.

Афанасьева, Е. Каленик-лэбач (Птица-каленик) / Е. Афанасьева. – Сыктывкар: Издательство Союза писателей РК, 2010. – 32 с.

Афанасьева, Е. Ву (Вашка) / Е. Афанасьева. – Сыктывкар: ООО «Изд-во "Кола"», 2014. – 64 с.

Важ йӧз (Предки) // Мифология Коми / науч. ред. В. В. Напольских. – М.: ДИК, 1999. – С. 95–96.

Горинова, Н. В. Традиции В. Чисталева и К. Жакова в драме О. Уляшева «Енколаяс йлысь поэма» (Поэма о молельнях, 1991) / Н. В. Горинова // Финно-угроведение. – 2011. – № 1. – С. 12–23.

Горинова, Н. В. Элементы трагедии в пьесе-сказке Г. Юшкова «Енныв» (Дочь Бога) / Н. В. Горинова // Вестник угроведения. – 2013. – № 4 (15). – С. 18–23.

Горинова, Н. В. Поэтика пьесы Н. Обрезковой «Духовна» / Н. В. Горинова // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2016. – № 2. – С. 79–91.

Демин, В. Н. История и типология жанров коми поэзии / В. Н. Демин. – Екатеринбург: УрО РАН, 1997. – 314 с.

Касимов, Р. Н. Специфика формирования и бытования мифологического сознания: от традиционной культуры к современности / Р. Н. Касимов // ИДНАКАР. – 2014. – № 5 (20). – С. 96–110.

Киндря, Н. А. Животные и символика злой силы в древнем мышлении / Н. А. Киндря // Социальная политика и социология. – 2010. – № 4 (58). – С. 210–215.

Конь и лошадь // Л. С. Баешко, А. Н. Гордиенко Энциклопедия символов. – М.: Эксмо, 2007. – С. 34–38.

Кузнецова, Т. Л. Развитие коми литературы / Т. Л. Кузнецова // История Коми с древнейших времен до конца XX века. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2004. – Т. 2. – С. 595–599.

Кузнецова, Т. Л. Творчество К. Жакова и коми проза конца XX – начала XXI в.: постижение времени периода порубежья / Т. Л. Кузнецова // Филологические исследования на рубеже XX–XXI веков: традиции, новации, итоги, перспективы: сборник статей по итогам Всерос. науч. конф. – Сыктывкар: Издательство ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2012. – С. 258–263.

Кузнецова, Т. Л. Малые формы коми прозы конца XX – начала XXI в.: особенности художественного развития / Т. Л. Кузнецова. – Сыктывкар: Издательство Коми НЦ УрО РАН, 2014. – 40 с.

Кыз (Береза) // Мифология Коми / науч. ред. В. В. Напольских. – М.: ДИК, 1999. – С. 221–222.

Лимерова, В. А. «Дзирыд дой» (Мерцающая боль): новая книга Нины Обрезковой / В. А. Лимерова // Арт. – 2008. – № 4. – С. 187–189.

Лимеров, П. Ф. Мифология загробного мира / П. Ф. Лимеров. – Сыктывкар: Издательство Коми НЦ УрО РАН, 1998. – 125 с.

Лосев, А. Ф. Знак. Символ. Миф / А. Ф. Лосев. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 479 с.

Малева, А. В. Феномен иррационального в лирике коми поэтесс / А. В. Малева // Художественный опыт литератур финно-угорских народов: общее и особенное. – Сыктывкар, 2014. – С. 163–168.

Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – М.: Наука, 1976. – 407 с.

Несанелис, Д. А. Некоторые архаичные представления коми о ритуальном статусе коня / Д. А. Несанелис // Тезисы Десятой коми республиканской молодежной конференции. – Сыктывкар, 1987. – С. 24.

Обрезкова, Н. Коркӧ ставыс лоӧ бур (Когда-нибудь все будет хорошо) / Н. Обрезкова. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2001. – 32 с.

Обрезкова, Н. Дзирыд дой (Мерцающая боль) / Н. Обрезкова. – Сыктывкар: ООО «Изд-во "Кола"», 2007. – 80 с.

Обрезкова, Н. Вуджӧд менӧ, пыжанӧй (Перевези меня, лодочка...) / Н. Обрезкова: кассетный сборник из 4-х книг. – Сыктывкар: [б. и.], 2010.

Павлова, Н. Шондиӧ асыв! (Солнечного утра!) / Н. Павлова. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2006. – 48 с.

Павлова, Н. Муслун вабергач (Водоворот любви) / Н. Павлова. – Сыктывкар: Издательство Союза писателей РК, 2010. – 31 с.

Сорокин, П. А. Пережитки анимизма у зырян / П. А. Сорокин // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. – 1910. – № 20. – С. 49–62.

Уляшев, О. И. Цвет в представлениях и фольклоре коми / О. И. Уляшев. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1999. – 156 с.

Элиаде, М. Аспекты мифа / М. Элиаде. – М.: Инвест-ППП, 1995. – 238 с.

Статья написана в рамках выполнения государственного задания по теме НИР «Коми литература: особенности художественного воссоздания картины мира» (№ 122040800170-7).

Информация об авторе:

Малева Анастасия Вальерьевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора литературоведения Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, malana84@mail.ru.

О. Н. Баженова

Смешение кодов на материале коми художественных текстов

В статье на материале коми художественных текстов рассмотрены стилистические функции перехода с коми языка на русский внутри высказывания. Автор приходит к выводу, что одной из основных стилистических функций смешения кодов является речевая характеристика говорящего, преимущественно с негативной стороны. Кроме того, смешение кодов употребляется писателями с целью обозначить принадлежность персонажа определенной этнической или религиозной группе, а также передать особенности изображаемой эпохи.

Ключевые слова: стилистика, стилистические функции, смешение кодов, художественный текст, речевая характеристика, коми язык

O. N. Bazhenova

Mixing of Codes in Texts of Komi Fiction

This article examines the stylistic functions of the transition from the Komi language to Russian within an utterance on the basis of material from Komi fiction texts. The author concludes that one of the primary stylistic functions of code-mixing is the characterization of the speaker's speech, particularly in a negative light. Furthermore, code-mixing is employed by writers to indicate the character's affiliation with a specific ethnic or religious group, as well as to portray the distinctive characteristics of the depicted era.

Keywords: stylistics, stylistic functions, code mixing, fiction text, speech characterization, the Komi language

Вопросы об уместности употребления иноязычной лексики в коми художественных текстах поднимались в различные периоды развития коми литературного языка. В 20-е гг. XX в. особое значение придавалось обогащению литературного языка внутренними ресурсами: диалектизмами и неологизмами. Однако с конца 1930-х гг. в силу политических причин был взят курс в противоположном направлении: пополнять коми литературный язык средствами русского языка для «более легкого усвоения русской грамоты и русского языка» [Сидоров, 1952, с. 10].

В дальнейшем тенденции использования в коми литературном языке излишних заимствований, употребления большого количества сино-

нимов-дублетов и синтаксических калек с русского языка подверглись критике в докладе Б. А. Серебренникова на «Научном совещании по вопросам языкознания» (1952). Как отмечает Е. А. Цыпанов, «тогда чуть ли не революционным для участников конференции стало осознание того, что далеко не все *включения* из русского языка приемлемы и уместны... Это совещание можно смело назвать реанимацией традиционного финно-угорского языкознания в России, так как представители финно-угорских регионов, присутствовавшие на совещании, конечно же, восприняли слова Б. А. Серебренникова как сигнал к действию» [Цыпанов, 2015, с. 143].

Рекомендации по очищению и обогащению коми литературного языка за счет внутренних ресурсов представлены в работах П. Г. Доронина [Доронин, 1960, с. 56], А. Н. Федоровой [Федорова, 1960, с. 60], Г. Г. Бараксанова [Бараксанов, 1964, с. 58–61], Е. А. Игушева [Игушев, 1988, с. 51], Г. В. Федюновой [Бараксанов, Федюнова, 1990, с. 39], Г. В. Беляева [Беляев, 1990, с. 65–71], Е. А. Цыпанова [Цыпанов, 2001, 2014, 2016]. Труды ученых и литературных редакторов способствовали тому, что со второй половины XX в. в коми литературе произошел постепенный переход к неискаженной передаче народного языка, лучшими образцами которого были признаны произведения 1920-х гг. [Федорова, 1960, с. 60].

Между тем, в текстах коми художественной литературы XX–первой четверти XXI в. можно наблюдать включение русской лексики в различных вариантах: 1) стилистически нейтральные русские заимствования (*любовь, эскадрон, штаб* и т. д.); 2) синтаксические единицы другого языка (*чэпэ районного масштаба, кутшйом гажжа эта ночь, я тай нё не знаю* и т. д.); 3) спонтанные включения в устный дискурс (*здохнитны*) и проч.

Смешение кодов как «вид речевой стратегии в ситуации билингвизма, когда происходит переход с одного языка на другой внутри высказывания» [ССТ, 2006, с. 196], часто используется писателями для речевой характеристики персонажа. Так, в повести И. Г. Торопова «Ноо, биа бордаяс!» («Ну-у, залетные!») в речи Педэся обращает на себя внимание глагол *здохнитны* ‘сдохнуть’, использованный дважды: *А сідз жё здохнитас Копьлыд! Мамсё дзыкөдз матё воштіс и, мамыс ськөд тиётти вермас здохнитны... Зөрьд өні бырис да* [Торопов, 2003, т. 1, с. 218] ‘А Копыл так и так **сдохнет!** Еще и мать свою вконец замучил, и мать вместе с ним может **сдохнуть**... Овса-то

больше нет'. Данный глагол не зафиксирован в словарях коми языка, в то время как русские лексемы *сдохнуть*, *издохнуть* (о животном) имеют помету *груб.*, когда речь идет о человеке [МАС, т. 1, с. 643]. В тексте повести глагол *здохнитны* противопоставляется эвфемизмам, приведенным в речи других персонажей: *абу олысьяс* 'не жильцы': *Сё равно вед найö абу олысьяс...* [Торопов, 2003, т. 1, с. 218] 'Все равно ведь они уже **не жильцы**'; *усьны* 'упасть': *Сöмын тай сэки жö и усис Педöсьлön Кöпылыс...* [Торопов, 2003, т. 1, с. 219] 'Только вот в тот же день умер (букв. упал) Копыл Педэся...'

В повести И. Г. Торопова «Тян» смешение кодов характерно для передачи слов отрицательного персонажа Бисина: [Салдат Иван] – Кывзы, Бисин... öни кöть висьтав... Коркö... Машасö... Тэ öбöдит-лин... Менам салдаталигөн... [Бисин] – Миян вöли любовь! – наяна шуис Бисин... – Ме сэки петі вöрысь, поле вылö. С хорошей добычей. А сійö, Марияыс, вундiс чарлаөн сю. Луныс вöли шондiа... Расчудесный день!.. Ме пукси шойччыштны зарни кольтаяс вылö... Потом мы немножко водыштлим öтлаын зарни кольтаясыс вылö... [Торопов, 2003, т. 3, с. 162] '[Салдат Иван] – Слушай, Бисин... Сейчас хоть скажи... Тогда... Машу... Ты обидел... Когда я в солдатах ходил... [Бисин.] – У нас была любовь! – хитро сказал Бисин... – Я тогда вышел из леса, на поле. С хорошей добычей. А она, Мария-то, жала серпом рожь. День был солнечный... Расчудесный день!.. Я сел отдохнуть на золотые снопы... Потом мы немножко легли вместе на золотые снопы'.

Большое количество переключений в речи персонажа может служить показателем душевной черствости, приверженности бюрократизму. Так, в рассказе В. И. Безносикова «Катька» завуч Надежда Киомвна вместо того, чтобы войти в трудное положение семьи, осыпает родителей Катьки канцеляризмами: – Тi нö мый, уважаемöй рöдительяс? Ми тiянöс чукöстлим педсöвет вылö, а тi энö соизволитöй явитчыны... [Безносиков, 1995, с. 44] '– Что же вы, уважаемые родители? Мы звали вас на педсовет, а вы не соизволили явиться'.

Заемствования в речи завуча соседствуют с разговорными коми выражениями, что создает комический эффект: Ыджыд кынöма ученица? Да тайö жö позор!.. Чэпэ районного масштаба вед тайö!.. Директорнымöс министерствоö чукöстiсны, колöкö, выговор шняпкасны... [Безносиков, 1995, с. 45] 'Брюхатая ученица? Да это же позор!.. Это ведь чэпэ районного масштаба!.. Нашего директора в министерство вызвали, может, выговор шлëпнут...'

Писатели используют прием смешения кодов в речах служащих, желающих продемонстрировать односельчанам свое превосходство: Колхозса собраннѳ вылын Арсень кутіс висътавны «речь». – Товарищи! Тіян колхозлѳн эм ыджыд достижениеяс, ськѳд йитѳдын ті вполне заслуживайтанныд поощрение, в особенности тіян ударница-яс [Илля Васъ, 1985, с. 212] ‘На колхозном собрании Арсень начал произносить «речь». – Товарищи! У вашего колхоза есть большие достижения, в связи с этим вы вполне заслуживаете поощрение, в особенности ваши ударницы’.

Ирония автора по отношению к подобным персонажам проявляется также через передачу коми «акцента» в русской речи говорящего: Тэварисси! Рруководствуясь этим и другими учениями вождя, мы, рруководство караванки, делаем всё, чтобы откррывать перед молодыми людьми ширрокую дорогу. Чтобы вы, тэварисси, куда как лучше тррудились, чтобы корошую нажетку имели и, понимаете ли, питались – от пуза [Торопов, 2003, т. 1, с. 350–351].

Смешение языковых кодов как художественный прием встречается не только в прозаических, но и поэтических произведениях. Например, в стихотворении В. А. Савина «Кыдья роч» («Полурусские») (1926) высмеиваются коми люди, стремящиеся выдавать себя за русских: Моски кузя мунѳ «роч», / Мича ныв туй сайын. / – Чья но эта? Чья но дочь? / Я тай нѳ не знаю... ‘Идет по мосткам «русский», / Красивая девушка за дорогой. / – Чья же эта? Чья же дочь? / Я, небось, не знаю...’ [Нѳбдинса Виттор, 2008, с. 92–93]. Пародию на чрезмерное количество русских слов в речи жителей коми деревни можно увидеть в стихотворении современного поэта А. Г. Елфимовой: – Путин пенсиятѳ содтіс! / – Содтіс кѳ, и назад босьтіс: / Содіс пес, и содіс мусор, / Пуктѳм зубьястѳ кѳть вузав! ‘– Путин пенсию-то прибавил! / – Как прибавил, так и назад забрал: / Подорожали дрова, подорожал мусор, / Хоть вставные зубы продавай!’ [Елфимова, 2021, с. 14].

Кроме выполнения эмотивно-оценочной функции, явление переклочения кодов в речи персонажа может служить признаком его принадлежности определенной религиозной или этнической группе. Например, русские слова и фразы в диалогах героев романа Г. А. Юшкова «Чугра» указывают на то, что они старообрядцы: – А бара на вот ме дінѳ. Колѳкѳ, и нянъла могѳн? – Воистину [Юшков, 2001, Т. 1, с. 322] ‘– А вот снова ко мне пришла. Может, даже хлеба попросить? – Воистину’; – А сійѳ лоѳ... усекновение главы Иоанна крестителя

[Юшков, 2001, т. 1, с. 395] ‘– А это будет... усекновение главы Иоанна крестителя’. В этом же романе по искаженным русским фразам в речи командира отряда красных можно угадать историческое лицо, бывшего австрийского офицера Морица Мандельбаума: – Гдьє ты былиа! – чирѳстѳмѳн юалѳм кылѳс отрядса командырыслѳн. – Отвичьяй! [Юшков, 2001, т. 1, с. 390] ‘– Гдьє ты былиа! – слышался визгливый вопрос командир отряда. – Отвичьяй!’ В повести И. Г. Торопова «Тяньлы водзѳ овны» (Вам жить дальше) стилизованная речь Виктора говорит о том, что перед читателем депортированный немец: – Война все зачеркнуль... Родина былъ... Родной река, богатый колхоз былъ, своя песня звучаль, парни с фредхен гуляль на высокий берег, Федья... [Торопов, 2003, т. 1, с. 356].

Как видно из приведенного выше материала, одной из основных стилистических функций приема смешения кодов в коми художественных текстах является речевая характеристика персонажа, преимущественно с негативной стороны. Смешение кодов нашло отражение и в сатирических произведениях, где воссоздается «полурусский» язык изображаемых лиц. Наряду с этим, переключения с коми языка на русский в речи персонажей воссоздаются автором с целью обозначить принадлежность героев определенной группе лиц или передать особенности изображаемой эпохи.

Литература

Бараксанов, Г. Г. Формирование языковых норм коми литературного языка / Г. Г. Бараксанов. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1964. – 64 с.

Бараксанов, Г. Г. Коми литературной кыв сѳвман туйяс / Г. Г. Бараксанов, Г. В. Федюнева // Коми кыв ѳнѳя олѳмын: материалы научно-практической конференции «Проблемы функционирования коми языка в современных условиях» (28–30 марта 1989 г.). – Сыктывкар: КРИУУ, 1990. – С. 30–41.

Безносиков, В. Чужан сиктын олам-вылам: висьтъяс, повесть / В. Безносиков. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1995. – 166 л. б.

Беляев, Г. Мед сернас и горнас ворсѳ / Г. Беляев // Войвыв кодзув. – 1990. – № 1. – л. б. 65–71.

Доронин, П. Коми литературной кыв да сылѳн развѳйайтчѳн туйяс / П. Доронин // Войвыв кодзув. – 1960. – № 5. – Л. б. 55–61.

Елфимова, А. Петыр Зин да мампась: кывбур / А. Елфимова // Чушканзі. – 2021. – № 2. – Л. б. 14.

Игушев, Е. А. Чужан кыв – менам олём да вёт / Е. А. Игушев. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1988. – 112 л. б.

Илля Вась. Дзордзав жё, Коми му: кывбурьяс, поэмаяс, мойдьяс, висьгьяс / Илля Вась / Дасьгис Г. И. Торлопов. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1985. – 253 л. б.

МАС – Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотип. – М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. – Т. 1.: А–Й. – 702 с. – Т. 4.: С–Я. – 797 с.

Нёбдинса Виттор. Мусюр сайын: проза гижёдьяс / Нёбдинса Виттор / Дасьгис да примечаниеяссё гижис Г. И. Торлопов. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1985. – 368 л. б.

Сидоров, А. С. Пути развития коми литературного языка / А. С. Сидоров // Научное совещание по вопросам языкознания в г. Сыктывкаре (28–31 января 1952 г.): тезисы докладов. – М., 1952. – С. 8–14.

Словарь социолингвистических терминов / В. А. Кожемякина, Н. Г. Колесник, Т. Б. Крючкова [и др.]; отв. ред. В. Ю. Михальченко. – М., 2006. – 312 с.

Торопов, И. Куим небөгö отувтём гижöd чукөр / И. Торопов. – Сыктывкар: Коми небөг лэдзанин, 2003. – Т. 1. – 734 л. б.; – Т. 3. – 686 с.

Федорова, А. Озырмöдны коми литературной кыв / А. Федорова // Войвыв кодзув. – 1960. – № 6. – Л. б. 59–62.

Цыпанов, Е. А. Коми язык: путь к государственному / Е. А. Цыпанов // Республика Коми – 80 лет. Очерки, посвященные 80-летию государственности Республики Коми в составе Российской Федерации / сост. О. Ю. Кузиванова. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2001. – С. 174–194.

Цыпанов, Е. А. Пути активизации неологизмов в коми-зырянском литературном языке / Е. А. Цыпанов // *Linguistica uralica*. – 2014. – № 1. – С. 53–64.

Цыпанов, Е.А. Нарушения норм литературного языка в текстах комязычных СМИ в аспекте лингвофутурологии / Е.А. Цыпанов // Доклад на расширенном заседании Ученого совета ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2015. – Вып. 5. – 56 с.

Цыпанов, Е. А. Вынйöра да мича – миян коми кывным / Е. А. Цыпанов. – Сыктывкар: Анбур, 2016. – 256 л. б.

Юшков, Г. Нёль небöгö öтувтöм гижöд чукöр / Г. Юшков. – Сыктывкар: Коми небöг лэдзанін, 2001. – Т. 1. – 688 л. б.; – Т. 2. – 656 л. б.; – Т. 3. – 704 л. б.; – Т. 4. – 736 л. б.

Публикация подготовлена в рамках плановой темы НИР «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья» (рег. № 121042600252-7).

Информация об авторе:

Баженова Ольга Николаевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, bazhenova-olga2011@mail.ru.

Колдунья и колдун в представлениях жителей русских заводских поселков Республики Коми

На материалах современных полевых записей (2008–2022), зафиксированных от русского заводского населения, в статье описаны нарративы о колдунах и их деятельности в контексте сопоставления по гендерному принципу. В работе рассмотрены образы, сюжеты и основные мотивы рассказов о мужчинах / женщинах-колдунах. Анализ текстов показал схожесть портретных характеристик, особенностей характера и манеры поведения колдунов. Колдуны мужчины и женщины обладают рядом одинаковых функций (наведение порчи, разрушение семьи) и способами магического воздействия. В то же время в нарративах о мужчинах-колдунах отсутствуют мотивы о порче урожая, передаче своей силы, зафиксированы единичные нарративы о порче скота, способах нанесения вреда, тяжелой смерти. В рассказах о колдуньях, наоборот, представлены многочисленные варианты вредоносного воздействия на человека / животное: через еду, питье, подобранные предметы, при помощи похлопывания, прикосновения и др. Разнообразны мотивы об оборотничестве и получении увечий колдуньей, передаче колдовской силы, тяжелой смерти колдуньи и способах облегчения ее смерти.

Опираясь на мнения О. Б. Христофоровой, Л. Дж. Олсон и С. Б. Адоньевой, автор приходит к выводу о том, что наиболее объективными причинами широкого распространения сюжетов о колдуньях являются: а) изменение социального статуса женщины после вступления в брак, где на нее возлагаются функции о заботе членов семьи, в том числе и защита родных, в особенности детей, от магического воздействия, б) наличие большего интереса со стороны женщины к темам, связанным со сверхъестественным, в) особенности формирования местных традиций и исторические события (сокращение мужского населения в связи с войнами).

Ключевые слова: колдун, демонология, суеверная проза, мифологические рассказы, колдовство, магические практики, русские локальные традиции, русские заводские поселения, Республика Коми

P.A. Istomina

A female witch and a male sorcerer in the representations of residents of Russian mining settlements of the Komi Republic

Based on the materials of modern field recordings (2008–2022) recorded from the Russian mining population, the article describes narratives about sorcerers

and their activities in the context of a gender comparison. The work examines the images, plots and main motives of stories about male / female sorcerers. The analysis of the texts showed the similarity of portrait characteristics, character traits and demeanor of the sorcerers. Male and female sorcerers have a number of identical functions (spoilage, family destruction) and methods of magical influence. At the same time, narratives about male sorcerers lack motives about spoiling crops, transferring their power, and single narratives about spoiling livestock, ways of harming, and severe death are recorded.

In the stories about female witches, on the contrary, numerous variants of harmful effects on humans / animals are presented: through food, drink, thrown objects, by patting, touching, etc. There are various motives about werewolf and mutilation by a sorceress, the transfer of witchcraft power, the severe death of a sorceress and ways to facilitate her death.

Based on the opinions of O. B. Khristoforova, L. J. Olson and S. B. Adonyeva, the author concludes that the most objective reasons for the widespread distribution of stories about female witches are: a) a change in the social status of a woman after marriage, where she is entrusted with the functions of caring for family members, including protecting relatives, especially children, from magical influences, b) the presence of more women's interest in topics related to the supernatural, c) peculiarities of the formation of local traditions and historical events (reduction of the male population due to wars).

Keywords: sorcerer, demonology, superstitious prose, mythological stories, witchcraft, magical practices, Russian local traditions, Russian mining settlements, Komi Republic

Культура локальных поселений (поселки Кажым, Нючпас, Нювчим) на фоне других русских анклавов выделяется особой спецификой, по словам Ю. А. Крашенинниковой, определенный «характер поселений (заводские поселки с "градообразующим" предприятием), функционирование заводов до середины (пос. Кажым) и конца (пос. Нювчим) XX в., неоднородный состав русского населения, тесные контакты с местным коми населением и спецпереселенцами из разных мест России – все эти и другие факторы оказали влияние на формирование местной фольклорной культуры и в какой-то мере обусловили структуру фольклорных традиций» [Крашенинникова, 2017, с. 133–134].

Широкое распространение в этих традициях получили рассказы о колдуньях / колдунах¹ и их вредоносной деятельности². Колдуном

¹ Закрепление репутации колдуна за конкретным человеком могло происходить из-за определенных умений и навыков, а также нестандартного поведения и антисоциального образа жизни.

² Несмотря на то, что в материалах были зафиксированы также сведения о том, что колдуны могли лечить, в своем большинстве данный персонаж заводскими жителями воспринимается как магический специалист, главная функция которого – вредить человеку. В работе рассмотрены основные мотивы о колдунах, преимущественно связанные с их вредоносной деятельностью.

является «персонаж низшей славянской мифологии, представляющий из себя реального человека с демоническими свойствами, полученными от рождения или в результате заключения договора с нечистой силой» [Левкиевская, 1999, с. 528].

Для обозначения человека, обладающего определенными знаниями и умениями, информанты используют в своей речи следующие номинации: колдун, дед, дядька, дядечка, старик, мужчина, прозвища – Коза Андрей, Зэтя Лёш. Также есть указания на этническую принадлежность («он коми был»), внешние характеристики («худощавый мужчина») и род деятельности / увлечения / умения (возил грузы на лошади, занимался рыбалкой, знал иностранный язык: «возит на лошади-то вот грузы», «он ставил на рыбу, мордами ловил», «он колдун, разговаривает, вишь как, не по-нашему»).

Зафиксированы единичные упоминания о том, как заводчане распознавали колдуна, в частности, по тому, как тот облизывал пальцы и щёлкал ими: «Я говорю, всегда почему-то вот пальцы лизал и так щёлкал всегда, дак его поэтому узнавали» (Зап. Ю. А. Крашенинникова, 2019 г., пос. Ньючим от NN¹, 1936 г. р.). При описании характеристики колдуна информанты подчеркивают его значительную вредоносную силу и умения, используя в своей речи лексемы со значением «сильный / могущественный» («он очень страшный», «чистый колдун», «настоящий колдун»), а также указывают на востребованность среди людей его определенных навыков.

Нарративов о колдунах записано относительно немного², круг мотивов этих текстов ограничен, в частности: наведение порчи на человека / животное (подрезание ушей у коровы – пос. Ньючим), раз-

¹ Здесь и далее ФИО информантов не указаны по этическим соображениям.

² Всего в ходе экспедиционных работ за период с 2008 по 2023 гг. было опрошено 205 чел. (153 жен., 52 муж.). Записано более 100 текстов о колдунах, причем большая доля приходится на женщин-информантов; сведения о колдунах удалось зафиксировать только от девяти респондентов-мужчин. Важно отметить, что значительную часть таких рассказов составляют мемуары, воспроизводящие впечатления информантов о том, как они лично (или же их родственники / знакомые, а также домашний скот) подверглись негативному воздействию колдуна. Материалы, записанные от мужского заводского населения, в сравнении с женскими текстами, менее эмоциональны и лапидарны. Соответственно, можно констатировать пониженный интерес к теме колдовства среди мужчин-заводчан, для которых наиболее предпочтительными являются темы, связанные с работой завода, его производством, охотой, рыбалкой, строительством и др. Отсутствие интереса к колдовскому дискурсу в мужской среде также отмечают в своих работах О. Б. Христофорова, Л. Дж. Олсон и С. Б. Адоньева. Так, О. Б. Христофорова высказывает мысль о том, что несмотря на существование «мужских» рассказов о колдовстве, очевидно, что «колдовской дискурсу по преимуществу женский». Исследователь объясняет это тем, что «в мужской среде принят другой язык для выражения и разрешения конфликтов» [Христофорова, 2010, с. 28].

рушение семьи, превращение в животное (кошку) с целью проникновения в хозяйственную постройку/дом/хлев для нанесения вреда (порчи, испуга). Зафиксирован единичный сюжет о превращении колдуна в неживой предмет (пос. Нювчим). Так, колдун превратился в голик¹, который затем был поломан; после этого подозреваемый в колдовстве старик сильно болел «<...> Он обращался, превращался даже когда в кого? Даже в голики, говорят. Так это не знаю, правда, нет. Потом голик этот ломали, потом он [старик – П. И.] болел. Вот я это слышала, сама не видела никогда ничё. <...> А потом я не слышала <про> колдунов, вот его одного слышала» (Зап. Ю. А. Крашенинникова, 2019 г., пос. Нювчим от NN, 1936 г. р.).

Для наименования женщин, обладающих магическими способностями, заводские жители используют следующие слова: колдунья, женщина, знахарка, бабка / бабушка, старуха, ведьма, прозвища – Жопиха, Кишка / Бузённая кишка, Золотой пирожок, местоимения и числительные – она (мест.), эта (указат. мест.), одна (числ. в роли сущ.).

При описании вредоносной деятельности колдуньи информанты используют следующие глаголы: вредить, сделать, знать, изуродовать, изурочить, наговорить, наделать, ворожить, посадить, пакостить, при-ворожить, колдовать / приколдовывать, наговорить и др.

Зафиксированы сведения о профессиональном статусе и определенных умениях колдуньи (уборщица, медицинская сестра, безработная, гадала на картах / по руке), ее чертах характера (злая, ворчливая, мстительная, неразговорчивая и др.) и взаимоотношениях с жителями поселков (боялись, не любили, старались никак с ней не взаимодействовать и др.).

Анализируя нарративы о колдуньях, следует отметить их многообразие и разноплановость. В сравнении с группой рассказов о колдунье мотив оборотничества колдуньи получил широкое распространение в местных традициях и имеет различное текстовое воплощение. Перечень животных, в которых колдунья может превращаться шире: жаба / лягушка, кошка, овца, птица, лошадь, собака, поросенок.

Особо популярны тексты с мотивом о том, как колдунья оборачивается в какое-либо животное, которое впоследствии избивают. На следующий день выясняется, что избитой оказывается женщина, подозреваемая в колдовстве.

¹ Голик – «веник без листьев» [Ожегов, 1987, с. 125].

Попутно следует отметить, что мотив оборотничества также широко встречается в других русских анклавах Республики Коми. Например, в материалах, записанных в с. Серегово (Княжпогостский р-н), широко распространены сюжеты о превращении колдуньи в птицу¹. Кроме того, в сереговской фольклорной культуре, как и в заводских традициях, зафиксированы тексты о том, как колдунья, обернувшись каким-либо животным, получает увечья: *«Вот одна приезжала, это прилетела, говорит, Майчиха, колдунья баба вот такая. Птица, говорит, прилетела, в этот магазин. А стоял тут, значит, мужик, помогал, говорит, тятке. Он как ей подырячит по носу-то, этой мерой. Вот баба, Майчиха. И вот нос у неё изломан весь, шла она в магазин. [Она прилетела, а её ударили?] Она прилетела, значит, клевать деньги. Ей дали по носу. [Это как птица?] Птичка, птица, как ворона залетит. Ей как по носу поударячили по этому. Кто придёт, ну-ка в магазине покажется кто! Вот пришла, какая сволочь-то. [И сразу поняли, кто она?] Да, а её и знали»* (Зап. Ю. А. Крашенинникова, 2014 г., с. Серегово от NN, 1921 г. р.).

В заводских традициях встречаются тексты с мотивом «наказания колдуном / колдуньей человека за украденную у него / нее вещь». Так, мужчина украл у колдуньи карты, в качестве наказания она заставила его постоянно молиться до конца жизни (Зап. Ю. А. Крашенинникова, 2013 г., пос. Кажым от NN, 1939 г. р.). Наведение колдуном порчи могло довести человека до самоубийства. В частности, записан рассказ о том, как мужчина украл снасти с рыбой у колдуна, за что последний наслал на жителя поселка порчу: ему стало казаться, что все над ним смеются, в итоге он застрелился (Зап. Ю. А. Крашенинникова, 2013 г., пос. Кажым от NN, 1936 г. р.).

¹ Отметим, что в своих рассказах информанты часто таких женщин называют «вещицами» (вещица – «колдунья, гадалка; ведьма, оборотень». [СРНГ 1969, 228–229]). Предположительно выбранная номинация связана с определенным набором свойств и функций, характерных для данного мифологического персонажа. В частности, ряд исследователей на материалах мифологических рассказов о вещице, записанных в Пермском Прикамье, выделяют два доминантных образа оборотничества вещицы: в облике птицы, в котором она «отправляется для осуществления вредоносных действий, и облике животного (чаще свиньи, реже барана, волка, козла, кошки, лошади, поросенка, собаки), в котором она преследует людей, особенно молодых мужчин (обычно с целью повредить их половые органы)» [Черных, Русинова, Шкуратов 2016, 64]. В сереговской фольклорной традиции большинство записей о вещице связано с ее магической способностью оборачиваться в птицу, которая залетает в трубу (вылетает из трубы) для нанесения вреда кому-либо.

Колдуны также могли влиять на поведение животных (ГП 12 Колдун повелевает животными [Зиновьев¹, 1987, с. 317]). Например, женщина не могла загнать корову в хлев, пока на дороге стоял колдун; чтобы нейтрализовать его вред, она стала ругать колдуна матом и прогонять его с дороги, после этого корова зашла в хлев (ГП 19в Защита от ведьмы – ругань; ведьма лишается способности навредить, если ее обругать [там же, с. 315]). В данном случае, мы видим применение женщиной одного из активных способов защиты – матерной брани. По словам Б. А. Успенского, матерная брань «в ряде случаев оказывается функционально эквивалентной молитве» [Успенский, 1994, с. 62]. Так, для того, чтобы защититься от черта, домового, лешего и др. «предписывается либо прочесть молитву (по крайней мере осенить себя крестным знамением), либо матерно выругаться – подобно тому, как для противодействия колдовству обращаются либо к священнику, либо к знахарю» [там же]. При этом, как отмечает исследователь, в определенных случаях матерная брань может служить даже как «более сильное средство» [там же], когда применение молитвы не помогает, «а действенной оказывается только ругань» [там же]. В свою очередь, апотропеические средства О. Б. Христофорова подразделяет на пассивные (обереги, связанные с божественной защитой (крест, молитва)) и активные («все способы выражения символической агрессии – жесты, предметы и вербальные формулы» (кукиш, матерная брань) [Христофорова, 2010, с. 129].

Социум мог одобрительно относиться к деятельности колдуна / колдуньи, если она не приводила к негативным последствиям, а была направлена на благие цели, например, помощь в поиске пропавших животных или вещей. Зафиксировано несколько нарративов с мотивом «Колдун / колдунья помогает в поиске домашнего животного / вещи». Так, записан текст, в котором мужчина обращался к колдуну для того, чтобы тот помог ему найти корову: «*Ну у нас пропала корова. Неделю не было. Он посмотрел воду, вот в таз: “Корова, говорит, живая. У неё, говорит, телёнок. Родила телёнка в лесу и потом, щас придёт скоро”*. Вот через 10 дней пришла. <...> [То есть он видел, мог что-то рассказать?] Да. Он сказал, говорит: “Придёт корова живая с телёнком”. Но 10 дней не было коровы. Где мы только не искали

¹ Здесь и ниже мы опираемся на «Указатель сюжетов-мотивов быличек и бывальщин» В. П. Зиновьева [Зиновьев, 1987].

её, пришла потом с телёнком, всё. [Он мог кому-то навредить?] Мог, конечно, конечно, мог» (Зап.: С. Г. Низовцева, П. А. Истомина, 2019 г., пос. Нювчим от NN, 1960 г. р.). В другом случае, женщина обращалась к колдунье с просьбой помочь найти деньги, а также спинку дивана, которую потеряли при перевозке.

В местных традициях часто встречается мотив «запираания» колдуньи в доме с последующим изобличением ее в колдовстве. В указателе В. П. Зиновьева данный сюжет связан с ведьмой (ГП 20 «Ведьма не может выйти из дома, если поставить ухват вверх рогами; воткнуть в стол (в порог, в дверь) нож (иглу, ножницы); вбить осиновою палку в место, куда помочится ведьма, – ее разоблачают») [Зиновьев, 1987, с. 315]. В рассказах заводских жителей распознать колдунью можно с помощью иголки, воткнутой в дверной косяк, или перевернутой печной заслонки. В результате осуществляемых манипуляций предполагаемая колдунья не может выйти из дома (или войти в дом). Такой способ проверки служит подтверждением и в дальнейшем закреплении репутации колдуньи за испытуемой женщиной.

Среди различных свидетельств представлены тексты с мотивом «связь колдуньи с чертями и другой нечистой силой». Записаны единичные нарративы о том, как колдунья насылает на человека чертей (ГП 13д Ведьма напускает чертей на человека [там же]), также есть упоминания информантов о том, что после смерти колдуньи из подполья¹ выбегали черти в виде черных кошек: «[А вот черти в подполье живут, Вы сказали?] Да. В подполье тоже живут. <...> Там одна старушка умерла, ну видать, она тоже колдунья. Ну и говорит, после этого выбегали, как кошка чёрная только, как кошки. И этот, обратно забегали, говорит, в подполье. [То есть они кошками могут оборачиваться?] Да, да. Они как кошка, они тоже такого же типа, черные» (Зап. П. А. Шахматская, 2010 г., пос. Кажым от NN, 1935 г. р.). Зафиксированы сюжеты, в которых содержится имплицитное указание на образ огненного змея². Так, в одном из них говорится о существовании красного цвета, которое залетало к колдунье в трубу (Зап. Ю. А. Крашенинникова, 2013 г., пос. Нючпас от NN, 1931 г. р.). Мотив посещения дома колдуньи огненным змеем или

¹ Подполье – «помещение под полом, подвал» [Ожегов, 1978, с. 496].

² В традиционных народных представлениях в образе огненного змея к женщине может прилетать дух умершего мужа, черт / бес / сатана, демонологическое существо (с признаками змея).

чертом подчеркивает демоническую природу самой жительницы поселка и ее тесную связь с нечистой силой¹.

В заводских традициях достаточно часто фиксируются рассказы с мотивом передачи магического знания; чаще всего колдовская сила может передаваться по родственной линии (от бабушки, матери и др.) (подробно см.: Русинова И. И.²), или же любому человеку, желающему обладать сверхъестественными способностями. Распространение также получает мотив «тяжелой смерти колдуньи / колдуна» (Г1 17 Трудная смерть ведьмы, ГП 17 Трудная смерть колдуна [там же, с. 315, 318]). По представлениям заводчан колдуны мучительно и долго умирают, если не передадут свою силу (чаще всего через предмет, прикосновение), поэтому существует запрет подходить к ним, когда те находятся при смерти. Например, в случае отсутствия подходящего человека, которому колдунья могла бы передать свое «знание», та осуществляла определенные действия. В частности, был записан нарратив о том, как колдунья хотела незаметно передать свою силу информанту при помощи зевания, зная это, женщина незаметно от колдуньи сделала кукиш (фигу), после чего последняя не смогла осуществить задуманное: «<...> А потом тоже эта сидит зевает, зевает. А потом я руки сделала [в кукиш. – П. И.], сижу. Чтобы она мне не передала вот это. И вот она хотела мне передать своё. Она уже сильно болела и хотела мне передать свою это, колдовство. А я руки-то сделала, и сижу» (Зап. Ю. А. Крашенинникова, 2013 г., пос. Нючпас от NN, 1931 г. р.). Также зафиксирован текст о том, что колдунья не сумела передать свою силу кому-либо, и после ее смерти на 40-й день во время поминок в доме вышло колдовство в виде урагана: «<...> на 40 дней такое, говорит, пришло домой! Такой ветер, буря! Прямо, говорят, даже эти, которые сорок дней справляли: “Что у нас получилось! Ой, чё было!” А чё было, вот я не была. <...> Это, значит, она не могла отдать-то никому колдовство-то. А потом на сорок-то дней это всё вышло домой. <...> Вот у ней на 40 дней это всё и вышло потом к имя домой, на сорок-то дней. [У них что-то случилось в доме?] Да, такое получилось, как ураган какой-то. <...> [Из дома вышло на улицу?] Да.

¹ Этот же сюжет был записан в 2011 г. (в данном тексте вместо огненного существа к женщине прилетала птица).

² Подробно см.: Русинова, И. И. Способы облегчения смерти колдуна (на материале русских мифологических рассказов Пермского края) / И. И. Русинова // Традиционная культура. – 2020. – Т. 21, № 1. – С. 136–148.

Это всё равно у неё хоть она умерла, всё равно должно выйти» (Зап. Ю. А. Крашенинникова, 2013 г., пос. Нючпас от NN, 1931 г. р.).

Дом является противопоставлением внешнему миру и поэтому часто выступает «объектом разнообразных магических ритуалов, совершаемых для его защиты и ограждения от злых сил» [Плотникова, Усачева, 1999, с. 116]. Для облегчения смерти колдуньи / колдуна осуществляли действия, связанные с различными частями дома, в частности, с его верхней и нижней границами – потолком (прорубали потолок), матицей (вынимали матицу), половицей (вынимали половицу), отверстиями входа / выхода – печной трубой (закрывали / вар.: открывали трубу в печи, печную задвижку), окном и дверью (закрывали форточки / открывали окна, двери)¹.

По словам Н. А. Никитиной, целью таких обрядов является, с одной стороны – «выпустить душу в незнакомое ей отверстие, которое потом заделывается, чтобы она не могла вернуться» [Никитина, 1928, с. 322], с другой – такие обряды «основаны на представлении о том, что за душой колдуна приходит нечистая сила, которая не может проникнуть через закрешенные двери (в деревнях на двери раньше часто писали кресты)» [там же].

Записаны единичные варианты текстов с мотивом состязания колдунов², в частности, такие рассказы связаны с соперничеством между колдуньями. Так, у информанта заболели ноги, и она поехала в другой населенный пункт к женщине, умеющей лечить различные недуги. От знахарки информант узнала, что соседка навела на нее порчу, закопав наговоренную воду в том месте, где женщина часто ходит. Знахарка попросила женщину повторно прийти к ней на следующий день. Назавтра знахарка сообщила информанту, что она дралась с ее соседкой, но та одержала над ней победу, поэтому знахарка не сможет ничем помочь: «<...> *Вот у тебя какая соседка живёт. Вчера, знаешь, как мы с ней дрались. Она меня победила. Я ничё с ней сделать не могу! Вот так она мне сказала*» (Зап. С. Г. Низовцева, 2022 г., пос. Кажым от NN, 1937 г. р.). В другом рассказе ин-

¹ Также для облегчения смерти человека, обладающего определенными знаниями, зафиксированы действия, не связанными с домом, в частности, из-под головы колдуньи убирали подушку.

² О состязаниях между колдунами-мужчинами сведений записано не было. Зафиксировано лишь краткое упоминание о том, что если один колдун одолевает другого, то последний должен умереть. Также в рассказе есть указание на мучительную смерть проигравшего колдуна: «Это как говорится, если колдун колдуна заколдует, то один должен умереть. [Это так говорят у вас?] Если один колдун другого одолевает, тот который слабей тот долго умрёт» (Зап. С. Г. Низовцева, П. А. Шахматская, 2015 г., пос. Ньючим от NN, 1962 г. р.).

формант сообщила, что стала свидетельницей спора двух колдуний на предмет того, кто из них больше «знает».

Также следует отметить наличие единичных текстов с мотивом порчи урожая колдуньями (например, порчи картофеля) и их отсутствие в рассказах о колдунах: «*Вот соседке <колдунья сделала>, <соседка> картошку вынесла посеять, посадить. И она [колдунья – П. И.] как-то ночью пошла и в каждую картошку спички утыкала*» (Зап. Ю. А. Крашенинникова, 2015 г., пос. Ньючим от NN, 1931 г. р.).

Итак, обобщая рассмотренные материалы, мы пришли к следующим выводам. Во многих свидетельствах, записанных от заводских жителей, есть указания на то, что колдунами (как мужчин, так и женщин) часто считали этнических коми или «чужаков», приехавших в поселки из других населенных пунктов¹. Упомянутое обстоятельство О. В. Белова объясняет тем, что: «Оценка “чужих” как враждебных и опасных существ восходит к архаическим верованиям о том, что все пришедшие извне и не принадлежащие ближайшему сообществу люди являются представителями иного мира и обладают сверхъестественными свойствами» [Белова, 2009, с. 581].

В целом, колдуны и колдуньи имеют схожие портретные (напр. худоба, ношение черной одежды), психологические характеристики (обидчивость, враждебность, злопамятность), особенности поведения и способы магической деятельности, обладают в местных традициях набором одинаковых функций, а также выбором конкретного временного периода их наиболее интенсивной активизация (Великий / Чистый четверг², 12 часов ночи).

Специфической чертой заводских традиций является то, что в рассказах о колдунах практически не записаны сведения о порче ими сельскохозяйственных посевов³. В частности, отсутствуют тексты с мотивом «колдун / колдунья портит урожай», приемах нанесения вреда, способах распознавания колдунов-пережинщиков, защите

¹ Для объективности стоит отметить, что нередко колдунами считали не только «чужаков», но и местных жителей. В частности, к колдунам часто относили людей специфического внешнего вида и поведения, а также тех, кто не смог пройти «проверку» на причастность к колдовству. Среди других причин также можно выделить такие как: мучительная смерть человека, родственная связь с колдуном, ведение жителем поселка антисоциального образа жизни и др.

² По словам Н. Е. Мазаловой, в древности Чистый четверг совпадал с началом годового цикла, в этот день осуществлялось множество обрядов, которые были направлены «на обеспечение благополучия в новом году, в частности, обряды посвящения колдуна приурочивались к этому дню» [Мазалова, 2012, с. 124].

³ Зафиксированы единичные упоминания о порче картошки и огурцов.

урожая, которые в свою очередь, активно фиксируются, например, в костромской, нижегородской и псковской фольклорных традициях¹.

Имеющийся факт объясняется особым характером поселений (заводские поселки), в которых многие аграрные практики (в том числе и магические), связанные с сохранностью и качеством урожая, попросту утратились, в связи с отсутствием востребованности² и интереса к ним со стороны заводского населения³.

В рассказах о мужчинах и женщинах – колдунах – информанты сообщают, что те могут насылать на человека чертей, отмечая в некоторых случаях обратный характер отношений колдуны / черти, в частности, черти заставляют вредить колдунов и требуют от них отчет о проделанной работе⁴.

В текстах о колдунах-мужчинах практически не встречаются сведения о передаче своей силы кому-либо, «запирании» колдуна в доме при помощи иголки или другого предмета; записаны единичные нарративы о порче скота (подрезание ушей у коров на Великий четверг⁵), способах нанесения вреда (путем подбрасывания наговоренного предмета в дом), тяжелой смерти, а также помощи в поиске домашнего скота. В то время как в сюжетах о колдуньях отображены различные практики нанесения вреда человеку и животному: через

¹ Подробнее об этом см.: Корепова, К. Е. Нижегородские поверья о колдунах, уводящих урожай / К. Е. Корепова // Традиционная культура. – 2005. – № 1. – С. 83–90; Плошук, Г. И. Поверья о «заломах» и «пережинах» как источник реконструкции арханческих черт купальского обряда / Г. И. Плошук // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. – 2013. – № 3. – С. 59–72; Терновская, О. А. Пережины в Костромском крае (По материалам анкеты «Культ и народное сельское хозяйство» 1922–1923 гг.) / О. А. Терновская // Славянский и балканский фольклор. Этногенетическая общность и типологические параллели. – М.: Наука, 1984. – С. 117–129.

² По словам Л. Н. Жеребцова, «домашнее хозяйство заводского населения отличалось от крестьянского» [Жеребцов, 1962, с. 128], в частности, исследователь фиксирует отсутствие пахотных земель и полеводства. Заводские жители на приусадебных участках занимались выращиванием овощей, в особенности картофеля. Последний высоко ценился рабочими, поэтому под него отводилась основная «часть своего огорода» [Жеребцов, 1962, с. 128].

³ См.: Крашенинникова, Ю. А. Календарная культура русского населения заводских поселений Республики Коми / Ю. А. Крашенинникова, С. Г. Низовцева / отв. ред. д. филол.н., профессор ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет» Т. А. Золотова. – Сыктывкар, 2025. – С. 14–15. (в печати).

⁴ Как отмечает Н. А. Никитина, колдун обязан предоставить чертям различную работу. Согласно сведениям из Слободского уезда Вятской губернии, «подвластные колдуну черти в каждый 10-й и 40-й день приступают к нему и просят работы, т. е. позволения мучить болезнями людей» [Никитина, 1928, с. 313]. Если этого не сделать, то черти будут мучать самого колдуна. В заводских традициях Республики Коми также были зафиксированы лаконичные сведения об этом.

⁵ Великий четверг в местных традициях также называется Страшным / Чистым / Страстным. Подробнее см.: Низовцева С. Г., Календарно-обрядовая культура русского заводского населения Республики Коми: пасхальный цикл / С. Г. Низовцева, Ю. А. Крашенинникова // Традиционная культура. – 2023. – Т. 24, № 4. – С. 22–34.

еду и питье (напр., добавление в красное вино менструальной крови), путем подбрасывания предметов (свертков, иголок и др.) во двор / дом / хлев, при помощи манипуляций с руками (похлопывание, прикосновение и др.); указаны определенные умения (гадание на картах, по руке), которыми обладают колдуньи. Отметим разнообразие мотивов об оборотничестве колдуньи и получении ею увечий, а также передаче своих умений другому лицу, тяжелой смерти колдуньи и способах облегчения ее смерти. В редких случаях деятельность колдуньи и колдуна также могла быть направлена на благо социума, например, к колдунье обращались для лечения каких-либо болезней или для поиска пропавших вещей, к колдуну – для поиска домашних животных.

Таким образом, в местных традициях несмотря на наличие нарративов о колдунах-мужчинах очевидно, что значительное преимущество получили сюжеты о колдуньях. Говоря о причинах широкого распространения именно женских текстов о колдовстве О. Б. Христофорова справедливо отмечает, что мужчины имеют больше возможностей в выражении агрессии и разрешении конфликтных ситуаций, в то время как женщины чаще всего предпочитают говорить «о своих проблемах на языке традиционных фольклорных образов, в большей степени, чем мужчины, перекодируя социальную реальность» [Христофорова, 2010, с. 128]. Мы разделяем точку зрения исследователя о том, что после создания семьи женщина начинает особенно верить в колдовство, так как со сменой статуса женщины «увеличивается сфера ее ответственности и, следовательно, беспокойства и тревоги» [там же, с. 91]. Исполнение материнских обязанностей «сопровождается овладением новыми знаниями и навыками, среди которых важное место занимают приемы народной медицины и средства профилактики и устранения магического вреда» [там же].

Такие знания, по замечанию О. Б. Христофоровой, «передаются не только в форме прямого обучения, но и с помощью примеров – сюжетных нарративов, а также приобретаются опытным путем» [там же, с. 91–92]. Другим способом «включения в колдовской дискурс» [там же, с. 92], по мнению исследователя, является «обращение к магическим специалистам (знахарям, колдунам бабкам) для решения жизненных проблем» [там же]. Также нельзя не согласиться с тонкими наблюдениями Л. Дж. Олсон и С. Б. Адоньевой о том, что феминизация колдовского дискурса в современной российской культуре связана

с историческими и культурными изменениями, происходившими в XX в. К таким изменениям относятся: сокращение мужского населения, «тенденция приписывать женщинам роль хранительниц традиций, советские кампании по борьбе с кустарями (среди которых чаще всего и были мужчины, занимающиеся магическими практиками), а также кампании по борьбе с предрассудками и суевериями, которые в неравной степени затронули мужчин и женщин» [Олсон, Адоньева, 2016, с. 259]. Одновременно с этим, исследователи указывают на то, что «разговоры о магии относятся к женскому дискурсу по преимуществу», так как «для женщин магические причины болезней и члены сообщества, которые причиняют вред или избавляют от него, являются излюбленной темой разговоров и предрассудков» [там же]. Данный факт Л. Дж. Олсон и С. Б. Адоньева связывают «с особым отношением женщин к сверхчувственному миру (миру мертвых и миру духов-хозяев, а также и религиозному миру) и их сугубой ответственностью за здоровье и благополучие семьи» [там же]. Следует учитывать и особенности формирования местной локальной традиции (местоположение – русские заводские поселки в иноэтническом, коми, окружении); часто колдуньей / колдуном жители поселков считают именно человека, принадлежащего к другой национальности или населенному пункту.

Литература

Белова, О. В. Свой – чужой / О. В. Белова // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. – М., 2009. – Т. 4. – С. 581–582.

Жеребцов, Л. Н. К изучению культуры и быта горнозаводского населения Коми края (II половина XIX – начало XX вв.) / Л. Н. Жеребцов // Историко-филологический сборник. – Сыктывкар, 1962. – Вып. 7. – С. 121–138.

Зиновьев, В. П. Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / В. П. Зиновьев. – Новосибирск, 1987. – 400 с.

Корепова, К. Е. Нижегородские поверья о колдунах, уводящих урожай / К. Е. Корепова // Традиционная культура. – 2005. – № 1. – С. 83–90.

Крашенинникова, Ю. А. История горнозаводских поселений Республики Коми в местной устной прозе (к вопросу об источниках

и механизмах формирования фольклорного репертуара) / Ю. А. Крашенинникова // Человек и событие в исторической памяти: сб. ст. / отв. ред. Ю. А. Крашенинникова. – Сыктывкар, 2017. – С. 132–147.

Крашенинникова, Ю. А. Календарная культура русского населения заводских поселений Республики Коми / Ю. А. Крашенинникова, С. Г. Низовцева / отв. ред. Т. А. Золотова. – Сыктывкар, 2025. (в печати).

Левкиевская, Е. Е. Колдун / Е. Е. Левкиевская // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 1999. – Т. 2. – С. 528–534.

Мазалова, Н. Е. Возобновление магической силы у русских ритуальных специалистов / Н. Е. Мазалова // Аспекты будущего по этнографическим и фольклорным материалам: сб. науч. ст. / отв. ред. Т. Б. Щепанская. – СПб.: МАЭ РАН, 2012. – С. 121–140.

Низовцева, С. Г. Календарно-обрядовая культура русского заводского населения Республики Коми: пасхальный цикл / С. Г. Низовцева, Ю. А. Крашенинникова // Традиционная культура. – 2023. – Т. 24, № 4. – С. 22–34.

Никитина, Н. А. К вопросу о русских колдунах / Н. А. Никитина // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Л.: АН СССР, 1928. – Т. VII. – С. 299–325.

Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов / под ред. Н. Ю. Шведовой. 12-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1978. – 846 с.

Олсон, Л. Традиция, трансгрессия, компромисс: миры русской деревенской женщины / Л. Олсон, С. Адоньева. – М.: НЛО, 2016. – 620 с.

Плотникова, А. А. Дом / А. А. Плотникова, В. В. Усачева // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 1999. – Т. 2. – С. 116–120.

Площук, Г. И. Поверья о «заломах» и «пережинах» как источник реконструкции архаических черт купальского обряда / Г. И. Площук // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки». – 2013. – № 3. – С. 59–72.

Русинова, И. И. Способы облегчения смерти колдуна (на материале русских мифологических рассказов Пермского края) / И. И. Русинова // Традиционная культура. – 2020. – Т. 21, № 1. – С. 136–148.

Словарь русских народных говоров. Вып. 4. В-Военки. [Сост. Л. И. Балахонова, А. Ф. Марецкая, П. И. Павленко и др.]; гл. ред. Ф. П. Филин]. – Л.: Наука, 1969. – 357 с.

Терновская, О. А. Пережины в Костромском крае (По материалам анкеты «Культ и народное сельское хозяйство» 1922–1923 гг.) / О. А. Терновская // Славянский и балканский фольклор. Этногенетическая общность и типологические параллели. – М.: Наука, 1984. – С. 117–129.

Христофорова, О. Б. Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России / О. Б. Христофорова. – М., 2010. – 432 с.

Успенский, Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии / Б. А. Успенский // Избранные труды. Т. 2. Язык и культура. – М.: Гнозис, 1994. – С. 53–128.

Черных, А. В. «Вещица» в мифологических рассказах русских Среднего Прикамья / А. В. Черных, И. И. Русинова, Ю. А. Шкуратов // Традиционная культура. – 2016. – № 2. – С. 62–79.

Работа выполнена в рамках плановой темы НИР «Поэтика фольклора народов Европейского Севера России в синхронии и диахронии» (рег. № 121051400044-2).

Информация об авторе:

Истомина Полина Александровна – младший научный сотрудник сектора фольклора Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, ms.polina1989@mail.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
АРХЕОЛОГИЯ.....	5
<i>Е. В. Попов. Погребение раннего железного века на поселении Парчъяг I (река Вычегда, Республика Коми).....</i>	5
<i>И. Н. Макарова. Серебряная зооморфная пронизка из фондов Научного музея археологии европейского Северо-Востока ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН.....</i>	15
<i>А. Л. Белицкая, С. А. Родов. Итоги изучения стоянки Красная гора вблизи города Сыктывкара.....</i>	23
<i>Н. А. Волокитина, С. А. Родов. Изучение некоторых аспектов повседневности археологических экспедиций на основе фотодокументов.....</i>	45
<i>И. Н. Макарова, М. С. Павлова. Научный музей археологии европейского Северо-Востока ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН: история и современность.....</i>	54
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ....	63
<i>В. Н. Каракчиев. Деятельность комсомола в Коми автономной области в 1920-е годы.....</i>	63
<i>У. В. Лыткина. Естественное движение населения в городах Коми АССР в 1950–1980-е годы.....</i>	80
<i>О. А. Куратов. Концепция мобильного перехода: основные положения и критика.....</i>	93
ФОЛЬКЛОР, ЛИТЕРАТУРА И ЯЗЫКОЗНАНИЕ.....	101
<i>А. В. Малева. Элементы мифосознания в современной коми женской поэзии.....</i>	101
<i>О. Н. Баженова. Смешение кодов на материале коми художественных текстов.....</i>	120
<i>П. А. Истомина. Колдунья и колдун в представлениях жителей русских заводских поселков Республики Коми.....</i>	127

Научное издание

STUDIA JUVENALIA (SJ)

**Сборник статей молодых ученых
Института языка, литературы и истории
Коми научного центра УрО РАН**

Выпуск 4

Рекомендовано к изданию Ученым советом
Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
(выписка из протокола № 11 от 30.10.24).

Редактор: О. А. Гросу
Оригинал-макет: И. М. Тимушева, Д. В. Осипова
Дизайн обложки: Д. В. Осипова

Лицензия № 0047 от 10.01.99.
Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Подписано в печать 08.08.2025.
Уч.-изд. л. 8,0. Усл. печ. л. 8,7. Тираж 500. Заказ № 43.

Редакционно-издательский центр ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
167982, Российская Федерация, Республика Коми,
г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 24.

